

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

27 2026
ЧАСТЬ VI

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 27 (630) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Эмми Нётер* (1882–1935), немецкий математик.

Эмми Нётер родилась в баварском городе Эрланген в состоятельной семье, главой которой был Макс Нётер, получивший ранее докторскую степень за свои нетривиальные исследования в области алгебраической геометрии — сложном направлении, изучающем геометрические объекты, заданные как множества решений систем алгебраических уравнений. Эмми, вопреки традициям гениев, с детства не проявляла необычных математических способностей, но была очаровательным и умным ребенком, играла на фортепиано и любила танцевать.

Легче всего Эмми давались иностранные языки. В 18 лет она уже прекрасно владела французским и немецким, что позволило ей успешно сдать экзамены и претендовать на должность преподавателя в школах для девушек. Однако, вопреки здравому смыслу, Эмми решила продолжить обучение в Эрлангенском университете в качестве вольного слушателя, так как девушкам учиться официально было запрещено.

Поворотной точкой в жизни Эмми Нётер справедливо можно назвать зиму 1903–1904 годов, когда она провела семестр в знаменитом Геттингенском университете, где слушала лекции непревзойденных немецких маэстро, таких как Герман Минковский, Феликс Клейн и Давид Гильберт, во многом определивших ход развития не только математики, но и физики XX столетия. Вернувшись на малую родину в конце 1904 года, Эмми все-таки официально поступила в университет, так как ограничения для женщин были к тому времени сняты.

Изъявив желание заниматься исключительно математикой, Нётер взялась за дело с присущим ей упорством и прозорливостью: уже через четыре года она внесла значительный вклад в теорию инвариантов, успешно защитив диссертацию под руководством Пауля Гордана.

Однако через несколько лет Эмми назвала свои первоначальные исследования хламом. Что, может быть, так и было, ведь ее великие свершения были еще впереди. В 1910 году научный руководитель Эмми ушел в отставку, а его место занял Эрнст Фишер, через которого она уже лично познакомилась с Давидом Гильбертом, очень живо заинтересовавшимся исследованиями девушки в области абстрактной алгебры. В 1915 году этот интерес привел к приглашению Нётер для преподавания в Геттинген, однако даже Гильберту не удалось переломить предрассудки университетского совета и пробить ей постоянно оплачиваемую должность.

Однако, несмотря на все трудности, в 1918 году Эмми Нётер внесла гигантский вклад в теоретическую физику. В 36 лет она доказала теорему, названную ее именем, ко-

торая связывает законы симметрии физических систем и законы сохранения энергии. На основе одной из наиболее абстрактных областей математики — теории бесконечных непрерывных групп, называемых группами Ли, — Нётер сделала важные выводы об однородности времени и пространства, которые впоследствии неоднократно будут использоваться для построения физической картины мира.

Продолжив работу в Геттингене, Эмми защитила докторскую диссертацию и вскоре все-таки получила оплачиваемую должность «лектор по алгебре». Еще бы, ведь годом ранее Нётер опубликовала революционную работу, посвященную коммутативным кольцам и идеалам, заложив фундамент общей алгебры.

За 11 следующих лет Нётер внесла вклад в развитие теории Галуа, теории инвариантов конечных групп, топологии, некоммутативной алгебры и теории представлений, выполнила большую работу в области гиперкомплексных чисел. И пусть многие из этих разделов математики абстрактны и не тревожат ум обычного человека, тем не менее все они важны в целом для научно-технического прогресса.

В 1933 году мир изменился. В Германии к власти пришли фашисты, которые не могли допустить, чтобы белокурой арийцам преподавала математику женщина-еврейка. Эмми поддерживала тесные контакты с советскими математиками, поэтому рассматривала переезд в СССР и работу на кафедре алгебры в МГУ, однако получить на это разрешение ей не удалось.

Нётер не сильно заботилась о своём внешнем виде и манерах; биографы предполагают, что она была полностью сосредоточена на науке.

Эмми пришлось эмигрировать в США, где она преподавала в женском колледже и читала лекции в Принстоне. Однако жить в более благоприятных условиях Нётер оставалось недолго — через два года в возрасте 53 лет она умерла от рака.

Спустя несколько дней после смерти Нётер её друзья и соратники устроили небольшую поминальную службу в доме президента колледжа Брин-Мор.

Тело Эмми Нётер было кремировано, а урна с прахом захоронена под стенами Библиотеки Кэри Томас в Брин-Море.

Альберт Эйнштейн в заметке о её смерти назвал Нётер одним из величайших творческих гениев математики.

У Эмми Нётер не было ни мужа, ни детей. Семью ей заменила математика и невероятное стремление к знаниям.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Омарова Е. Е.**
Правовое регулирование комплексного развития муниципальной территории 389
- Опря М. Г.**
Актуальные вопросы прокурорского надзора за антитеррористической защищенностью и транспортной безопасностью на объектах железнодорожной инфраструктуры как мера противодействия экстремизму и терроризму... 391
- Панин Д. И.**
Единая биометрическая система: риски и вызовы антиотмывочному законодательству..... 393
- Панин Д. И.**
К вопросу об установлении бенефициарных владельцев 395
- Пелевина Э. В.**
Проблема разграничения договора аренды и смежных договоров (безвозмездное пользование, лизинг, аренда транспортных средств) в судебной практике..... 397
- Пономаренко М. В.**
Актуальные вопросы прокурорского надзора в сфере противодействия экстремизму и терроризму..... 399
- Потапешко Е. Г.**
Делегирование полномочий единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью управляющему директору: особенности, правовые последствия 402
- Ровенко И. П.**
Таможенный контроль и отчетность в условиях применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны 406
- Рябуха А. Д.**
Особенности отграничения неоказания помощи больному от смежных составов 411
- Рябуха А. Д.**
Возмещение вреда, причиненного водным объектам..... 413
- Рябуха А. Д.**
Проблема определения размера компенсации морального вреда 416
- Сакерина Е. Э.**
Актуальные проблемы расследования преступлений в сфере цифровой экономики... 418
- Самигуллин М. Р.**
О праве детей на свободу от табачного дыма..... 422
- Сидорова М. Ф.**
Компенсаторные санкции в системе гражданско-правовой ответственности 424
- Туркин А. М.**
Современные возможности и проблемы судебно-медицинских экспертиз 426
- Ушакина А. В.**
Роль нотариуса в процедуре банкротства наследственной массы умершего гражданина..... 428
- Феоктистов С. В.**
Причины и детерминанты компьютерной преступности..... 431
- Фоменко Ю. С.**
Правовая процедура установления кадастровой стоимости объектов недвижимости 434
- Чашкина В. Е.**
Доказывание и доказательства в процессе признания права собственности на объект самовольного строительства..... 436
- Чепелева С. К.**
Цифровой контракт в контексте госзакупок: правовая природа, развитие законодательства и завершающий этап цифровизации контрактной системы 439
- Шантыз С. Н.**
Некоторые аспекты применения технологий искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации и опыт зарубежных государств..... 443

Якушкина М. С.

Понятие и виды споров, вытекающих из предпринимательской деятельности, и их подведомственность арбитражным судам..... 450

Якушкина М. С.

Процессуальный порядок рассмотрения и разрешения споров, вытекающих из предпринимательской деятельности, в арбитражных судах..... 452

Яровов М. В.

Уголовные дела по налоговым преступлениям...454

ФИЛОСОФИЯ

Свиридонов Р. А.

Эвентизм как метаязык: преодоление философских споров через осознание локальности правд 458

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовое регулирование комплексного развития муниципальной территории

Омарова Екатерина Евгеньевна, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье анализируется современная модель правового регулирования комплексного развития муниципальной территории в Российской Федерации. Обосновывается тезис о том, что в действующем законодательстве рассматриваемое понятие не закреплено в качестве самостоятельной легальной категории, а вытекает из системного толкования главы 10 Градостроительного кодекса РФ и норм о местном самоуправлении. Раскрывается трёхуровневая конструкция регулирования комплексного развития территории (КРТ). Особое внимание уделяется правовой природе решения о КРТ и договора о КРТ, а также защите прав граждан и финансовой устойчивости местного бюджета в свете правовой позиции Конституционного суда РФ (постановление от 29 мая 2026 года № 36-П).

Ключевые слова: комплексное развитие территории, муниципальное образование, местное самоуправление, градостроительное право, договор о КРТ, решение о КРТ, баланс публичных и частных интересов, финансовая самостоятельность муниципалитета.

Тема комплексного развития территории (далее — КРТ) приобрела новую нормативную конфигурацию после принятия Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 494-ФЗ, которым в Градостроительный кодекс Российской Федерации была введена глава 10. С этого момента КРТ оформилось как самостоятельный правовой институт, охватывающий не только редевелопмент застроенных кварталов, но и создание сбалансированной модели территориального развития — с жильём, коммунальной, транспортной и социальной инфраструктурой. Поправки 2023, 2024 и 2026 годов ясно показали: законодатель не считает институт сложившимся [1, с. 17]. При этом самого выражения «комплексное развитие муниципальной территории» закон не содержит — в научном обороте оно используется для обозначения КРТ, реализуемого в границах поселения, муниципального округа или городского округа и затрагивающего вопросы местного значения, муниципальную инфраструктуру и интересы жителей. Часть 1 статьи 64 ГрК РФ прямо определяет в числе целей КРТ создание благоприятных условий проживания граждан и обновление территорий общего пользования именно поселений, муниципальных округов и городских округов [2, с. 99]. Муниципальная территория здесь не новый вид территории, а пространство, в котором материализуется местный публичный интерес.

Регулирование КРТ определён многоуровневое. Федерация фиксирует цели, виды (жилая застройка, нежилая, незастроенная территория, инициатива правообладателей), базовую процедуру, содержание решений

и договоров. Субъекты РФ принимают акты о порядке реализации КРТ, определяют критерии включения объектов в соответствующие территории, регулируют статус операторов КРТ и нередко — на основании статьи 8.2 ГрК РФ и статьи 10.1 Земельного кодекса РФ (ЗК РФ) — перераспределяют отдельные градостроительные полномочия от муниципалитетов к региональным органам (Самарская, Томская, Московская области, Татарстан и ряд других субъектов). Каков остаточный объём муниципальной субъектности? Вопрос не риторический: даже при широком перераспределении именно на территории муниципалитета локализуются последствия принятого решения — меняются параметры городской среды, возникает обязанность синхронизировать проект с генеральным планом, правилами землепользования и застройки (ПЗЗ), программами развития инфраструктуры, фактической нагрузкой на местный бюджет. Муниципальное образование — последнее звено, на котором сходятся все линии регулирования и в котором обязательно проявится любая дисфункция вышестоящих уровней.

Юридический каркас КРТ держится на двух связанных элементах — решении о КРТ и договоре о КРТ. Решение о КРТ только при поверхностном взгляде воспринимается как технический акт. По существу оно содержит правила, рассчитанные на неопределённый круг лиц и неоднократное применение: определяет границы преобразуемой территории, допустимые параметры использования, инфраструктурные требования, последствия для собственников и арендаторов. А. К. Гончаров сближает такие

решения с нормативными правовыми актами по совокупности признаков и последствий, и судебная практика Верховного суда РФ в ряде дел движется в том же направлении — через проверку процедуры принятия и опубликования [3, с. 30]. Договор о КРТ — иная история: в новейшей цивилистической литературе он квалифицируется как смешанный гражданско-правовой договор, насыщенный публично-правовыми элементами и учитывающий специальный градостроительный режим [4, с. 28]. Институт получает пограничный, гибридный характер.

Заметная тенденция последних лет — ужесточение требований к инфраструктурной полноте проектов КРТ. До 2024 года КРТ нередко работало как механизм точечной застройки. Федеральный закон от 26 декабря 2024 года № 486-ФЗ изменил подход: решение о КРТ привязано к расчётным показателям минимально допустимого уровня обеспеченности коммунальной, транспортной и социальной инфраструктурой и максимально допустимого уровня территориальной доступности соответствующих объектов; ключевая часть изменений вступила в силу 1 марта 2025 года [5]. Для муниципальной территории это означает простую вещь: КРТ нельзя «запустить» в отрыве от муниципальных программ развития инфраструктуры — иначе разворачивается понятный сценарий, при котором жильё сдано, школа не построена, очистные сооружения не введены, дорога перегружена. Параллельно болевой точкой остаётся защита прав граждан и правообладателей: КРТ допустимо лишь при разумном балансе публичного интереса в преобразовании территории и частного — в сохранении имущества, полном возмещении, прозрачной процедуре изъятия [6, с. 70].

Эмпирическая картина отличается от теоретической. По данным Совета Федерации, к 1 декабря 2022 года субъекты РФ приняли 226 решений о КРТ, из них 81 — о КРТ жилой застройки [7]. По проектам КРТ к 30 января 2026 года введено 3,6 млн кв. м недвижимости, включая свыше 3 млн кв. м жилья [8]; только в Москве в 2025 году опубликовано 146 проектов КРТ. В качестве муниципального кейса показателен Новосибирск: проект КРТ жилой застройки в Калининском районе предусматривает расселение восьми аварийных домов общей площадью 3,3 тыс. кв. м, переселение 226 человек, строительство около 50 тыс. кв. м жилья и детского сада на 180 мест при объёме инвестиций около 4,7 млрд рублей [9]. Здесь зримо сочетаются жилищное обновление, социальный объект и распределение финансовой нагрузки.

Литература:

1. Бандорин Л. Е. О поиске баланса между публичными и частными интересами при комплексном развитии территории / Л. Е. Бандорин, А. В. Башарин // Закон. — 2023. — № 12. — С. 55–66.
2. Чмыхало Е. Ю. Комплексное развитие территорий населённых пунктов: правовые механизмы реализации / Е. Ю. Чмыхало // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2023. — № 12 (267). — С. 99–107.
3. Гончаров А. К. К вопросу о правовой природе решений о комплексном развитии территории / А. К. Гончаров // Вестник экономики, управления и права. — 2026. — Т. 19. — № 1. — С. 28–33.

Финансовая сторона — отдельный сюжет. Принципиальное значение получила правовая позиция Конституционного суда РФ, выраженная в постановлении от 29 мая 2026 года № 36-П по жалобе администрации городского округа «Сыктывкар»: муниципалитет, которому передаётся земельный участок из федеральной собственности и на который фактически переносятся расходы по освоению территории, должен иметь судебную возможность потребовать компенсации таких затрат из федерального бюджета [10]. Защита муниципального интереса в КРТ включает теперь и защиту местного бюджета от несоразмерной нагрузки — тезис, ещё недавно доктринальный, а теперь имеющий конституционно-правовое основание.

На наш взгляд, правовое регулирование комплексного развития муниципальной территории представляет собой не отдельный блок норм о застройке, а сложную конструкцию межуровневого публичного управления. Её устойчивость базируется на трёх условиях: ясное разграничение полномочий между субъектом РФ и муниципалитетом, исключающее «выдавливание» муниципалитета на ранних стадиях проектирования; нормативная связь решения о КРТ с обязательным инфраструктурным результатом; реальные гарантии прав собственников и жителей в сочетании с финансовой устойчивостью местного бюджета, поддержанной отныне правовой позицией КС РФ в постановлении от 29 мая 2026 года № 36-П.

Заключение

Комплексное развитие территорий ощутимо меняет российский рынок недвижимости. Для компаний, органов власти и инвесторов этот механизм несёт новые возможности и одновременно создаёт определённые трудности. Среди его плюсов выделяются увеличение предложения жилья, обновление инженерной и социальной инфраструктуры, рост ликвидности недвижимости и общее оживление экономики. Однако без тщательного контроля здесь не обойтись, поскольку вместе с положительными эффектами появляются и риски. Речь идёт о росте цен, вытеснении менее обеспеченных групп населения, временной нестабильности и экологических проблемах. В 2025 году были утверждены поправки к законодательству, которые упростили порядок комплексного развития территорий. Благодаря этому программа стала интереснее для частного капитала и, по всей вероятности, будет внедряться быстрее, что ещё сильнее повлияет на рынок.

4. Рубашкин В. В. Договор о комплексном развитии территории как гражданско-правовой договор смешанного типа / В. В. Рубашкин // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — Т. 18. — № 4. — С. 27–50.
5. Федеральный закон от 26.12.2024 № 486-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 53 (ч. I). — Ст. 8260.
6. Харинов И. Н. Изъятие земельных участков в целях комплексного развития территории: проблема идентификации публичных нужд / И. Н. Харинов, Ю. Э. Киль // Закон. — 2022. — № 12. — С. 66–83.
7. О реализации механизма комплексного развития территорий: материалы Совета Федерации от 01.12.2022. — URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/141624/> (дата обращения 02.07.2026).
8. Марат Хуснуллин: по проектам комплексного развития территорий введено 3,6 млн кв. м недвижимости // Правительство России. 30.01.2026. — URL: government.ru/news/57724/ (дата обращения 02.07.2026).
9. В Новосибирске по проекту комплексного развития территорий из аварийного жилья переселят 226 человек // Минстрой России. 10.11.2023. — URL: minstroyrf.gov.ru (дата обращения 02.07.2026).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2026 № 36-П // Официальный сайт КС РФ. — URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision912799.pdf> (дата обращения 02.07.2026).

Актуальные вопросы прокурорского надзора за антитеррористической защищенностью и транспортной безопасностью на объектах железнодорожной инфраструктуры как мера противодействия экстремизму и терроризму

Опря Марина Григорьевна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье анализируется роль органов прокуратуры в обеспечении защищенности объектов железнодорожного транспорта от террористических угроз. Рассматриваются особенности предмета прокурорского надзора на стыке законов о транспортной безопасности и антитеррористической защищенности. Выявляются типичные нарушения, связанные с категорированием объектов, подготовкой персонала и межведомственным взаимодействием. Обосновывается тезис о том, что эффективный надзор в данной сфере является не только правовым, но и превентивным инструментом в общей системе профилактики экстремизма.

Ключевые слова: прокуратура, транспортная безопасность, антитеррористическая защищенность, железнодорожная инфраструктура, экстремизм, прокурорский надзор, категорирование.

Одним из важных объектов транспортной инфраструктуры в Российской Федерации является железнодорожное сообщение.

По статистике, ОАО «РЖД» в год перевозит порядка 1,3 миллиарда человек, поэтому для деструктивных сил поездов и железные дороги остаются приоритетными целями в силу стратегической значимости, а также высокой степени уязвимости.

Железная дорога является «кровеносной системой» экономики, и нарушение ее функционирования способно вызвать не только техногенные катастрофы, но и панику в обществе, что соответствует основным целям экстремистской и террористической деятельности. В этих условиях прокурорский надзор выступает универсальным государственно-правовым механизмом, обеспечивающим обязанность исполнения законов, координацию борьбы с преступностью и, что наиболее важно, профилактику терроризма.

Правовая основа и разграничение понятий «транспортная безопасность» и «антитеррористическая защищенность»

Специализированные транспортные прокуратуры (на правах районных) на практике сталкиваются прежде всего с коллизией двух правовых режимов, регулируемых Федеральными законами № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» и № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также подзаконными актами, в частности постановлением Правительства РФ от 8.10.2020 № 1633, утвердившим требования по обеспечению транспортной безопасности и антитеррористической защищенности объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта.

Согласно ст. 21 Федерального закона № 2202-1 от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации» предметом надзора являются: соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение действующих на

ее территории законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций; соответствие законам правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами, указанными выше [3].

Предметом прокурорской проверки в данной сфере является комплексное соблюдение вышеуказанных норм субъектами транспортной инфраструктуры (ОАО «РЖД», владельцы путей необщего пользования и др.). Здесь возникает ключевая правовая коллизия — дублирование требований. Законодательство о транспортной безопасности требует оценки уязвимости и реализации планов обеспечения транспортной безопасности, а законодательство об антитеррористической защищенности — паспортизации объектов и выполнения инженерно-технических норм. Прокуратура при осуществлении надзора за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействия экстремизму и терроризму должна не допускать привлечения к ответственности несколько раз за одно и то же деяние, но в то же время должна требовать от субъектов исполнения «двойных» норм там, где это предусмотрено законом (например, в части защиты объектов транспортной инфраструктуры от актов незаконного вмешательства подразделения транспортной безопасности (далее — ПТБ) и проведения досмотра).

Типичные нарушения законности, выявляемые органами прокуратуры

Анализ практики прокурорского надзора, а именно актов прокурорского реагирования, на объектах железнодорожной инфраструктуры позволяет определить несколько наиболее уязвимых зон, снижающих антитеррористическую защищенность:

— формальный подход к категорированию и оценке уязвимости. Значительная часть нарушений связана с занижением категории объекта (вокзалы, станции, мосты), что позволяет хозяйствующим субъектам экономить на дорогостоящих инженерно-технических средствах охраны и защиты (системы видеонаблюдения с аналитикой, рамки металлодетекторов, взрывозащитное оборудование). Прокуроры выявляют факты несоответствия между присвоенной категорией и пассажиропотоком, а также реальную степень угрозы;

— неисполнение требований к подготовке ПТБ. Распространенным нарушением является допуск к работе сотрудников ПТБ, не прошедших обязательную аттестацию и психофизиологическое обследование. В ходе надзора устанавливается, что лица, привлекаемые по договору аутсорсинга к досмотру багажа, не обладают навыками выявления потенциально опасных пассажиров, что нивелирует весь комплекс организационных мер;

— игнорирование требований к защите информации. Прокурорскими проверками фиксируются нарушения режима обращения с конфиденциальной информацией, содержащейся в планах обеспечения транспортной безопасности. Утечка или свободный доступ к таким документам (включая схемы размещения постов, уязвимые места) создает «дорожную карту» для потенциальных исполнителей террористических актов;

— бездействие при пресечении несанкционированных вмешательств. Это касается не только проникновений в зону транспортной безопасности, но и фактов вандализма, размещения посторонних предметов, ложных сообщений об актах терроризма (телефонный терроризм). Прокуратура оценивает, насколько адекватно и оперативно субъекты инфраструктуры взаимодействуют с органами Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел на транспорте при возникновении таких инцидентов.

Координирующая роль прокуратуры в системе профилактики экстремизма

Согласно ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре РФ» прокуратура координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Применительно к транспортной безопасности эта функция выходит на первый план в аспекте противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

В рамках координационных совещаний руководителей правоохранительных органов транспортные прокуроры ставят вопросы не только о выявлении материально-технических нарушений, но и о профилактической работе. В частности, надзорное ведомство инициирует:

— проверка литературы и агитационных материалов, распространяемых в помещениях вокзалов и на привокзальных территориях, на наличие признаков экстремизма;

— мониторинг сети Интернет на предмет выявления осуществляемых через публичные Wi-Fi-сети вокзалов призывов к насилию на транспортных объектах инфраструктуры;

— контроль за исполнением законодательства о миграции: незаконные миграционные потоки, выявляемые на железнодорожных узлах, нередко сопряжены с рисками экстремистского характера.

Таким образом, прокурорский надзор смещается из плоскости сугубо технической (наличие забора или рамки) в социально-политическую — устранение причин

и условий, способствующих распространению радикальной идеологии.

Проблемные аспекты правового регулирования и предложения по их разрешению

Несмотря на активное применение ст. 11.15.1 и 11.15.2 КоАП РФ, а также ст. 263.1 УК РФ, остается ряд системных проблем:

— имущественный разрыв. Значительная часть инфраструктуры требует модернизации, однако финансирование антитеррористических мероприятий часто возлагается на собственников без учета их экономического положения. Прокуратура, требуя устранения нарушений, сталкивается с обоснованными ссылками на бюджетные ограничения. Представляется необходимым активизировать механизм обращения прокуроров в суд с исками к уполномоченным органам власти (Минтранс, Росжелдор) о понуждении к софинансированию данных мероприятий в рамках государственных программ;

— интеграция частных охранных предприятий. Качество их услуг на железнодорожных объектах остается крайне низким, и прокурорский надзор выявляет факты фиктивного выставления постов охраны. Решением могло бы стать дальнейшее развитие ведомственной охраны же-

лезнодорожного транспорта с расширением ее полномочий и вытеснением «серых» охранных структур из зон высокой ответственности;

— цифровой надзор. Необходимо внедрение автоматизированных систем, позволяющих прокуратуре на основании предоставленных полномочий в режиме реального времени контролировать работоспособность систем видеонаблюдения и сигнализации на критически важных объектах, исключая «человеческий фактор» сокрытия неисправностей.

Заключение

Сегодня прокурорский надзор за антитеррористической защищенностью объектов железнодорожной инфраструктуры — это не просто правовая функция, а комплексный превентивный механизм, направленный на сдерживание экстремистских и террористических угроз. На эффективность этого надзора влияет переход от формальной фиксации количества выявленных нарушений к глубокому анализу системных рисков и координации усилий всех субъектов профилактики. Только синтез жесткого спроса за исполнение норм транспортной безопасности с идеологическим противодействием экстремизму способен обеспечить реальную защищенность критической инфраструктуры государства.

Литература:

1. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // СЗ РФ. — 2007, № 7. — Ст. 837.
2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. — 2006, № 11. — Ст. 1146.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 01.07.2026).
4. Постановление Правительства РФ от 08.10.2020 № 1633 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры железнодорожного транспорта» // СЗ РФ. — 2020, № 42 (часть III). — Ст. 6593.
5. Шевченко К. В., Малашкина В. В. Правовое регулирование транспортной безопасности в России // Вестник магистратуры. — 2023. — № 2-2 (137). — С. 77–78. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-transportnoy-bezopasnosti-v-rossii> (дата обращения 02.07.2026).
6. Степаненко Ю. В. Теоретические и прикладные проблемы деятельности органов внутренних дел на транспорте // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.14. — Москва : Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2004.

Единая биометрическая система: риски и вызовы антиотмывочному законодательству

Панин Данил Игоревич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются изменения федерального законодательства в части внедрения единой биометрической системы. Особое внимание уделяется влиянию системы на антиотмывочное законодательство. Анализируются последствия такого внедрения. Выявлена взаимосвязь изменений федерального законодательства и принятия антимонопольных мер.

Ключевые слова: ЕБС, биометрические данные, 115-ФЗ, МФО, антиотмывочное законодательство.

В XXI веке использование биометрических данных возросло в связи с развитием и применением информационных технологий. Биометрия активно используется в различных сферах нашей жизни: мобильные устройства, банковская сфера, безопасность. Подобное стремительное развитие технологии повлекло за собой и соответствующие правовые изменения.

Понятие биометрических данных содержится в статье 11 Федерального закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» [1]. Здесь под биометрическими данными понимаются сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных.

Таким образом, для признания сведений биометрическими необходимо одновременное соблюдение двух условий:

1. На основании данных можно установить личность физического лица;
2. Данные используются для установления личности физического лица.

Из вышеуказанного определения логично следует вывод, что использование биометрических данных не в целях установления личности лица — не является обработкой персональных данных по смыслу федерального закона № 152, что не может не являться предметом определенной дискуссии.

Биометрические персональные данные сами по себе являются чувствительными данными (*sensitive data*), неправомерное использование которых может нанести существенный вред личности. Именно поэтому в последние годы злоумышленники нацелены именно на эту категорию данных, а именно: фотоизображение и голос человека.

Согласно статистике Министерства внутренних дел, за 11 месяцев 2024 года граждане Российской Федерации потеряли 168 000 000 рублей из-за дистанционного мошенничества. Было зарегистрировано более 702 000 000 преступлений в области информационных технологий, что на 14,3 % больше, чем за 11 месяцев 2023 года [2].

Реакция государства не заставила себя ждать и в 2025 году были приняты и вступили в силу ряд законопроектов, которые, по мнению государственных органов, должны кратко снизить объем преступлений в сфере информационных технологий.

Так, правовые основы регулирования единой биометрической системы (далее — ЕБС) регламентированы Федеральным законом от 29.12.2022 N 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [3]. Данный закон

регулирует отношения, возникающие при идентификации и аутентификации физических лиц с использованием ЕБС.

Первично, цель данного закона была создать систему, которая обеспечит хранение и использование биометрических данных граждан Российской Федерации, наполнить базу биометрическими данными, обеспечить их безопасность и сделать услуги и сервисы более доступными. При этом, под действие данного закона попадают только два вида биометрических данных, которые должны обрабатываться в совокупности — лицо (изображение) и голос человека.

Среди изменений так же стало расширение сферы действия единой биометрической системы и внесение изменений в Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — 115-ФЗ) [4], Федеральный закон от 02.07.2010 N 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее — 151-ФЗ) [5] и иные.

С 01.03.2026 г. вступают в силу некоторые положения изменений, касающиеся, в том числе, финансовой сферы. Так, расширяется перечень прав и обязанностей многих субъектов финансового рынка в отношении ЕБС. Например, право кредитных организаций (банков) проводить идентификацию с использованием ЕБС и аналогичная обязанность для микрофинансовых организаций. 151-ФЗ устанавливает, что в целях заключения договора потребительского займа в электронной форме МФО обязана осуществлять идентификацию или аутентификацию заемщика с использованием ЕБС.

Таким образом, фактически блокируется возможность заключить договор займа дистанционно без использования своего изображения и голоса, что очевидно создаст большие трудности для рынка микрозаймов и МФО как субъектов. По данным Банка России за 2024 год [6] совокупный объем прибыли МФО составил 52 млрд. рублей. На 31.12.2024 г. в реестре состояло 741 МФО с действующей лицензией. Таким образом, средняя доходность одной МФО за 2024 равна приблизительно 70 млн. рублей.

При этом, подключение к ЕБС (обязанность каждой МФО и право каждой кредитной организации), приведение в соответствие требований по информационной, технической безопасности и операционной надежности может обойтись каждой организации в десятки миллионов рублей, то есть фактически квартальной или даже полугодовой прибыли. Нельзя не отметить, что клиентский путь дистанционного оформления займа будет критически сложен или затруднен, так как каждому клиенту необходимо будет передавать в ЕБС свои биометрические данные. Этот факт будет вызывать у клиентов МФО настороженность и подозрения, что приведет к краткому снижению портфеля и падению совокупного объема выдач уже в 2026 году.

Безусловно, нельзя отрицать, что помимо безопасности и защиты данных граждан, борьбы с мошенничеством, Банк России преследует еще одну цель, к которой идет с конца 2023 года — снижение долговой нагрузки населения и охлаждение рынка кредитования и микрозаймов, в первую очередь.

Таким образом, мы видим, что, используя 115-ФЗ Банк России и государственные органы решают очень важные вопросы в сфере финансов и безопасности, которые даже не относятся к цели 115-ФЗ, а именно: противодействие отмыванию денежных средств и финансированию терроризма. Сложно поспорить, что введение идентификации с использованием ЕБС в антимошеннических целях не соответствует цели противодействию отмывания денежных средств. В связи с этим можно задать вопросом — почему для указанных изменений был выбран именно 115-ФЗ? Кажется, что ответ на поверхности. Каждый клиент, которого организация принимает на обслуживание обязательно проходит процедуру идентификации, без нее невозможно заключение какой-либо сделки (договор займа или открытие банков-

ского счета). Нарушение 115-ФЗ является критическим для любого субъекта, санкции затрагивают как специалиста в области 115-ФЗ — должностное лицо (запрет занимать должности, связанные с финансовым мониторингом), крупные штрафы, а также отзыв лицензии. В связи с этим видится, что субъекты будут непреклонно соблюдать требования, включенные в антиотмывочный закон, а также не будут искать способы обхода данного закона по риску отзыва лицензии.

Однако, в связи с тем, что решать антимошеннические цели нельзя за счет другого отраслевого законодательства — антиотмывочного, предлагается:

1. выделить существующие нормы о запрете заключения договоров займа без ЕБС в отдельный закон,
2. восстановить возможность заключения договоров займа с использованием упрощенной идентификации.
3. предлагается дополнительно изучить последствия указанных изменений их влияния на финансовый рынок.

Так, на момент написания данной статьи ни одна МФО не подключилась к ЕБС, что свидетельствует о неготовности рынка к таким изменениям.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — ст. 3451;
2. Ущерб от IT-мошенничества за 11 месяцев 2024 года составил 168 млрд рублей. — Текст: электронный // TASS: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/22814225> (дата обращения: 01.03.2026);
3. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 1 (ч. I). — Ст. 19;
4. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3418;
5. Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 27. — Ст. 3435;
6. Тенденции на рынке МФО за 2024 год. — Текст: электронный // cbr.ru: [сайт]. — URL: https://www.cbr.ru/analytics/microfinance/mfo/mmt_2024_4/ (дата обращения: 01.03.2026).

К вопросу об установлении бенефициарных владельцев

Панин Данил Игоревич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается понятие бенефициарного владельца, а также критерии для признания таковым лица. Особое внимание уделяется критерию прямого и косвенного владения. Анализируются аналогичные критерии в других странах. Представлены предложения по развитию института бенефициарного владельца в России.

Ключевые слова: бенефициарный владелец, бенефициар, прямое и косвенное владение, антиотмывочное законодательство.

Институт бенефициарного владельца является ключевым элементом системы противодействия отмыванию

доходов, полученных преступным путем (далее — ПОД/ФТ). В соответствии с абз. 13 ст. 3 Федерального

закона от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1] бенефициарным владельцем является физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процентов в капитале) клиентом — юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента. Таким образом, бенефициарный владелец — это:

1. физическое лицо,
2. прямо или косвенно владеющее более 25 % в капитале юридического лица,
3. имеет возможность контролировать его действия.

В рамках 115-ФЗ субъекты ПОД/ФТ обязаны выявлять бенефициарных владельцев, так как выявление реально контролирующей деятельности лиц необходимо для предотвращения использования юридических лиц в целях сокрытия или легализации преступных доходов.

Законодатель использует сочетание формального и фактического критериев (контроли и порог владения в 25 %), однако на практике именно количественный порог участия в капитале приобретает определяющее значение при идентификации бенефициарного владельца, а не факт контроля, который сложно выявить при отсутствии других формальных критериев.

Несмотря на наличие в российском законодательстве обязанности по выявлению бенефициарных владельцев, установленный порог участия в капитале — более 25 % — не всегда позволяет выявить лиц, фактически способных оказывать существенное влияние на деятельность юридического лица. В связи с этим представляется актуальным вопрос о снижении данного порога. Важно определить, почему использование критерия владения в 25 % не является эффективным в нынешних реалиях:

1. Дробление долей между несколькими лицами. Владение в капитале юридического лица можно разделить между 5 лицами, каждое из которых будет владеть 20 %, в результате чего юридическое лицо не будет иметь бенефициарного владельца (так как не выполняется критерий в 25 %). Что подразумевает, что указанные лица не будут выявляться в ходе контрольных мероприятий по раскрытию бенефициарных владельцев. Это предоставляет возможность потенциальным владельцам юридического лица совершать преступные действия с доходом.

2. Использование номинальных владельцев и сложных холдинговых структур. Наличие большой цепочки владельцев через номинальные юридические лица (иногда даже в иностранных государствах) размывает сквозные доли владения реальных бенефициаров, в связи с чем их владения чаще всего ниже порога в 25 %, но при этом такие лица имеют возможность контроля за деятельностью юридического лица, который никак не выявляется через формальные критерии.

3. Контроль без контрольного пакета владения. В некоторых случаях даже доля 10–15 % позволяет лицу влиять на принятие решений в юридическом лице, однако

такой физическое лицо не признается бенефициарным владельцем по формальному критерию.

Таким образом, формальный порог в 25 % не всегда может отражать реальную управленческую власть в юридическом лице.

Если рассмотреть международный опыт, то можно сделать вывод, что в международной практике многие страны используют аналогичный порог в 25 %. Рекомендации FATF не сводят понятие бенефициарного владельца исключительно к формальному владению определённой долей. Напротив, ключевое значение имеет способность физического лица в конечном счёте владеть или контролировать лицо. Однако, как было доказано выше — доказать факт контроля достаточно проблематично.

Интерес представляет подход Республики Беларусь, где для целей идентификации бенефициарного владельца применяется более низкий порог участия — 10 % [2]. Такой подход позволяет расширить круг лиц, подлежащих выявлению, и снизить риск сокрытия контроля посредством дробления долей или номинальных владельцев. Кроме того, размыть долю ниже 10 % даже через холдинговые структуры так же является проблемой.

Подобное снижение порога позволит выявлять больше лиц, способных влиять на деятельность юридического лица. Чем ниже порог участия, тем сложнее скрыть влияние посредством формального распределения долей.

Кроме того, такое снижение порога позволит сблизить и унифицировать подход государств ЕАЭС в сфере финансового мониторинга и эффективнее выявлять бенефициарных владельцев в сфере транснациональных отношений.

Однако снижение порога может отрицательно повлиять на проверки в связи с увеличением нагрузки на финансовый сектор (основные субъекты антиотмывочного закона).

В связи с чем предлагается следующее:

1. Внести изменения в Федеральный закон № 115-ФЗ, предусматривающие снижение порога участия в капитале юридического лица, при котором физическое лицо презюмируется бенефициарным владельцем, имея долю больше 10 %;

2. Создать государственный реестр бенефициарных владельцев с целью более эффективного выявления массовых потенциальных бенефициарных владельцев.

3. Закрепить использование риск-ориентированного подхода и дополнительных критериев: определение решения органов управления, аффилированные связи, массовое бенефициарное владение, владение через холдинговые структуры и офшорные юрисдикции, сложная цепочка владения.

Такие меры позволят повысить эффективность выявления реальных контролирующих лиц, однако снижение порога участия должно применяться в сочетании с риск-ориентированным подходом и более детальной регламентацией признаков фактического контроля.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3418;
2. Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, <https://pravo.by/>. — 03.07.2014. — 2/2163.

Проблема разграничения договора аренды и смежных договоров (безвозмездное пользование, лизинг, аренда транспортных средств) в судебной практике

Пелевина Элла Владимировна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена проблеме разграничения договора аренды и смежных с ним договоров в судебной практике. Автор анализирует критерии отграничения аренды от договоров безвозмездного пользования (ссуды), лизинга, аренды транспортных средств, а также рассматривает наиболее распространенные ошибки судов при квалификации спорных правоотношений. На основе анализа судебной практики формулируются практические рекомендации по правильной юридической квалификации договорных конструкций.

Ключевые слова: договор аренды, договор безвозмездного пользования, лизинг, аренда транспортных средств, судебная практика, квалификация договоров.

Договор аренды является одной из наиболее востребованных конструкций в гражданском обороте. Однако на практике возникает множество споров, связанных с разграничением аренды и смежных договоров — безвозмездного пользования (ссуды), лизинга, аренды транспортных средств с экипажем и без экипажа.

Как справедливо отмечает М.А. Мусалов, «Договор аренды, как и все остальные договоры, имеет характерные для этого договора собственные методы правового регулирования. Договор аренды необходимо отличать от смежных правовых институтов» [1, с. 1706].

Цель настоящей статьи — выявить основные критерии разграничения договора аренды и смежных договоров, проанализировать практику их применения судами и предложить рекомендации по квалификации спорных правоотношений.

Рассмотрим проблему разграничения аренды и безвозмездного пользования. Договор безвозмездного пользования (ссуда) регулируется главой 36 Гражданского кодекса РФ. Основное различие между арендой и ссудой заключается в возмездности аренды и безвозмездности ссуды. Однако на практике возникают ситуации, когда стороны формально заключают договор безвозмездного пользования, но фактически имеют место арендные отношения.

Верховный Суд РФ в п. 11 постановления Пленума от 25 декабря 2018 г. № 49 разъяснил, что «отсутствие в дого-

воре условия о размере арендной платы не является основанием для признания договора незаключенным, однако может свидетельствовать о его безвозмездном характере» [2]. Из этого следует, что суд при квалификации должен исходить из действительной воли сторон, а не только из буквального содержания договора.

Судебная практика выработала следующие критерии разграничения аренды и ссуды:

1. Наличие встречного предоставления. Если из поведения сторон усматривается намерение получить встречное предоставление, договор не может быть квалифицирован как безвозмездный.

2. Распределение бремени содержания имущества. При ссуде ссудополучатель несет расходы на содержание имущества, если иное не предусмотрено договором. При аренде распределение расходов стороны могут определить по своему усмотрению.

3. Цель использования имущества. Безвозмездное пользование предполагает использование имущества в личных, бытовых целях, тогда как аренда чаще имеет предпринимательский характер.

Таким образом, основным критерием разграничения остается возмездность/безвозмездность отношений. Однако суды должны учитывать все обстоятельства дела, а не ограничиваться формальным анализом текста договора.

Далее рассмотрим разграничение договора аренды и лизинга. Наиболее сложной для правоприменения явля-

ется проблема разграничения договора аренды и договора финансовой аренды (лизинга). Эти договоры имеют много общих признаков, что создает трудности для их идентификации.

Аренда и лизинг имеют следующие общие признаки: передача имущества во временное владение и пользование; платность пользования; возможность выкупа имущества по окончании срока договора.

Вместе с тем, как отмечают А.О. Иншакова и Н.В. Квициния, «лизинг обладает специфическими чертами, по-

зволяющими отграничить его от аренды: особый субъектный состав (лизингодатель, лизингополучатель, продавец), обязательное участие трех сторон, связь с инвестиционной деятельностью» [3, с. 78].

Как отмечается в учебнике гражданского права под редакцией Е.А. Суханова, договор лизинга представляет собой особую разновидность договора аренды (имущественного найма), а не самостоятельный тип договора [4, с. 456].

Критерии разграничения аренды и лизинга могут быть представлены в виде таблицы 1.

Таблица 1. Критерии разграничения договора аренды и лизинга

Критерий	Аренда	Лизинг
Субъектный состав	Арендодатель + арендатор	Лизингодатель + лизингополучатель + продавец
Обязанность приобретения имущества	Арендодатель должен иметь имущество в собственности	Лизингодатель приобретает имущество специально для передачи в лизинг
Инвестиционная цель	Не предполагается	Предполагает инвестирование средств
Риск случайной гибели	Несет арендодатель	Обычно несет лизингополучатель
Право выкупа	Может быть предусмотрено	Часто является существенным условием

Судебная практика выработала позицию, согласно которой для квалификации договора как лизинга необходимо установить, что лизингодатель приобрел имущество специально для передачи его лизингополучателю.

Далее рассмотрим особенности разграничения аренды и аренды транспортных средств. Гражданский кодекс РФ выделяет два вида договора аренды транспортных средств: с предоставлением услуг по управлению (аренда с экипажем) и без таковых (аренда без экипажа). Эта дифференциация порождает самостоятельную проблему разграничения.

Аренда транспортного средства без экипажа (фрахтование на время) по своей правовой природе близка к общей аренде. Однако предметом является транспортное средство, и арендатор самостоятельно управляет им.

Аренда транспортного средства с экипажем представляет собой смешанный договор, включающий элементы аренды и возмездного оказания услуг. Экипаж находится в подчинении арендодателя, что существенно влияет на распределение ответственности.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, «при аренде транспортного средства с экипажем арендодатель несет ответственность за вред, причиненный транспортным средством, если не докажет, что вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности арендатора» [5].

Разграничение договора аренды транспортного средства и договора перевозки осуществляется по следующим критериям:

- при аренде транспортное средство переходит во владение арендатора на определенный срок;
- при перевозке транспортное средство управляется перевозчиком, который самостоятельно определяет маршрут и режим движения;

- аренда предполагает плату за пользование имуществом, перевозка — за перемещение груза.

Судебная практика исходит из того, что квалификация должна определяться существом обязательства. Формальное наименование договора не является определяющим для его правовой квалификации [6].

Таким образом, разграничение договора аренды и смежных договоров имеет ключевое значение для правильного применения гражданского законодательства. Основными критериями разграничения являются: возмездность/безвозмездность, субъектный состав, наличие инвестиционной составляющей, распределение рисков.

Судебная практика выработала устойчивые подходы к разграничению аренды и ссуды (приоритет действительной воли сторон над буквальным содержанием договора), аренды и лизинга (необходимость установления специальной цели приобретения имущества), аренды транспортных средств и договора перевозки (определение существа обязательства).

Основной рекомендацией для сторон при заключении договора является четкое определение его правовой природы в тексте договора, а также последовательное поведение, соответствующее выбранной договорной конструкции. В противном случае возникает риск пере-квалификации договора судом, что может привести к неблагоприятным последствиям для сторон.

Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ практики разграничения аренды и корпоративных договоров, а также исследование критериев квалификации смешанных договоров, сочетающих элементы аренды и других гражданско-правовых институтов.

Литература:

1. Мусалов М.А. Договор аренды и смежные правовые институты: сравнительный анализ // Экономика и социум. — 2017. — № 4 (35). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-arendy-i-smezhnye-pravovye-instituty-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 23.06.2026). — Текст: электронный.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 2. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Иншакова А.О., Квициния Н.В. Правовая природа договора выкупного лизинга: вопросы применения заемной конструкции и судебного толкования // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 73–85. — URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/view/4591/0> (дата обращения: 23.06.2026). — Текст: электронный.
4. Гражданское право: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права. — Москва: Статут, 2023. — ISBN 978-5-8354-1889-3. — Текст: непосредственный.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — № 3. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. — 2002. — № 3. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Актуальные вопросы прокурорского надзора в сфере противодействия экстремизму и терроризму

Пономаренко Максим Витальевич, студент магистратуры

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В работе анализируются актуальные проблемы прокурорской деятельности по противодействию экстремизму и терроризму в условиях введения на территории ЛНР военного положения. Рассматриваются полномочия и функции органов прокуратуры, дана критическая оценка практики прокурорского надзора и предложены меры повышения эффективности контрэкстремистских мероприятий. Исследование основано на анализе нормативных актов и статистических данных.

Ключевые слова: прокурорский надзор, гибридные угрозы, экстремизм, терроризм.

Введение военного положения на территориях Донецкой и Луганской народных республик (ЛНР) (Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей» [19]) существенно изменило правовой режим обеспечения безопасности в регионе. В этих условиях противодействие экстремизму и терроризму остаётся одной из приоритетных сфер деятельности органов прокуратуры, поскольку эти явления в современных условиях рассматриваются как ключевые угрозы национальной безопасности. Именно поэтому анализ существующей практики прокурорского надзора в условиях военного положения, выявление недостатков и поиск путей их устранения представляются актуальными научными задачами.

В отечественной литературе подчёркивается, что прокурорский надзор за исполнением законов о противодей-

ствию экстремизму и терроризму является составной частью системы обеспечения национальной безопасности. Законодательство РФ предусматривает комплекс мер, направленных на пресечение экстремистских и террористических проявлений. Так, приказы Генерального прокурора России устанавливают задачи прокуратуры по рассмотрению экстремизма и терроризма как основных угроз, а ключевой задачей надзорной деятельности — своевременное предупреждение подобных преступлений [9; 10; 11; 12; 13;].

В последние годы учёные отмечают активизацию роли прокуратуры в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Указанная активизация прокурорского надзора нашла свое отражение также в реализации основополагающей функции прокуратуры в виде уголовного преследования.

Вместе с тем недостаточная координация между правоохранительными органами остаётся существенной

проблемой. Необходим комплексный подход, включая межведомственное взаимодействие и информационную поддержку, чтобы повысить результативность профилактических мер, где особое место занимает прокуратура.

В качестве примера реальной опасности терроризма в регионе, можно привести трагический инцидент, произошедший: 3 февраля 2024 г., когда при обстреле кафе-пекарни в Лисичанске погибло 29 человек [25]. Беспрецедентным по своей жестокости также является террористический акт в г. Старобельске [6]. Такие события свидетельствуют об усилении террористических угроз и подчёркивают важность оперативного прокурорского реагирования.

Тематика прокурорского надзора в сфере экстремизма и терроризма активно исследуется в российской научной литературе. Вопросы совершенствования этой деятельности рассматривались в научной литературе неоднократно. Например, Васнецова А. С. подчёркивает необходимость развития надзорных полномочий прокуратуры в данной области [2], а Болденков С. А. анализирует проблемы прокурорского надзора за исполнением антикризисных законов в информационном пространстве [1]. Современные исследования описывают полный спектр полномочий прокуратуры по предупреждению религиозного экстремизма и терроризма, включая координацию правоохранительных органов и взаимодействие с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации и Федеральной службой по финансовому мониторингу Российской Федерации. В целом в научных трудах подчёркивается, что улучшение надзора требует межведомственной координации и современного анализа информации. Среди выявленных проблем часто называются: отсутствие интегрированной системы обмена информацией и недостаточная подготовленность специалистов по профилактике экстремизма. Эти выводы подтверждают актуальность поставленной задачи и необходимость дальнейшей разработки практических предложений.

Методика настоящего исследования основана на комплексном анализе нормативных правовых актов, официальных статистических данных и информации из авторитетных источников. В работе изучены Федеральные законы от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [22] и от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [23], Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [21]), а также приказы Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17.05.2018 № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» [9] и от 21.03.2018 № 156 «Об организации прокурорского надзора а исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» [10], регулирующие прокурорский надзор за исполнением законов об экстремизме и терроризме. Кроме того, использовались опубликованные данные МВД РФ

и материалы печати для оценки динамики преступлений террористической и экстремистской направленности.

В ходе исследования установлено, что органы прокуратуры обладают рядом конкретных инструментов для противодействия экстремизму и терроризму. В частности, к основным функциям относятся следующие:

1. Возбуждение дел об административных правонарушениях (в соответствии со ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [5]) за пропаганду экстремизма или разжигание вражды.

2. Направление в суд административных исков о признании информационных и включении в Федеральный список экстремистских материалов, с последующей блокировкой соответствующих интернет-ресурсов.

3. Надзор за деятельностью органов и учреждений профилактики (образовательных, социальных структур) и мониторинг информационного пространства, включая сеть Интернет.

4. Осуществление уголовного преследования лиц обвиняемых в совершении преступлений экстремистской и террористической направленности.

Проведенный анализ практики деятельности органов прокуратуры в указанной сфере показывает, что в военное время сделан акцент на такую форму деятельности, как проведение проверок и реагирование на правонарушения экстремистской и террористической направленности. Однако до настоящего времени отмечаются проблемы с межведомственным взаимодействием. Так, сложившаяся система предотвращения преступлений нуждается в совершенствовании: требуется создание интегрированной системы обмена информацией между прокуратурой и иными правоохранительными органами. Практика также выявляет необходимость более активного привлечения прокуратуры к анализу и блокированию противоправной информации в интернете (что отражено в современных нормативных актах).

Следует также отметить, что введение военного положения на территории ЛНР породило новые вызовы для прокурорского надзора. Во-первых, сохраняется высокий уровень террористических угроз, о чём свидетельствуют, как данные МВД (в том числе информация о росте числа террористических преступлений) [7], так и реальные происшествия (например, обстрел общежития Старобельского профессионального колледжа в мае 2026 г. [6]). Во-вторых, необходима адаптация прокурорских методов к гибридным угрозам, когда экстремистские проявления тесно связаны с военными действиями и информационными атаками.

Исходя из обзора литературы и анализа нормативной базы, можно сделать вывод о ключевых направлениях совершенствования прокурорского надзора в рассматриваемой сфере. Соколов Е. Б. [16] и другие исследователи подчёркивают, что прокурорский надзор является частью национальной безопасности, и его эффективность обеспечивается системностью подхода. Улучшение режима надзора требует расширения полномочий прокуратуры

(например, по направлениям профилактики и взаимодействия с Роскомнадзором), а также совершенствования механизмов межведомственного сотрудничества.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что ключевыми организационными мерами по повышению эффективности прокурорского надзора в указанной сфере станут следующие:

- разработка электронной системы обмена информацией между прокуратурой и иными органами, в том числе правоохранительными;
- создание и интегрирование методических рекомендаций по осуществлению надзорной деятельности в указанной сфере, в том числе в ходе осуществления профилактических мероприятий;
- разработка программного обеспечения по осуществлению мониторинга сети «Интернет» для выявления материалов содержащих экстремистские и террористические материалы.

Таким образом, анализ показал, что в условиях военного положения обеспечение законности в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом остаётся одной из важнейших задач прокуратуры. В исследовании установлено:

во-первых, на уровне нормативной базы подтверждается приоритет прокурорского надзора в указанной сфере (федеральные законы, приказы Генпрокуратуры России); во-вторых, практика работы показывает рост экстремистской и террористической активности и необходимость адаптации надзора к вызовам нового времени.

В заключение следует отметить, что для повышения эффективности борьбы с преступлениями экстремистского характера необходимо комплексно решать организационные и правовые вопросы. При сохранении актуальности функции прокурорского надзора (аналитическая и координирующая роль) важно обращать внимание на устранение выявленных недостатков: недостаточной межведомственной координации, скованности информационного обмена. При отсутствии полного корпуса данных оценка базируется на открытых источниках и анализе правоприменительной практики

В то же время для дальнейших выводов требуется проведение дополнительных эмпирических исследований и сбора статистических данных о преступлениях экстремистской и террористической направленности, что может быть темой последующих исследований.

Литература:

1. Болденков, С. А. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму в сети Интернет / С. А. Болденков. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 18. — С. 171–173.
2. Васнецова, А. С. Актуальные вопросы деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия экстремизму и направления ее совершенствования / А. С. Васнецова. — Текст: непосредственный // Вопросы безопасности. — 2024. — № 3. — С. 42–52.
3. Моисеев, А. М. Документоведческие экспертизы в расследовании проявлений экстремизма / А. М. Моисеев, С. В. Кондратюк, А. Побережная [и др] И. — Текст: непосредственный // Социальное управление. — 2024. — № 4. — С. 140–154.
4. Захватов, И. Ю. Вопросы межведомственного взаимодействия по вопросам противодействия терроризму и экстремизму / И. Ю. Захватов, В. Ю. Карулин. — Текст: непосредственный // Труды Академии управления МВД России. — 2015. — № 2. — С. 64–67.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
6. «Мама ее опознала по цепочке и сережкам» Атака ВСУ унесла жизни 21 студента. Они до последнего пытались спасти друг друга. — Текст: электронный — URL: <https://lenta.ru/articles/2026/05/26/starobelsk> (дата обращения: 20.06.2026).
7. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальная статистика преступности. — Текст: электронный — URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 28.06.2026).
8. Михайлов, Э. М. Прокурорская деятельность в сфере противодействия органов исполнительной власти экстремизму и терроризму: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Михайлов Э. М.. — Ростов-на-Дону, 2016. — Текст: непосредственный..
9. Приказ Генпрокуратуры России от 17.05.2018 № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
10. Приказ Генпрокуратуры России от 21.03.2018 № 156 Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
11. Приказ Генпрокурора России от 31.08.2023 № 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов

- местного самоуправления» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
12. Приказ Генпрокурора России от 11.05.2016 № 276 «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
  13. Приказ Генпрокурора России от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
  14. Распоряжение Генпрокуратуры РФ № 270/27р, МВД РФ № 1/9789, ФСБ РФ № 38 от 16.12.2008 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
  15. Священко И. С начала года в ДНР от украинских обстрелов погибли 58 мирных жителей // Российская газета. 2024. 19 февраля. (Узнать: <https://rg.ru/2024/02/19/sviatenko-s-nachala-goda-v-dnr-ot-ukrainskih-obstrelov-pogibli-58-mirnyh-zhitelej.html>).
  16. Соколов, Е. Б. Актуальные вопросы совершенствования прокурорской деятельности по предупреждению религиозного экстремизма и терроризма / Е. Б. Соколов. — Текст: непосредственный // Научно-практический журнал «Диалог». — 2018. — С. 33–38.
  17. Суховецкая Правовая регламентация противодействия экстремизму в России / Суховецкая, Ю. Е., А. В. Снигирев. — Текст: непосредственный // Проблемы юриспруденции: сборник научных статей и тезисов. — Новосибирск: Новосибирский гос. технический ун-т, 2018. — С. 83–88.
  18. Толмачева В. К., Веджижев А. Т., Мишакова Н. В. Функция органов прокуратуры в борьбе с экстремизмом и терроризмом в современной России: сборник трудов конференции // Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации: материалы конференции, 2024.
  19. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
  20. Фантров П. П., Захарья И. Т. Совершенствование деятельности органов прокуратуры в контексте исполнения законодательства о противодействии экстремизму // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2.
  21. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
  22. Федеральный закон от 25 июля 2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
  23. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.04.2026). — Текст: электронный.
  24. «Я услышал крики, и меня задавило плитой». При ударе по пекарне в Лисичанске погибли 28 человек. — Текст: электронный — URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2024/02/04/18224449.shtml> (дата обращения: 20.06.2026).

Делегирование полномочий единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью управляющему директору: особенности, правовые последствия

Потапешко Елена Геннадьевна, студент магистратуры
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Вопросы корпоративного управления являются традиционно важными для юридической науки. В обществах с ограниченной ответственностью управленческие полномочия реализуются посредством деятельности единоличного и коллегиального исполнительного органов. Каждый из указанных органов наделён спецификой и действует в пределах определённой компетенции. Важной особенностью является учёт обязательных предписаний и возможности регламентировать деятельность управляющего директора локальными актами общества. При этом как показывает практика

применения, существуют и определённые проблемы в указанном направлении, требующие обозначения перспектив дальнейшего развития и внесения изменений в действующее законодательство.

Цель работы — исследовать особенности делегирования полномочий единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью управляющему директору, обозначить правовые последствия и существующие проблемы в указанной сфере, предложить пути их решения.

Методы исследования: анализ, синтез, сравнение, моделирование, логический метод, формально-юридический метод.

Результаты исследования: проведён анализ особенностей, специфики и правовых последствий делегирования полномочий единоличного исполнительного органа общества управляющему директору (правовое регулирование и правоприменительная практика). На основании чего сделаны выводы о существующих проблемах и перспективах их устранения посредством внесения изменений в законодательство, регламентирующее деятельность обществ с ограниченной ответственностью.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, единоличный исполнительный орган, управляющий директор, делегирование, правовое регулирование, проблемы, перспективы.

Delegation of powers of the sole executive body of a limited liability company to the managing director: features, legal consequences

Corporate governance issues are traditionally important in legal science. In limited liability companies, managerial powers are exercised through the activities of the sole and collegial executive bodies. Each of these bodies has its own specific functions and operates within its own specific competencies. An important feature is the consideration of mandatory regulations and the ability to regulate the managing director's activities through the company's internal acts. However, as practical application shows, there are certain challenges in this area that require identifying prospects for further development and amending current legislation.

The objective of this study is to examine the specifics of delegating the powers of the sole executive body of a limited liability company to the managing director, identify the legal implications and existing problems in this area, and propose solutions.

Research methods: analysis, synthesis, comparison, modeling, logical method, and formal legal method.

Research results: An analysis of the specifics, specifics, and legal consequences of delegating the powers of the sole executive body of a company to the managing director (legal regulation and law enforcement practice) was conducted. Based on this, conclusions were drawn about existing problems and prospects for their elimination by amending the legislation regulating the activities of limited liability companies.

Keywords: limited liability company, sole executive body, managing director, delegation, legal regulation, problems, prospects.

Организационно-правовая форма общество с ограниченной ответственностью (далее — ООО) выступает достаточно распространённой в Российской Федерации, при этом вопросы деятельности руководителя (единоличного исполнительного органа) общества во многом остаются не решёнными. Делегирования полномочий предполагает исполнение должностным лицом определённых особенностей.

В ч. 3 ст. 65.3 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1] предусмотрено образование в корпорации единоличного исполнительного органа (директор, генеральный директор, председатель и т. п.). Даётся указание на возможность выступать в качестве ЕИО как физического, так и юридического лица.

Единоличный исполнительный орган общества (далее — ЕИО) в соответствии с ч. 1 ст. 40 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО, № 14-ФЗ) может быть представлен в лице директора, генерального директора и других лиц [4]. Предполагается, что избрание такого лица происходит общим собранием участников общества на срок, определённый уставом общества, если уставом общества решение вопроса о его

образовании не отнесено к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) общества. ЕИО общества может быть избран (назначен) не из числа его участников. Обязательным является нотариальное удостоверение избрания (назначения) данного факта [5], за исключением отдельных обществ, деятельность которых связана с кредитными правоотношениями, ценными бумагами и др.

С ЕИО подписывается договор от лица ООО. Согласно общему правилу (ч. 2 № 14-ФЗ) в качестве ЕИО выступает исключительно физическое лицо. Однако, законом установлены исключения. В соответствии со ст. 42 Закона об ООО, допускается возможность передачи от лица ООО по договору осуществление полномочий ЕИО управляющему. В таком случае осуществление гражданских прав и обязанностей производится через управляющего.

И. В. Петренко считает, что выбор органов корпоративного лица и наделение их правомочиями для реализации воли юридического лица относится к числу корпоративных сделок [15, с. 9].

Полномочия ЕИО обозначены в ч. 3 ст. 40 № 14-ФЗ и включают в себя: возможность действий без доверенности в процессе предоставления интересов и совершает сделки; выдача доверенности (в т. ч. с правом передо-

верия); издание приказов в сфере трудовой деятельности; осуществляет иные полномочия согласно законодательству или внутренним регламентам общества. Допускается возможность (на основании устава общества) получения согласия совета директоров (наблюдательного совета) общества или общего собрания участников общества на совершение определенных сделок (ч. 3.1 ст. 40 № 14-ФЗ).

Деятельность ЕИО и порядок принятия решений от лица общества регламентирует устав ООО, иные внутренние документы, а также договор между ООО и ЕИО (ч. 4 ст. 40 № 14-ФЗ). Деятельность ЕИО в контексте предоставления интересов общества регламентируется ст. 53 ГК РФ.

В п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано на то, что если в ЕГРЮЛ содержатся данные о нескольких лицах, уполномоченных выступать от имени юридического лица в качестве ЕИО или указано на совместное осуществление полномочий ЕИО несколькими лицами, то третьи лица могут считать круг полномочий неограниченными и такое положение должно трактоваться как отсутствие ограничений в делегированных полномочиях [8]. Выписка из ЕГРЮЛ подтверждает полномочия, закреплённые за ЕИО.

Правовой статус ЕИО вытекает из заключённого трудового договора или же гражданско-правового договора. Данная позиция находит отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 № 3-П [6], Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 № 21 [7].

Управляющим в ООО может другое хозяйственное общество (ст. 66, подп. 2 ч. 2 ст. 67.1 ГК РФ) или же индивидуальный предприниматель (подп. 2 ч. 2 ст. 67.1 ГК РФ). Не допускается передача функций управляющего ООО физическому лицу, не имеющему статуса индивидуального предпринимателя, что обозначено и в судебной практике [9]. Если в качестве управляющего выступает индивидуальный предприниматель, то возникает необходимость убедиться, что отсутствуют основания для применения к нему дисквалификации как меры административного наказания в соответствии со ст. 3.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2]. Причиной для этого становится запрет (отсутствие разрешения) для ведения того или иного вида предпринимательской деятельности.

Как правило, в случае передачи функций ЕИО управляющему, в случае представления интересов общества в различных инстанциях указывается на то, какое лицо уполномочено представлять интересы общества и на каком основании. В качестве примера можно привести следующие судебные решения:

– В соответствии с Договором № 2 передачи полномочий ЕИО ПАО Управляющей организации ООО УК от 01.06.2005 г., полномочия ЕИО переданы указанному обществу с ограниченной ответственностью. Все решения по вопросам руководства Управляемой организацией (ПАО) переданы в компетенцию Управляющего директора или Генерального директора ООО УК [10].

– В соответствии с Договором № 4 передачи полномочий единоличного исполнительного органа, полномочия ЕИО АО переданы ООО [11].

Следует отметить, что передача прав ЕИО управляющему директору (в лице иного юридического лица или индивидуального предпринимателя) может осуществляться как в контексте деятельности общества с ограниченной ответственностью, так и акционерного общества (ст. 69 ФЗ «Об акционерных обществах») [3].

Исследователи отмечают различные проблемы в вопросах делегирования полномочий единоличного исполнительного органа общества управляющему директору. Делегирование полномочий ЕИО управляющему директору влечёт возникновение у него определённых прав и обязанностей в связи с представлением интересов юридического лица. В контексте обязанностей ЕИО в лице управляющего директора перед ООО необходимо отметить, что предполагается совершение добросовестных и разумных действий в отношении представляемого общества. В иных случаях, при нарушении прав и интересов, применяются меры ответственности.

Исходя из положений ст.ст. 53, 53.1 ГК РФ, в число оснований для привлечения ЕИО к ответственности законодательство относит проявление неразумности, недобросовестности в действиях, нарушение обычных условий гражданского оборота, наличие в деятельности условий, влекущих за собой появление предпринимательских рисков.

Верно отмечает В. И. Овсянников: «...критерии «разумности и «добросовестности» выступают оценочными понятиями. Определённое толкование данных понятий предпринял осуществить ранее существовавший ВАС РФ, однако в своем постановлении он не разграничил понятия «добросовестность» и «разумность», а свел лишь их к одному определению» [14].

Фактически, понятие добросовестных либо разумных действий применительно к ЕИО в законодательстве не раскрывается, равно как и отсутствует толкование о действиях в интересах юридического лица (в контексте разграничения их разумности и др.).

Привлечение к ответственности ЕИО в контексте делегирования полномочий от имени ООО осложняется и существенным количеством применимых норм законодательства во взаимосвязи с локальными актами юридического лица (устав, внутренние регламенты и распоряжки и пр.). Так, по мнению С. В. Мудрицкого: «Правовое регулирование статуса единоличного исполнительного органа носит комплексный характер и осуществляется нормами различных отраслей права — корпоративного и гражданского, что порождает проблему применения той или иной нормы права» [13, с. 95]. По мнению исследователя, привлечение ЕИО к ответственности имеет определённые сложности, обусловленные несовершенством положений действующего законодательства [13, с. 95].

Заслуживает внимания позиция Б. А. Синглева, А. В. Панина и др. о том, что в действующем законодательстве отсутствует конкретизация оснований и содержания

ответственности ЕИО в отношении ООО. Привлечение к ответственности требует разграничения оснований, в связи с которыми ЕИО может привлекаться к ответственности:

- экономические компоненты (убытки, вред);
- юридические (противоправность действий);
- личностные факторы (выражение воли) [16, с. 57].

Интересной представляется позиция М. А. Карташова о необходимости:

- расширения состава принципов корпоративного поведения ЕИО ООО;
- закрепления в законодательстве принципов тщательного ведения дел и компетентного выполнения долга;
- в основу законодательного определения указанных понятий положить такие принципы как законность, фидуциарное восприятие имущественных интересов участников ООО, сбалансированности рисков;
- установить необходимые критерии квалификационных требований и управленческого опыта, имеющего существенное значение для управления делами ООО [12, с. 12–15].

Действительно, на сегодняшний день имеет место объективная необходимость конкретизировать целый ряд положений о делегировании полномочий единоличного исполнительного органа общества управляющему директору, в том числе и в вопросах применения мер ответ-

ственности в связи с нарушением вверенных ему полномочий и пределов правомерных действий.

На основании проведённого исследования, необходимо обозначить ряд выводов:

1. Делегирование полномочий ЕИО общества управляющему директору основано на применении положений ГК РФ, специализированных законов, внутренних локальных актов организации (устав, распоряжения, инструкции и др.).
2. Вопросы деятельности управляющего директора регламентируются положениями гражданского и корпоративного права, что в определённой степени усложняет процесс чёткой регламентации системы прав и обязанностей.
3. С целью совершенствования возможностей для привлечения к ответственности управляющего директора на законодательном уровне необходимо определить критерии недобросовестности и неразумности применительно к действиям ЕИО, выделить основания для привлечения к ответственности ЕИО (экономические, юридические, управленческие и др.). Требуется формирование разъяснений в части того, какие действия могут быть отнесены к нарушающим интересы юридического лица и критерии для определения тщательности ведения дел, целесообразности совершения тех или иных действий, соответствия квалификационным требованиям и компетентному исполнению обязанностей в рамках делегирования полномочий.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об акционерных обществах» // Российская газета. № 248. 29.12.1995.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.
5. Письмо ФНС России от 30.08.2024 № КВ-4-14/9965@ «О порядке внесения в ЕГРЮЛ изменений в сведения о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» // Российская газета. № 57. 23.03.2005.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» // Российская газета. № 124. 10.06.2015.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015.
9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.12.2016 № Ф10-5145/16 по делу № А64-69/2015 // СПС Гарант.
10. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 6.10.2025 г. по делу А-40-153686/25-84-1154. URL: <https://msk.arbitr.ru/> (дата обращения: 12.06.2026).
11. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 4.05.2026 г. по делу А-60-11517/2026. URL: <https://ekaterinburg.arbitr.ru/menu> (дата обращения: 12.06.2026).

12. Карташов М. А. Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2014. 201 с.
13. Мудрицкий С. В. Роль единоличного исполнительного органа в деятельности корпорации // Legal Concept = Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 3. С. 91–96.
14. Овсянников В. И. Ответственность единоличного исполнительного органа юридического лица как элемент его правового статуса, неразумность и недобросовестность в действиях органа юридического лица // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2023. № 3 (102).
15. Петренко И. В. Общество с ограниченной ответственностью как корпоративное юридическое лицо: особенности создания и управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 29 с.
16. Синглева Б. А., Панин А. В., Аксенов И. Ч., Нактанов К. К., Цебекова Г. В. Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2023. № 4 (63). С. 53–58.

Таможенный контроль и отчетность в условиях применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны

Ровенко Иван Павлович, студент
Владивостокский государственный университет

В статье рассматриваются особенности таможенного контроля и отчетности в условиях применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны (СТЗ). Анализируются действия, допускаемые с товарами, помещенными под процедуру СТЗ, условия завершения и прекращения действия процедуры, основания возникновения обязанности по уплате таможенных платежей, а также порядок отчетности резидентов перед таможенными органами. Особое внимание уделяется применению процедуры СТЗ на территории свободного порта Владивосток, требованиям к зонам таможенного контроля и обустройству территории. Делается вывод о том, что СТЗ представляет собой режим контролируемой льготы, в рамках которого освобождение от таможенных платежей возможно только при соблюдении требований учета, отчетности, идентификации товаров и таможенного контроля.

Ключевые слова: свободная таможенная зона, СТЗ, таможенный контроль, отчетность резидентов, свободный порт Владивосток, таможенные платежи, зона таможенного контроля, Таможенный кодекс ЕАЭС.

Customs control and reporting under the free customs zone procedure

Rovenko Ivan Pavlovich, student
Vladivostok State University

The article examines the features of customs control and reporting under the free customs zone procedure. The paper analyzes operations permitted with goods placed under the free customs zone procedure, the conditions for completion and termination of the procedure, the grounds for the emergence of the obligation to pay customs duties and taxes, as well as the procedure for residents' reporting to customs authorities. Special attention is paid to the application of the free customs zone procedure in the Free Port of Vladivostok, requirements for customs control zones and the arrangement of the territory. The author concludes that the free customs zone is a regime of controlled benefits, where exemption from customs payments is possible only if accounting, reporting, identification of goods and customs control requirements are observed.

Keywords: free customs zone, customs control, reporting, Free Port of Vladivostok, customs duties, customs control zone, EAEU Customs Code.

Введение

Таможенная процедура свободной таможенной зоны является одним из значимых инструментов стимулирования инвестиционной, производственной, логистической и внешнеэкономической деятельности. Ее применение позволяет резидентам особых экономических зон и свободного порта Владивосток (СПВ) размещать и ис-

пользовать иностранные товары и товары Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в пределах специальной территории без уплаты таможенных пошлин и налогов при соблюдении установленных условий.

Вместе с тем льготный характер процедуры СТЗ не означает отсутствия государственного контроля. Напротив, освобождение от уплаты таможенных платежей обуславливает необходимость повышенной прослеживае-

мости товаров, ведения учета, представления отчетности и соблюдения правил завершения процедуры. Поэтому таможенный контроль в условиях СТЗ выступает не дополнительным, а системообразующим элементом данного правового режима.

Актуальность темы обусловлена тем, что на практике у резидентов специальных территорий возникают сложности при применении процедуры СТЗ. Они связаны с определением допустимых операций с товарами, порядком их перемещения и использования, обязанностью по уплате таможенных платежей, ведением отчетности и созданием зон таможенного контроля. Особое значение данные вопросы имеют для свободного порта Владивосток, территория которого имеет распределенный характер и включает различные участки, на которых может применяться процедура СТЗ.

Целью настоящей статьи является анализ правового регулирования таможенного контроля и отчетности в условиях применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть действия, допускаемые с товарами, помещенными под процедуру СТЗ; 2) раскрыть условия завершения и прекращения действия процедуры; 3) проанализировать основания возникновения обязанности по уплате таможенных платежей; 4) исследовать порядок отчетности резидентов перед таможенными органами; 5) определить значение зон таможенного контроля и требований к обустройству территории свободного порта Владивосток.

Действия с товарами, помещенными под таможенную процедуру СТЗ

Таможенная процедура свободной таможенной зоны регулируется гл. 27 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС). В соответствии со ст. 201 ТК ЕАЭС она применяется в отношении иностранных товаров и товаров ЕАЭС, размещаемых и используемых в пределах территории свободной экономической зоны или ее части без уплаты таможенных пошлин, налогов и отдельных защитных платежей при соблюдении условий, установленных таможенным законодательством [1].

Особое значение для понимания содержания процедуры имеет ст. 205 ТК ЕАЭС, которая определяет действия, допускаемые с товарами, помещенными под процедуру СТЗ. В рамках данной процедуры допускаются хранение, погрузка, разгрузка, сортировка, упаковка, переупаковка, маркировка, подготовка товаров к перевозке, переработка, обработка, изготовление новых товаров, сборка, разборка, монтаж, ремонт и техническое обслуживание [1].

Таким образом, процедуру СТЗ нельзя рассматривать как процедуру пассивного хранения товаров. В отличие от таможенного склада, где ключевое значение имеет на-

хождение товара под таможенным контролем без его активного использования, процедура СТЗ предполагает возможность вовлечения товара в хозяйственный оборот в пределах специальной территории. Товары могут использоваться в производственных, технологических, строительных и логистических целях, если такие действия соответствуют целям деятельности резидента и условиям применения процедуры.

Производственный характер СТЗ особенно проявляется в случаях, когда иностранные товары используются для изготовления новой продукции. В таких ситуациях первоначальные товары могут изменять свои свойства, входить в состав готовой продукции либо полностью или частично расходоваться в производственном процессе. Это требует особого внимания к вопросам идентификации товаров, поскольку таможенный орган должен иметь возможность установить связь между товарами, помещенными под процедуру СТЗ, и товарами, изготовленными или полученными в результате их использования.

При этом свобода совершения операций с товарами в СТЗ является ограниченной. Резидент не вправе использовать товары произвольно, за пределами территории зоны либо вне целей, предусмотренных соглашением об осуществлении деятельности. Нарушение таких условий может повлечь возникновение обязанности по уплате таможенных платежей и применение мер ответственности.

Завершение и прекращение действия процедуры СТЗ

Важным элементом таможенного контроля является порядок завершения и прекращения действия процедуры СТЗ. В соответствии со ст. 207 ТК ЕАЭС действие процедуры должно быть завершено в предусмотренных законом случаях. К ним относятся прекращение функционирования свободной экономической зоны (СЭЗ), принятие решения о прекращении применения процедуры СТЗ на соответствующей территории, утрата лицом статуса резидента, вывоз товаров за пределы территории СЭЗ, а также помещение товаров под иную таможенную процедуру [1].

Правовое значение завершения процедуры состоит в том, что товар выходит из специального льготного режима и получает иной таможенно-правовой статус. Например, при вывозе товара за пределы таможенной территории ЕАЭС процедура может завершаться помещением товара под экспорт, реэкспорт или таможенный транзит. При выпуске товара на остальную часть таможенной территории ЕАЭС может потребоваться помещение товара под процедуру выпуска для внутреннего потребления с уплатой таможенных платежей.

Следует различать завершение и прекращение действия процедуры. Завершение предполагает правомерное окончание режима в порядке, установленном ТК ЕАЭС. Прекращение действия процедуры может быть связано с наступлением обстоятельств, при которых дальнейшее нахождение товара под процедурой СТЗ невозможно, на-

пример с истечением срока завершения процедуры или прекращением функционирования зоны. В таких случаях товары должны быть помещены под иные таможенные процедуры либо в отношении них должны быть совершены иные действия, предусмотренные законодательством.

Особое значение имеет ситуация прекращения функционирования СЭЗ. В этом случае товары, помещенные под процедуру СТЗ, не могут продолжать находиться в прежнем правовом режиме. Законодательство предусматривает необходимость завершения процедуры в установленные сроки, что позволяет избежать неопределенности в отношении таможенного статуса товаров и возможных обязательств по уплате таможенных платежей.

Возникновение обязанности по уплате таможенных платежей

Вопрос возникновения обязанности по уплате таможенных платежей является одним из наиболее значимых при применении процедуры СТЗ. На первый взгляд может показаться, что, если товары помещаются под процедуру без уплаты пошлин и налогов, соответствующая обязанность не возникает. Однако такое понимание является неточным.

В соответствии со ст. 208 ТК ЕАЭС обязанность по уплате ввозных таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин в отношении иностранных товаров, помещаемых под процедуру СТЗ, возникает у декларанта с момента регистрации таможенным органом декларации на товары. В отдельных случаях, например при выпуске товаров до подачи декларации, обязанность возникает с момента регистрации заявления о выпуске товаров до подачи декларации [1].

Таким образом, процедура СТЗ имеет условно-освободительный характер. Обязанность по уплате таможенных платежей юридически возникает, но ее фактическое исполнение откладывается и зависит от соблюдения условий процедуры. Если резидент использует товары в соответствии с установленными требованиями и завершает процедуру надлежащим образом, обязанность может прекратиться без фактической уплаты платежей. Если же условия процедуры нарушаются, обязанность становится подлежащей исполнению.

К числу обстоятельств, при которых возникает необходимость уплаты платежей, относятся вывоз иностранных товаров с территории СЭЗ без завершения процедуры, утрата товаров, использование их не по назначению, передача лицам, не имеющим права использовать товары в рамках СТЗ, а также невозможность подтвердить соблюдение условий процедуры.

Особенности исчисления и уплаты таможенных платежей при помещении товаров под отдельные таможенные процедуры после применения процедуры СТЗ регулируются ст. 209 ТК ЕАЭС. Данная норма имеет зна-

чение, например, при помещении иностранных товаров, ранее находившихся под процедурой СТЗ, под процедуру выпуска для внутреннего потребления [1].

Следовательно, механизм уплаты таможенных платежей в условиях СТЗ направлен на обеспечение баланса между льготой и контролем. Резидент получает возможность использовать товары без немедленной уплаты платежей, но сохраняет обязанность соблюдать условия процедуры. При нарушении таких условий государство получает возможность взыскать соответствующие платежи.

Отчетность резидентов перед таможенными органами

Отчетность резидентов является одним из основных инструментов таможенного контроля в условиях СТЗ. Если таможенная декларация фиксирует помещение товаров под процедуру, то отчетность позволяет таможенным органам контролировать дальнейшее движение, использование, переработку, передачу и остатки товаров.

В отношении свободного порта Владивосток обязанность резидента вести учет товаров, помещенных под процедуру СТЗ, товаров, изготовленных или полученных из таких товаров, а также операций с ними установлена Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [2]. Такая обязанность возникает со дня первого помещения товаров под процедуру СТЗ либо со дня перехода к резиденту прав владения, пользования или распоряжения соответствующими товарами.

Специальным актом, регулирующим отчетность резидентов СПВ, является приказ ФТС России от 11 декабря 2023 г. № 1183. Данным приказом утверждены форма отчетности о товарах, помещенных под процедуру СТЗ на территории свободного порта Владивосток, и товарах, изготовленных или полученных из таких товаров, порядок заполнения формы, а также порядок и сроки представления отчетности в таможенный орган [3].

Содержание отчетности позволяет таможенному органу установить сведения о товарах, помещенных под процедуру, количестве товаров на начало и конец отчетного периода, операциях с товарами, товарах, изготовленных или полученных из товаров, помещенных под процедуру СТЗ, а также о передаче, выбытии или ином изменении статуса товаров.

Отчетность выполняет несколько функций. Во-первых, она имеет контрольное значение, поскольку позволяет выявлять расхождения между сведениями деклараций и фактическим движением товаров. Во-вторых, она имеет доказательственное значение, так как подтверждает соблюдение резидентом условий процедуры. В-третьих, она имеет фискальное значение, поскольку при нарушении условий процедуры СТЗ сведения отчетности могут использоваться для исчисления подлежащих уплате таможенных платежей.

Нарушение порядка отчетности является одной из типичных проблем применения процедуры СТЗ. На практике возможны несвоевременное представление отчетности, неполное отражение операций, ошибки в регистрационных номерах деклараций, расхождения между фактическими остатками и данными учета, отсутствие сведений о переработке или передаче товаров. Такие нарушения затрудняют таможенный контроль и могут повлечь неблагоприятные последствия для резидента.

Зоны таможенного контроля и требования к обустройству территории СПВ

Применение процедуры СТЗ невозможно без создания условий для фактического таможенного контроля. Именно поэтому территория, на которой применяется данная процедура, должна быть обустроена и оборудована для целей контроля.

Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» предусматривает, что на территории СПВ может применяться процедура СТЗ, установленная ТК ЕАЭС. При этом соответствующие участки территории должны отвечать требованиям, необходимым для создания зоны таможенного контроля [2].

Требования к обустройству и оборудованию территории свободного порта Владивосток, на которой применяется процедура СТЗ, установлены приказом Минфина России от 29 мая 2024 г. № 72н [4]. Данный акт регулирует требования к портовым, логистическим участкам и участкам резидентов СПВ, на которых может применяться процедура СТЗ.

Среди таких требований можно выделить наличие объектов таможенной инфраструктуры, обозначение границ территории, обеспечение условий для контроля перемещения товаров, наличие помещений, площадок, сооружений и технических средств, необходимых для проведения таможенного контроля. Эти требования направлены на то, чтобы таможенный орган имел возможность осуществлять контроль не только по документам, но и фактически.

Зона таможенного контроля в условиях СТЗ выполняет несколько функций: определяет территориальные пределы применения льготного режима, обеспечивает прослеживаемость товаров, препятствует их незаконному вывозу на остальную часть таможенной территории, а также создает условия для проведения таможенных проверок и осмотров.

Особенность СПВ состоит в том, что его территория имеет распределенный характер, поэтому для применения процедуры СТЗ важно не только наличие статуса резидента, но и фактическое обустройство конкретного участка. Статус резидента сам по себе не означает автоматического права применять процедуру СТЗ на любой территории. Необходимо, чтобы участок был оборудован для целей таможенного контроля и соответствовал установленным требованиям.

Практические проблемы таможенного контроля в условиях СТЗ

Анализ нормативного регулирования позволяет выделить несколько практических проблем, возникающих при осуществлении таможенного контроля в условиях СТЗ.

Первая проблема связана с идентификацией товаров. В условиях производства, переработки, смешения и использования иностранных компонентов бывает сложно установить, какие именно товары были использованы при изготовлении готовой продукции. Недостаточная идентификация может привести к спорам о статусе товаров и размере подлежащих уплате таможенных платежей.

Вторая проблема связана с отчетностью. Для резидента отчетность является достаточно сложной административной обязанностью, поскольку требует точного отражения движения товаров, операций, остатков и результатов переработки. Ошибки в отчетности могут быть вызваны не только недобросовестностью, но и сложностью производственных процессов.

Третья проблема состоит в риске нецелевого использования товаров. Поскольку процедура СТЗ применяется только в связи с деятельностью резидента и в пределах специальной территории, любое использование товара вне целей проекта или за пределами зоны таможенного контроля может рассматриваться как нарушение условий процедуры.

Четвертая проблема связана с необходимостью взаимодействия разных органов публичной власти. Помимо таможенных органов, резидент может взаимодействовать с налоговыми органами, органами технического регулирования, экологического контроля и управляющими структурами специальных территорий. Отсутствие согласованности между такими органами может создавать дополнительные административные трудности.

Для минимизации указанных проблем представляется целесообразным развивать цифровую отчетность, интегрировать данные резидентов с информационными системами таможенных органов, совершенствовать методики идентификации товаров и применять рискориентированный подход к контролю.

Заключение

Таможенный контроль и отчетность в условиях применения процедуры свободной таможенной зоны являются важнейшими элементами данного правового режима. СТЗ предоставляет резидентам существенные преимущества, прежде всего возможность размещения и использования товаров без немедленной уплаты таможенных платежей. Однако такая льгота является условной и действует только при соблюдении требований таможенного законодательства.

Анализ норм ТК ЕАЭС показывает, что с товарами, помещенными под процедуру СТЗ, допускается широкий круг операций, включая хранение, использование, пере-

работку и изготовление новых товаров. Это подтверждает активный хозяйственный характер процедуры. Вместе с тем любые действия с товарами должны соответствовать целям деятельности резидента и условиям применения процедуры.

Обязанность по уплате таможенных платежей в условиях СТЗ имеет условно-отложенный характер. Она возникает при помещении товаров под процедуру, но фактическая уплата зависит от дальнейшего соблюдения резидентом установленных требований. При нарушении условий процедуры государство вправе взыскать соответствующие платежи.

Отчетность резидентов, особенно на территории свободного порта Владивосток, является ключевым инструментом таможенного контроля. Она обеспечивает просле-

живаемость товаров, позволяет контролировать операции с ними и подтверждает соблюдение условий процедуры. Требования к обустройству территорий СПВ, на которых применяется процедура СТЗ, также свидетельствуют о том, что данная процедура является режимом контролируемой льготы.

Таким образом, эффективность применения процедуры СТЗ зависит от баланса между упрощением хозяйственной деятельности резидентов и надлежащим уровнем таможенного контроля. Дальнейшее совершенствование правоприменения должно быть связано с цифровизацией отчетности, унификацией подходов к идентификации товаров, развитием рискориентированного контроля и повышением правовой определенности для резидентов специальных территорий.

Литература:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 30.06.2026).
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток». — Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-13072015-n-212-fz-o/> (дата обращения: 30.06.2026).
3. Приказ ФТС России от 11.12.2023 № 1183 «Об утверждении формы отчетности о товарах, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны на территории свободного порта Владивосток, и о товарах, изготовленных (полученных) из товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, порядка заполнения указанной формы отчетности, а также порядка и сроков представления указанной отчетности в таможенный орган». — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467490/ (дата обращения: 30.06.2026).
4. Приказ Минфина России от 29.05.2024 № 72н «Об утверждении требований к обустройству и оборудованию территории свободного порта Владивосток, на которой применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны». — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477788/ (дата обращения: 30.06.2026).
5. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 88 «О некоторых вопросах применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны». — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286242/ (дата обращения: 30.06.2026).
6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст : электронный // ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/72005502/> (дата обращения: 30.06.2026).
7. Practical Guidance on Free Zones. — Текст : электронный // World Customs Organization. — URL: <https://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/tools/practical-guidance-on-free-zones.aspx> (дата обращения: 30.06.2026).
8. Recommendation of the Council on Countering Illicit Trade: Enhancing Transparency in Free Trade Zones. — Текст : электронный // OECD Legal Instruments. — URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0454> (дата обращения: 30.06.2026).

Особенности отграничения неоказания помощи больному от смежных составов

Рябуха Анастасия Дмитриевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье описывается отграничение состава преступления неоказания помощи больному от смежных составов.

Ключевые слова: преступление, неоказание помощи больному.

При правоприменении возникает сложность в разграничении состава ст. 124 Уголовного кодекса РФ со смежными составами.

Сложность разграничения смежных составов связана с тем, что при схожести деяний выявление наличия тех или иных признаков влияет на правильность квалификации.

Проблема возникает в связи с неоднозначным пониманием специфики медицинской деятельности и с отсутствием четкого понимания критериев разграничения.

В ч. 2 ст. 109 УК РФ под ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей виновным понимается поведение лица, полностью или частично не соответствующее официальным требованиям или предписаниям, предъявляемым к лицу, в результате чего наступает смерть потерпевшего. Обязательным условием для привлечения лица к ответственности является установление правовых предписаний, регламентирующих поведение лица в той или иной профессиональной сфере. [1] То есть субъект специальный, аналогично составу статьи 124 УК РФ, однако в статье 124 УК РФ субъект является «более специальным» по отношению к субъекту статьи 109 УК РФ: если речь идет о субъекте в лице медицинского работника, то квалификация всегда должна осуществляться по ч. 2 ст. 124 УК РФ.

Разграничение также можно провести по объективной стороне преступления. Так причинение смерти по неосторожности может быть выражено как в действии, так и в бездействии.

Алиева считает, что неосторожное причинение смерти медицинским работником вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей предполагает конкуренцию двух норм: общей и специальной, где, в соответствии с частью 3 статьи 17 УК РФ, уголовная ответственность наступает по специальной норме, то есть по статье 124 Уголовного кодекса РФ. [2, с.141]

Также среди ученых- юристов и криминалистов нашло свое место мнение, что необходимо квалифицировать по статье 109 УК РФ, в случае если помощь больному была оказана и вследствие этого больной умер.

Так, например, Земсков Алексей Юрьевич, назначенный на должность врача отделения ГУЗ, приказом главного врача ГУЗ, являясь должностным лицом, совершил причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. В больницу, была доставлена пациентка, она была осмотрена врачом травматологического пункта, также назначено проведение рентгенографии правого тазобедрен-

ного сустава, после чего с учетом полученных данных направлена на госпитализацию в экстренном порядке на стационарное лечение. Земсков А. Ю., находясь на дежурстве в качестве врача, на которого соответствующей должностной инструкцией, утвержденной главным врачом ГУЗ от 20.01.2012 возложены обязанности. Пациентка была осмотрена Земсковым А. Ю., который после визуального осмотра пациентки, пальпации (ощупывания), изучения рентгенограммы, на которой не выявил костно-травматическую патологию, выставил диагноз: «<данные изъяты>», тем самым отказал в госпитализации в виду отсутствия показаний, рекомендовав лечение у травматолога по месту жительства. В случае своевременного диагностирования и оказания квалифицированной медицинской помощи в условиях стационара, благоприятный исход для жизни был бы возможен. Некачественные, несвоевременные и недостаточные для благоприятного исхода жизни и здоровья больной действия Земскова А. Ю. не позволили правильно диагностировать верный диагноз и привели к ухудшению состояния и, в последующем наступлению её смерти 04.02.2016. Между нарушениями, допущенными Земсковым А. Ю., и как следствие неоказанием квалифицированной медицинской помощи в условиях стационара имеется причинно-следственная связь со смертью.

Действия Земскова А. Ю. органами предварительного расследования квалифицированы по ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации, как причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. [3]

Таким образом, можно сделать вывод, что для применения этой статьи «присуще прерывание причинной связи от первоначального болезненного состояния к смерти. Здесь возникает новое причинение, а юридически значимую причинную связь «запускает» формальное «причинение» врача» [4].

Состав преступления статьи 118 Уголовного кодекса схож с составом части 2 статьи 124 УК РФ, однако разграничение происходит по субъективной и объективной сторонах. Так, исходя из смысла ч. 2 ст. 118 УК РФ, «причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», помощь оказывается, но не надлежаще, например, не в полном объеме или не на должном профессиональном уровне. Например, Приговор мирового судьи судебного района «<адрес> Хабаровского края» на судебном участке № 59 от 26 февраля 2018г. [5]. В судебном заседании было установлено,

что подсудимый являлся постоянно практикующим врачом акушером-гинекологом, имеющим достаточный жизненный и профессиональный опыт в области гинекологии, а также соответствующее образование и квалификацию, стаж работы по специальности. Подсудимый как лечащий врач потерпевшей, вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, несмотря на имеющиеся показания к экстренному оперативному родоразрешению потерпевшей, не принял необходимых мер, в результате потерпевшей по неосторожности был причинен тяжкий вред здоровью.

По субъективной стороне разграничение находит свое отражение в том, что по ч. 2 ст. 118 УК РФ преступление совершается путём некачественного оказания медицинской помощи, ошибок, допущенных при диагностике и лечении заболеваний и травм, тогда как по ст. 124 УК РФ отказ в оказании помощи является умышленным, в результате чего по неосторожности наступают последствия для жизни или здоровья обратившегося за медицинской помощью лица.

Состав преступления предусмотренного статьей 125 УК РФ сформулирован как «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние»

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что, например, под заведомостью оставления без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии, следует понимать случаи, когда водитель транспортного средства осознавал опасность для жизни или здоровья потерпевшего, который был лишен возможности самостоятельно обратиться за медицинской помощью вследствие малолетства, старости, болезни или беспомощного состояния (например, в случаях, когда водитель скрылся с места происшествия, не вызвал скорую медицинскую помощь, не доставил пострадавшего в ближайшее лечебное учреждение и т. п.). [6]

Под беспомощным состоянием можно понимать такое физическое и психическое состояние лица, при котором он не может защитить себя самостоятельно без помощи посторонних лиц.

Орлов П. И. и Кирпиченко Т. В. также отмечают, что при оставлении в опасности вред для потерпевшего наступает не в результате активных причиняющих действий виновного, а ввиду негативного воздействия внешних сил природы, которые, в сочетании с беспомощностью потерпевшего, при естественном развитии событий, приводят к смерти или к наступлению вреда здоровью. Лицо, обязанное действовать, не выполняет возложенные на него правовые обязанности по обеспечению безопасности или оказанию помощи, в результате чего умышленно допускает возможность наступления вреда. Таким образом, причинение вреда объекту происходит вследствие не-

выполнения субъектом возложенных на него обязанностей по обеспечению безопасности жизни или здоровья потерпевшего или устранению грозящей ему опасности. Бездействие виновного разрывает охраняемые общественные отношения, обеспечивающие безопасность существования лица. Непосредственной причиной реально наступивших последствий являются не действия субъекта, а воздействие третьих сил, негативное развитие которых им допускается. [7, с.414]

Объективная сторона выражена в бездействии обязанного лица. То есть оставление в опасности, без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности.

Главным критерием выступает обязанность лица действовать, оказывать помощь. Субъектом преступления является лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, если имеется возможность оказать помощь пострадавшему и обязанное иметь заботу о потерпевшем либо само поставившее потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние.

Состав преступления формальный, то есть преступление считается оконченным в момент оставления лица в опасности, вне зависимости от наступивших последствий.

Таким образом, критерием разграничения преступлений, предусмотренных статьей 124 и 125 УК РФ является субъект преступления, а также обязательных последствий. Так как по 124 статье Уголовного кодекса РФ субъектом преступления является лицо, обязанное оказывать помощь в соответствии с законом или со специальным правилом. В отношении медицинского работника статья 124 УК РФ будет специальной по отношению к статье 125 УК РФ.

Разграничение статей 124 и 293 Уголовного кодекса РФ связано с особенностями составов преступлений, а именно в объективной стороне и субъекте.

Рассматривая халатность, необходимо отметить, что у данного преступления объектом являются общественные отношения, возникающие в результате функционирования государственного аппарата (неправомерной деятельности государственных органов или должностного лица органов местного самоуправления, обеспечивающих интересы служебной деятельности в различных сферах и охраняемых уголовным законом). Трудность связана с формулировкой «халатности», так объективная сторона выражена в форме бездействия медицинского сотрудника к пациенту, что в целом и есть неоказание помощи. Но халатность применима только к лицам, на которых возложены организационно-распорядительные или административные функции (т. е. должностное лицо), то есть неправильно вменять врачу данную статью, если он ненадлежаще исполнил свои обязанности, например, не назначил должного лечения. Например, в случае постановки неверного диагноза в связи с недостаточностью знаний в узкой области медицины, что не является ха-

латностью, а в случае отказа от госпитализации, если для этого есть все условия и показания, то в данном случае это будет халатность врача, так как госпитализация больного его обязанность.

Таким образом, необходимо в каждом преступном деянии, верно исследовать все значимые действия и бездействия, должностные инструкции и иные нормативно-правовые акты.

В заключение можно сказать, что в современном мире защита прав и свобод граждан стоит на одном из главных направлений деятельности государства, что создает условия для комфортной жизни и безопасности общества. Для реализации этой деятельности вводится уголовная ответственность.

Анализируя вышеперечисленное, можно сделать вывод, что трудности в практике вызваны отсутствием чётких понятий и критериев. В связи с этим целесообразно внести изменения в статью 124 Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации: неоказание медицинской и иной лечебной помощи больному без уважительных причин медицинским работником и иным лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного.

Ввести понятие больного — лицо, которое нуждается в медицинской помощи.

В уголовно правовом аспекте данного преступления под помощью следует понимать оказание медицинской и лечебной помощи больному в медицинской организации или в экстренной ситуации.

При этом необходимо учесть, чтобы в специальных правилах была предусмотрена обязанность оказывать помощь.

Правоприменителям необходимо анализировать элементы составов смежных преступлений в сравнении со смежными составами, проводя сравнение по объективной и субъективной стороне.

Литература:

1. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2015)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018) // СПС КонсультантПлюс
2. Алиева, Ф. Р. Проблемы квалификации неоказания помощи и оставления в опасности и отграничение от смежных составов / Ф. Р. Алиева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 26 (316). — С. 141
3. Приговор суда № 1–182/2017 по уголовному делу № 1–182/2017 Заволжского районного суда города Ульяновска.. — Текст: электронный // sudact.ru/regular/doc/s6AHa1FvгHoT/: [сайт]. (дата обращения: 02.07.2026)
4. Владислав, В. Р. разграничение ятрогенных преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 109 и частью 2 статьи 124 Уголовного Кодекса Российской Федерации / В. Р. Владислав. — Текст: непосредственный // Закон и право. — 2021. — № 7.
5. Приговор мирового судьи судебного района «<адрес> Хабаровского края» на судебном участке № 59 от 26 февраля 2018г. — Текст: электронный — URL: //sudact.ru/regular/doc/yLb5wbQlqHgi/ (дата обращения: 02.07.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС КонсультантПлюс
7. Молчанова, С. И. Некоторые вопросы определения объекта преступления при оставлении в опасности / С. И. Молчанова. — Текст: непосредственный // Вестник ТГУ. — 2008. — № 3. — С. 414.

Возмещение вреда, причиненного водным объектам

Рябуха Анастасия Дмитриевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье приводится понятие и способ возмещение вреда, причиненного водным объектам.

Ключевые слова: водный объект, возмещение вреда.

Человек напрямую связан с природой, только благодаря ей он существует, поэтому в современном мире все больше уделяется внимания охране окружающей среды, ее восстановлению и рациональному пользованию. В процессе своей деятельности человек оказывает негативное влияние на окружающую среду из-за чего природе причиняется ущерб.

Одним из объектов охраны окружающей среды являются водные объекты. В связи с этим законодатель устанавливает нормы и правила пользования, а также юридическую ответственность за их нарушения. Перед государством стоит задача не только охранять водные объекты, но и сохранять их естественные системы, первозданный вид, поэтому водные отношения законодательно урегулированы.

Аналитическая служба аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza на основе данных Росгидромета подвела итог за 2023 год и пришла к выводу, что наиболее высокое загрязнение рек, озер и других пресноводных объектов выросло на 62 % (или 339 отдельных случаев) по сравнению с предыдущим годом. Традиционно основными источниками загрязнений рек и водоемов являются предприятия металлургической, горнодобывающей и целлюлозно-бумажной промышленности.

Это высокий показатель, при условии, что обстановка с каждым днем все больше усугубляется.

В целях сохранения естественных экосистем, природного богатства, чистоты и хорошего качества воды, а также рационального природопользования с минимальным нанесением ущерба окружающей среде законодатель установил нормы природопользования водными объектами и само понятие водного объекта.

Так водным объектом признается природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима [1, ст. 1].

Немаловажное значение имеют принципы водного законодательства, нашедшие свое отражение в статье 3 Водного кодекса. Основной из них — это значимость водных объектов в качестве основы жизни и деятельности человека. Регулирование водных отношений осуществляется исходя из представления о водном объекте как о важнейшей составной части окружающей среды, которую использует человек для личных и бытовых нужд, осуществления хозяйственной и иной деятельности, и одновременно как об объекте права собственности и иных прав.

В соответствии с Федеральным законом «Об охране окружающей среды» вред окружающей среде — это негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов [2, ст. 1]. Применительно к водным объектам. Этот вред заключается в ухудшении состояния воды, частичному или полному истощению водных биологических ресурсов, что приводит к истощению природного богатства и деградации естественных экосистем.

Деградация водного объекта — это снижение (утрата) его качеств, представляющих ценность для человека, включая его экологическую и социальную значимость для населения.

Истощение вод водного объекта — недопустимое сокращение их запасов в пределах определенной территории (для подземных вод) или уменьшение минимально допустимого стока (для поверхностных вод).

По общему правилу: основанием для требования о возмещения вреда является факт причинение вреда.

В связи с этим установлена мера ответственности за причинение вреда окружающей среде, в том числе и водным объектам.

Ответственность за экологические преступления и правонарушения — это основное и необходимое сред-

ство обеспечения правопорядка в области охраны окружающей среды.

Нормативы допустимого воздействия на окружающую среду должны обеспечивать соблюдение нормативов качества окружающей среды с учетом природных особенностей территорий и акваторий. За превышение установленных нормативов допустимого воздействия на водные объекты субъекты хозяйственной и иной деятельности в зависимости от причиненного окружающей среде вреда несут ответственность.

Для контроля соблюдения водохозяйственного законодательства проводятся регулярные наблюдения за состоянием водных объектов, за количественными и качественными показателями поверхностных и подземных вод, осуществляет которое Федеральное агентство водных ресурсов, посредством системы наблюдения, оценки и прогноза изменений состояния водных объектов и в случае выявленного нарушения проводится проверка Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (федеральный государственный контроль и надзор) и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (региональный государственный контроль и надзор) и привлечение к ответственности.

Законодатель установил уголовную и административную ответственность при нарушении норм и правил охраны водных объектов. Так статья 8.13 КоАП РФ гласит: «нарушение водоохранного режима на водосборах водных объектов, которое может повлечь загрязнение указанных объектов или другие вредные явления влечет наложение административного штрафа». [3]

Статья 250 УК РФ «Загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если эти деяния повлекли причинение существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев». [4]

Таким образом, предусмотрена санкция за нарушение законодательства в сфере водных отношений с учетом степени общественного деяния.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» выделяет два вида вреда: вред окружающей среде и вред, причиненный здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды.

На основе анализа статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» законодатель предусматривает три способа определения размера вреда, причиненного природным объектам:

1. В соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами;
2. В соответствии с утвержденными в установленном порядке методиками;
3. Из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды.

Водное законодательство упоминает о Методике исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства [1, ст. 69]

В данной сфере применяется Методика исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства [5]. В пункте 1 данной Методике уточняется, что используется в случае негативного изменения водного объекта в результате его загрязнения, повлекшего за собой деградацию его естественных экологических систем и истощение его ресурсов.

Из этого можно увидеть, что данная Методика призвана рассчитать размер компенсации гражданам вследствие негативного воздействия на водный объект и его деградации.

Также уточняется, что в случае нарушения правил эксплуатации водохозяйственных систем, сооружений и устройств, при авариях на предприятиях, транспорте и других объектах, связанных со сбросом вредных (загрязняющих) веществ в водный объект, включая аварийные разливы нефти и иных вредных (загрязняющих) веществ, в результате которых произошло загрязнение, засорение и (или) истощение водных объектов данная Методика тоже применяется.

Согласно Методике исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства размер вреда, исчисляется из фактических затрат и в соответствии с проектами восстановительных работ, направленных на компенсацию водному объекту. Этот акт содержит в себе таксы и коэффициенты для исчисления размера вреда.

Решение Арбитражного суда Ростовской области от 12.11.2020: исковые требования были удовлетворены частично в сумме 308 967 руб. (7 379 320 руб. размер ущерба по экспертизе — 7 070 353 руб. затраты по ликвидации = 308 967 руб.).

Решение Арбитражного суда Пермского края от 29.10.2020: требования истца были удовлетворены частично в размере 1 043 861,38 руб. с учетом фактических затрат на выполнение мероприятий по предупреждению сверхнормативного или сверхлимитного (при его наличии) сброса вредных (загрязняющих) веществ и ликвидации загрязнения водного объекта или его части.

На основании анализа судебной практики в сфере превышения допустимых нормативов сбросов в сточных водах, чем был причинен вред водному объекту вне зависимости от показателей фоновых проб и в сфере возмещения вреда, причиненного водному объекту в результате сброса сточных вод все суды в своих решениях руководствуются Федеральным законом «Об охране окружающей

среды», Водным кодексом, Методикой исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде».

Исходя из вышеперечисленного можно сделать вывод, что у механизма определения размера вреда, причиненного водным объектам есть преимущества и недостатки. Так Методика является основным средством расчета и гарантией на возмещение вреда в случае нарушения прав граждан. Недостатком является, что все коэффициенты и таксы относительны и не всегда в полной мере отражает действительность.

Однако, основываясь на судебной практике, можно прийти к выводу, что посредством сброса сточных вод, превышающих допустимые пределы, не всегда причиняется вред водному объекту. В этом случае исчисляемый вред на основании незначительного превышения фактической нормы может составлять большую сумму, но это «негативное воздействие» не приводит к изменению качества воды водного объекта или его деградации, это представляет собой накопительный эффект, который в последующем может привести к истощению или снижению (утраты) качества водного объекта.

Встает вопрос: насколько корректно применять Методике исчисления размера вреда, причиненного водным объектам если как такового вреда водному не причиняется? При этом стоит обратить внимание на формулировку данной Методики, где говорится о том, что вред уже причинен. То есть получается, что причинение вреда — это результат, а не действие, что не совсем верно. Так как Федеральный закон «Об охране окружающей среды» одним из основных принципов это «охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности», то водный объект должен охраняться от негативного действия, а не только после причиненного вреда.

Таким образом, подобные действия не причинили вред — это нарушение правил и ответственность по КоАП РФ, то в таком случае нет основания для возмещения, так как отсутствует вред.

На основании вышеперечисленного можно прийти к выводу, что необходимо создать отдельную главу в Методике исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства об оценке оказания влияния на водный объект в результате сброса сточных вод, основывающуюся на оценке водного объекта в виде сравнения с прошлыми показателями состояния водного объекта, так как мониторинг за состоянием вод, дна и берегов водных объектов и их водохозяйственных зон проводится ежегодно.

Таким образом, сохранение окружающей среды является неотъемлемой частью существования человечества в настоящем и будущем. Необходимо строго соблюдать

установленные ограничения и запреты, чтобы не привести природу в состояние полного истощения. Именно поэтому законодателем устанавливается специальный режим водопользования и осуществление хозяйственной и иной деятельности, в результате которой охраняемый объект может прийти в негодность. Существующая Ме-

тодика исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, значительно помогает и регулирует сложившиеся водные отношения, но не является совершенной.

Соблюдение законов и защита окружающей среды — это обязанность каждого человека.

Литература:

1. «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // СПС КонсультантПлюс
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) // СПС КонсультантПлюс
5. Приказ Минприроды России от 13.04.2009 N 87 (ред. от 26.08.2015) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.05.2009 N 13989) // СПС КонсультантПлюс.

Проблема определения размера компенсации морального вреда

Рябуха Анастасия Дмитриевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуется проблема определения размера компенсации морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, критерии.

Правила возмещения морального вреда имеют свои особенности. В основном это связано со спецификой определения размера компенсации морального вреда и их критериями. Данные вопросы в действующем законодательстве являются дискуссионными. Следует заметить, что в соответствии с пунктом 1 статьи 1101 Гражданского кодекса компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме.

Гражданский кодекс не устанавливает определенного размера компенсации. Не существует минимальных и максимальных пределов компенсации морального вреда. Нет определенных методик, такс или формулы для расчета денежного возмещения. Суды, в ходе рассмотрения дела полностью самостоятельны в данном вопросе. То есть не существует размера компенсации морального вреда пока суд его не установил в конкретном решении по юридическому делу. Но существует ряд критериев, которые суд должен соблюсти при вынесении решения. Именно эти критерии и служат неким базисом, фундаментом при назначении размера компенсации морального вреда.

Обязанность по выплате денежной суммы лежит на причинителе вреда. Причем стоит заметить, что мо-

ральный вред подлежит компенсации независимо от формы вины причинителя вреда, которая может быть выражена в форме умысла или неосторожности.

Также в соответствии со статьями 151 и 1101 Гражданского кодекса при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Еще одним критерием при определении размера компенсации вреда является требования разумности и справедливости, что тоже вызывает много вопросов в определении таких понятий. Так Руденко В. Н. дает такое толкование: «Справедливость есть способ реализации законности и достижения практических результатов ее осуществления» [1, с.102]

Э. Ю. Анциферова приходит к мнению, что справедливость «...это логическая оценка действия в соответствии

с критериями, зафиксированными в общепринятой и обязательной нормативной системе — законе» [2]

Касательно принципа разумности нет четкого и единого мнения и определения. Так ученые считают, что «разумность» и «добросовестность» находятся во взаимосвязи друг с другом и рассматривать их нужно вместе, не отождествляя. «Они являются оценочными понятиями в праве. Сложность состоит в установлении четкого содержания и границ данных понятий, поскольку оценочные понятия, включают в себя элемент субъективного восприятия (оценки) того или иного действия (бездействия). Проблемы, связанные с введением в законодательство оценочных понятий, усугубляются еще и тем, что эти понятия со временем трансформируются и оказываются включенными во все большее число нормативных правовых актов». [2]

Так как критерии оценки размера компенсации морального вреда не даны четко исчерпывающе, то Богданов считал, «что должна быть некая средняя величина, с которой надо сравнивать страдания лица, которому причинен вред. Степень страданий зависит, как правило, от того блага, на которое посягает правонарушитель. И в зависимости от индивидуальных особенностей она может быть меньше или больше» [3].

Предлагается к числу критериев определения размера компенсации отнести общественную оценку фактического обстоятельства. Так Марина Николаевна Малеина считает, что при причинении физического вреда следует отнести — вид и степень тяжести повреждения здоровья, длительность или кратковременность расстройства здоровья, степень стойкости утраты трудоспособности и другие [4].

Таким образом, ученые предлагают решать проблему в определенной отрасли права, степень тяжести причиненного вреда здоровью человека и гражданина.

Из-за отсутствия минимальных и максимальных размеров компенсации морального вреда, предлагается ввести в Гражданских кодекс статьи, которые будут содержать такие пределы и как-то решать проблему определения суммы компенсации.

Комиссия по вопросам определения размеров компенсаций морального вреда Ассоциации юристов России разработала методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека, предполагающая определение размера компенсации по 4 группам:

— «Подход к определению базовой вменяемой компенсации за постоянный дефицит здоровья. Размер базовой компенсации (БВК) предлагается случая полного паралича рук и ног (тетраплегии) — общепринятого наиболее тяжелого вида постоянного дефицита здоровья установить на уровне 392 величин прожиточного минимума, что с учетом утвержденной величины прожиточного минимума в стране на 2023 год (14 375 руб.) БВК составит 5 млн 635 тыс. руб.

— *Определение базовой вменяемой компенсации за временный дефицит здоровья на период лечения.* Базовый размер вменяемой компенсации за каждый день максимально тяжелого временного дефицита здоровья при самых тяжелых сопряженных с таким дефицитом страданиях (постоянные сильные и мучительные боли и ограничения в передвижении в условиях стационара) предлагается установить в размере 0,5 величины прожиточного минимума на душу населения в день.

— *Определение базовой вменяемой компенсации за боль и страдания, возникшие в результате посягательства на физическую неприкосновенность человека, но не сопряженные с возникновением дефицита здоровья.* Предлагается установить в качестве базового вменяемого размера компенсации за наиболее объективно тяжелое посягательство на физическую неприкосновенность, способное в обычной ситуации повлечь максимальные боль и страдания, но не повлекшее дефицит здоровья, сумму, равную 87 величинам прожиточного минимума на душу населения в РФ (что составляет на 2023 г. 1,25 млн руб.)

— *Компенсация за страдания, связанные с потерей близкого человека.* Предлагается установить БВК для самого страшного сценария вреда в связи с потерей близкого (сценария потери несовершеннолетнего ребенка по иску воспитывавшего его родителя) в размере 174 величин прожиточного минимума на душу населения в РФ (что составляет 2,5 млн руб. по состоянию на 2023 г.). При подаче иска обоими родителями БВК соответственно должна составлять 348 величин прожиточного минимума (5 млн руб. по состоянию на 2023 г.)» [5].

Таким образом, Ассоциация юристов России предлагает установить базовую вменяемую компенсацию (БВК) — 5 635 000 руб. (392 величины прожиточного минимума в РФ по состоянию на 2023 г.). Данная методика не решает проблему полностью и не является исчерпывающей.

Цель данной методики заключается в том, чтобы сделать решение суда более предсказуемым и справедливым.

В заключение можно сказать, что Российское законодательство предусматривает компенсацию морального вреда за физические и нравственные страдания нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Она является одним из частых и универсальных способов защиты в гражданском праве. Она призвана облегчить страдания гражданина, «сгладить» последствия нарушения нематериальных благ и прав человека.

Но так как компенсация морального вреда не урегулирована более конкретно, и законодатель не детализирует и не раскрывает критерии компенсации, которыми судья руководствуется при вынесении решения, что ставит под вопрос объективность оценки.

Таким образом, предлагающиеся методики могли бы восполнить упущенное законодателем.

Литература:

1. Руденко, В. Н. Понятие юридической справедливости как основания правоприменительного акта / В. Н. Руденко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 22. — С. 102.
2. Анциферова, Э. Ю. Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права / Э. Ю. Анциферова. — Текст: непосредственный // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». — 2016.
3. Богданов, О. В. Критерии определения размера компенсации морального вреда / О. В. Богданов. — Текст: непосредственный // Федеральный судья. — 2013. — № 4. — С. 55.
4. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. -М.: МЗ Пресс, 2000. — 244 с. — Библиогр.: с. 237–242.
5. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека [Электронное издание]. — Москва: М-Логос, 2023. — 82 с.

Актуальные проблемы расследования преступлений в сфере цифровой экономики

Сакерина Евгения Эдуардовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Последнее десятилетие XXI века характеризуется качественным видоизменением общественных отношений: процессы глобализации, развития искусственных технологий, повышение значения информации, как основного ресурса обмена.

Цифровая экономика распространилась на все сферы общественной жизни. Технологии внедряются в процесс оказания государственных услуг, в банковскую деятельность, создание цифровых платформ, облачных хранилищ, коммерцию. Это, безусловно, новый виток прогресса, значительно упрощающий жизнь общества, однако развитие цифровых технологий прямо пропорционально увеличению преступных посягательств в рассматриваемой сфере.

Особого внимания заслуживают процессы вытеснения бумажных носителей информации и переход на электронный документооборот, повсеместный переход на безналичный расчет, развитие криптовалютных операций, возможность дистанционно и автоматизировано обрабатывать информацию, что, несомненно, привлекает внимание лиц с преступными намерениями.

Главной особенностью преступлений в сфере цифровой экономики является предмет преступления — он зачастую нематериален, как в традиционных преступлениях. В качестве предмета выступает информация, выступающая как самостоятельная экономическая ценность. Асланян Р. Г. указывал, что «информация как предмет преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем активных действий, может использоваться виновным, либо последний может получать к ней неправомерный доступ». [1, с. 9]. Данные при этом могут выступать и как предмет преступления, и как способ совершения преступного посягательства, и как источник

доказательственной информации, поэтому так важно, чтобы при расследовании указанной категории преступлений использовался синтез знаний уголовного права, криминалистики и информационно-технические знания.

В соответствии с данными, приведенными в сведениях о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в отчетном периоде 2026 с января по май зарегистрировано 211 888 преступлений, из которых раскрыто 64 370, что составляет лишь 30 %. [3, с. 28].

Одна из наиболее критических проблем — отсутствие контроля со стороны государственных образований за потоком криптовалютных операций, через которые осуществляются расчеты. Анонимность кошельков, использование различных миксеров, международный характер переводов и отсутствие возможности отменить операцию усложняют процесс расследования. Несмотря на то, что блокчейн является открытым, процесс установления владельца оказывается значительно затруднен. Указанная брешь используется для совершения преступлений, связанных с оборотом наркотических средств, различного рода мошенничеств, работоторговли, краж. Помимо отсутствия контроля вызывает вопросы запоздалая реакция государства на вызовы, которые бросает цифровая преступность.

Тесно связана с основной также проблема недостаточного правового регулирования сферы цифровых отношений. Пробелы в законодательстве, содержательные противоречия в уже имеющихся нормах, отсутствие смыслового единства в основополагающих понятиях межгосударствами — это все лазейки, которые активно используются преступниками и которые затрудняют про-

цесс расследования указанной категории преступлений. Не только в Российской Федерации, но и в большинстве зарубежных стран законодательство не успевает за развитием цифровой экономики. В слепых зонах регулирования оказываются отношения, связанные с регулированием цифровых платформ, облачных серверов, NFT, правового статуса криптовалют и криптовалютных операций, цифровых финансовых активов, смарт-контрактов и так далее. Не урегулированы способы фиксации доказательств, порядок их изъятия, правила исследования цифровых носителей и содержащихся на них данных.

Немаловажной проблемой является также повсеместное отсутствие соответствующего потребностям правоприменителя компьютерно-технического и программно-обеспечительного оборудования, а также внедрения технологий искусственного интеллекта для повышения скорости обработки информации. В правоохранительных органах остро ощущается нехватка специалистов, сведущих в компьютерной криминалистике, во вредоносном программном обеспечении, в технологиях блокчейн, криптографии, информационной безопасности.

Стремительному развитию цифровой экономики должны отвечать технико-криминалистические средства расследования цифровых преступлений. Криминалистическая методика их расследования находится в разработке. Тактика проведения следственных действий видоизменяется с учетом имеющейся специфики.

Важно также обратить внимание на необходимость использования и привлечения носителей специальных знаний — экспертов и специалистов в связи с предметной сложностью преступления. Особенно остро стоит вопрос их привлечения, когда речь идет о таких следственных действиях, как выемка и изъятие. Законодателем предусмотрен регламентированный механизм изъятия электронной документации и обязательной его частью является участие сведущего лица с первоочередной целью — не повредить предполагаемый носитель доказательственной информации. Также их участие необходимо в связи с тем, что следы цифровой преступности специфичны и для последующего изъятия их требуется первоочередно обнаружить, что может стать проблемой для органов предварительного расследования в силу отсутствия специальных знаний. Последующие пояснения от специалистов будут необходимы и далее, в процессе проверки, оценки и исследования доказательств, а также в рамках непосредственно судебного разбирательства. И, безусловно, при назначении и проведении судебной экспертизы различного рода: компьютерно-технической, криптографической, бухгалтерской, финансово-экономической и так далее. Экспертиза может быть назначена для анализа вредоносного программного обеспечения, исследования носителя данных, для восстановления измененных, переписанных или удаленных данных, для восстановления истории действий пользователя, расшифровки алгоритмов, шифрований и кодирования. Из-за повышения количества преступлений исследуемой категории и в связи со слож-

ностью проводимых исследований, срок проведения экспертизы может быть продолжительным.

Затруднительным также является тот факт, что следы преступной деятельности теряются в гигантских массивах электронной документации и трудны к распознаванию, а изъятая в рамках следственного действия электронная документация может располагать на сотнях и тысячах страниц. Это могут быть десятки и сотни терабайт информации, видеозаписи, резервные копии, данных облачных хранилищ, переписки за десятилетия, журналы и неизмеримое количество файлов, которые необходимо внимательно изучить и проанализировать, сделав выводы об их относимости к преступлению, что может занять недели или месяцы и потребовать привлечения нескольких человек. Цифровые доказательства, в отличие от доказательств, исследуемых при расследовании традиционных преступлений, не имеют материальной формы и, по сути своей, невидимы и могут находиться в оперативной памяти, на жестких дисках, SSD-накопителях, серверах, облачных хранилищах данных. Получение и дальнейшее исследование доказательств возможно только при применении специальных технических средств. После исследования цифровых доказательств также необходимо обеспечить их сохранность и неизменность данных, в том числе путем создания их копий и документирования каждого действия.

Помимо прочего, следы преступления могут и вовсе быть не обнаружены в связи с тем, что преступник может за краткий промежуток времени удалить файлы, очистить журнал событий, стереть резервные копии, перезаписать или изменить контент, уничтожить данные, хранящиеся на диске, что лишает правоприменителя пласта важнейших для расследования доказательств и усложняет и без того непростой процесс установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Однако информация может быть утрачена не только в связи с действиями преступника, но и при неграмотной работе следователя с полученными доказательствами. Любое неосторожное действие с носителем цифровой информации может привести к утрате данных: включение компьютера, запуск операционной системы, запуск автоматического обновления программ, открытие либо закрытие файла, подключение/отключение флеш-накопителя, жесткого диска. Даже просмотр информации на носителе может привести к ее утрате.

Для цифровых преступлений характерна территориальная удаленность: отдельные эпизоды могут совершаться в разных помещениях, населенных пунктах и даже государствах, что усложняет работу правоприменителя. Лицо, совершающее преступное посягательство, может находиться в одном государстве, потерпевший — в другом, используемый сервер облачного хранилища — в третьем, в связи с чем может возникнуть потребность в направлении запроса в иностранную организацию/государство, который может быть несвоевременно исполнен или не исполнен вовсе, что критично с учетом того, что

цифровая информация хранится в течение определенного времени и после может быть безвозвратно утрачена. В иностранной организации могут храниться данные аккаунтов, резервные копии, информации о произведенных платежах, истории входов, переписки, IP-логи и так далее. Получение указанной информации связано с тем, что зарубежная компания работает, в первую очередь, в соответствии с законодательством своего государства, которое далеко не всегда предоставляет возможность передать данную информацию лицу, ведущему расследование по делу. Передача может потребовать необходимости в получении судебной санкции, что также затян timer процесс получения ответа на запрос на неопределенное количество месяцев, а то и лет.

Территориальная удаленность может быть усугублена также многоэпизодностью, что, с учетом законодательной обязанностью установления каждого из эпизодов, превращается в проблему для правоприменителя, особенно в случае, если эпизоды отделены друг от друга значительными промежутками времени.

Помимо многоэпизодности заслуживает внимание и то, что установить полный круг соучастников представляется затруднительной задачей: во-первых, в преступную деятельность могут быть втянуты сотни человек, во-вторых, вновь обращаемся к их возможной географической дистанцированности друг от друга и проблеме идентификации личности в сетевом пространстве.

Преступники при совершении посягательств зачастую используют средства сокрытия личной информации: различного рода VPN-сервисы, прокси, криптокошельки, фальшивые аккаунты, одноразовые SIM-карты, фальшивые документы и удостоверения личности, сотни электронных адресов и так далее. Лицу, ведущему расследование, необходимо устанавливать личность владельца аккаунта, реальные IP-адреса, маршруты соединений, реальные устройства, что требует ресурсов как технических, так и временных.

Также заслуживает внимание тот факт, что коммуникация между сообщниками в редких случаях производится на обще понимаемом языке, речь идет об использовании алгоритмов и кодирования, использовании современных методов шифрования информации: сквозные шифрования, защищенные мессенджеры, шифрование смартфонов, криптографические контейнеры, шифрование дисков. Правоприменитель, даже изъяв устройство, может не иметь доступа к криминалистически значимой информации, что также возвращает нас к обязательному участию в процессе расследования свидетелей.

Помимо прочего, при совершении преступных посягательств повсеместно используется искусственный интеллект, который облегчает процесс подготовки и совершения преступления, а также способствует анонимности лиц, совершающих преступление. Технологии искусственного интеллекта позволяют в краткий срок и в автоматизированном порядке создавать фишинговые сайты, вре-

доносные программы, создавать и рассылать сообщения мошеннического характера, доводить до автоматизма подбор паролей, создавать различного рода дип-фейки, правдоподобно имитирующие внешность человека, его мимику, выражение лица, голос и интонации. Искусственный интеллект также является подспорьем для преступников при проведении массированных атак.

Помимо искусственного интеллекта происходит постоянное совершенствование и иных способов совершения преступления: активная разработка новых вредоносных программных обеспечений, эксплойты нулевого дня, автоматизированные бот-сети. Подобного рода совершенствования обуславливают необходимость непрерывного совершенствования методик расследования преступлений в сфере цифровой экономики.

Преступления в сфере цифровой экономики также характеризуются высокой скоростью их совершения. За считанные секунды могут быть совершены тысячи массированных атак на пользователей, разосланы сообщения с фишинговыми ссылками, произведены автоматические списания денежных средства и произведены переводы. Процесс расследования и совершения необходимых следственных действий может начаться значительно позже совершения преступного деяния и в результате этой несвоевременности могут быть утрачены важнейшие доказательства.

Лицу, ведущему расследование по уголовному делу, необходимо также соблюдать баланс между интересами расследования и правами граждан. Речь идет о таких правах, как неприкосновенность частной жизни, защита персональных данных, тайна переписка. На проведение следственных действий, затрагивающих перечисленные права, понадобится судебная санкция, что также затягивает процесс получения криминалистически значимой информации.

Большой вопрос также возникает при квалификации расследуемого деяния, которое может содержать в себе одновременно признаки различных преступлений: различных видов мошенничества, неправомерного доступа к компьютерной информации, создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ. Правильная квалификация требует не только глубоких знаний уголовного права, но и подкованности в цифровой и информационной области.

Традиционно подчеркивается, что при расследовании преступлений в экономической сфере одно из наиболее проблематичных обстоятельств для установления — это наличие или отсутствие преступного умысла, что не стало исключением для цифровой преступности. Правоприменителю необходимо доказать осознание лицом последствий совершаемых им действий и наличие корыстной цели, что с учетом проблем с идентификацией личности, сохранности цифровой информации, многоэпизодностью преступлений, территориальной и временной удаленностью становится непростой задачей. То же касается и остальных субъективных признаков состава.

Пока, к сожалению, представители преступного сообщества обладают большей подкованностью в вопросах владения компьютерными технологиями, нежели чем сотрудники правоохранительных органов. Скорость развития информационных технологий многократно опережает способность криминалистической науки и уголовного законодательства к адаптации к изменяющимся условиям.

Вследствие чего данная категория преступлений обладает высокими показателями латентности. На ее уровень также влияет и поведение пострадавших от преступлений, которое характеризуется пассивностью, а также компьютерно-информационной безграмотностью. Пострадавшие могут даже не догадываться, что стали жертвами преступного посягательства или считать ущерб недостаточно значительным для обращения в правоохранительные органы, организации также могут умалчивать о возможных взломах и утечках данных из-за возможных репутационных рисков. Наибольшей опасности совершения преступного посягательства подвержена сфера финансово-кредитных отношений. Пробелы и бреши в базах банковских учреждений приводят к масштабным утечкам информации о персональных данных клиентов, в связи с чем их финансы оказываются под угрозой их хищения.

Последствия возникают соответствующие: правоохранительные органы не могут получить объективно отображающие действительность данные о состоянии преступности в сфере цифровой экономики, данные о реальном размере причиненного ущерба, что влияет на эффективность профилактических мероприятий, а также способствует продолжению преступной деятельности в связи с отсутствием соответствующего деяниям наказания.

В связи с этим вполне обоснованно встает вопрос о разработке теории электронных доказательств в рамках науки уголовного процесса и криминалистики. [2, с. 634]. Имеющийся пласт знаний и научной литературы в данном

направлении пока имеет неупорядоченный и бесструктурный характер.

Формирование теоретико-методической основы расследования и противодействия данной категории преступлений предполагает междисциплинарное взаимодействие и комплексность при разработке рекомендаций. Представляется необходимым внести дополнения в уголовно-процессуальное законодательство в части изъятия, фиксации и исследовании цифровых доказательств. Важным остается вопрос технического оснащения органов предварительного расследования, внедрения нового программного обеспечения и достижений искусственного интеллекта для целей автоматизированной и быстрой обработки больших массивов доказательственной информации и экономии процессуального времени.

Необходимо также обеспечить сотрудников правоохранительной системы хотя бы базовыми знаниями в сфере информационных технологий и цифровой криминалистики, криптографии и проч.

Также важным остается вопрос обмена опытом и интеграции достижений зарубежной науки в сфере цифровой преступности в российские реалии расследования преступлений в связи с преимущественной трансграничностью исследуемых преступных деяний.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что современное состояние криминалистической науки и уголовно-процессуального законодательства не в полной мере отвечает вызовам, которые бросают им цифровая преступность. Это обуславливает необходимость дальнейшего развития теории электронных доказательств, методик расследования, технического переоснащения и налаживания межгосударственного взаимодействия в области противодействия цифровой преступности с целью повышения уровня раскрываемости указанной категории преступлений, а также профилактики их совершения.

Литература:

1. Асланян, Р. Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности: специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки»: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Асланян Руслан Георгиевич; ФГБОУ ВО «Кубанский гос. университет». — Краснодар, 2016. — 46 с. — Текст: непосредственный.
2. Вехов, В. Б. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики / В. Б. Вехов. — Текст: непосредственный // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 630–640.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — май 2026 года. — Текст: электронный // мвд.рф: [сайт]. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/88925539/> (дата обращения: 10.06.2026).

О праве детей на свободу от табачного дыма

Самигуллин Марат Рустамович, студент магистратуры

Научный руководитель: Беглова Гульнара Зинуровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Данная статья призвана обратить внимание на массовую проблему, непосредственно нарушающую права детей, а именно ситуацию, когда родители курят рядом с детьми. Приводятся нормы, направленные на защиту прав в сфере охраны здоровья. Рассматривается возможность взыскания морального вреда за вред, причинённый курением рядом с детьми.

Ключевые слова: здоровье детей, табачный дым, правонарушение, суд.

Нидёшь по улице и впереди идёт человек, который курит. В этом случае ситуация вынуждает поскорее обойти впереди идущего курящего человека или пойти по другой дороге, чтобы избежать негативного воздействия табачного дыма.

Однако встречаются ситуации ещё сложнее, когда ребёнок идёт со своим родителем, или маленький ребёнок находится в коляске, и родитель при этом не стесняется курить при ребёнке. То есть, кроме того, что ребёнок вынужден дышать всеми токсинами табачного дыма, он смотрит на пример, который ему подаёт родители. И в этой ситуации ребёнок остаётся совершенно незащищён.

Известный ученый-хирург Ф. Г. Углов писал: «Курение вызывает тяжелые заболевания легких не только у самих курящих, но и у тех, кто с ними общается, особенно у детей. Это так называемые пассивные курильщики. Изучение этого вопроса показало, что в семьях, где курят родители, дети до 5 лет очень часто болеют». [11, с. 45]

Согласно информации, размещенной на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителя и благополучия человека: «Дети и младенцы, подвергающиеся воздействию пассивного курения, подвергаются повышенному риску развития астмы и респираторных инфекций. Опасность курения рядом с детьми не ограничивается только пассивным курением. Существуют убедительные доказательства, что вероятность того, что дети сами начнут курить, значительно выше, если у них есть курящие члены семьи или они живут с курящими людьми». [5]

По данным научного исследования опубликованном на сайте академической издательской компании «Springer Nature»: «Табачный дым содержит тысячи химических соединений, большинство из которых вредны для человека. Кроме того, известно, что табак, сигаретная бумага, фильтры и сигаретный дым содержат металлы, в том числе хром (Cr), медь (Cu), свинец (Pb), марганец (Mn), никель (Ni) и цинк (Zn). Соответственно, курение сигарет может быть существенным источником поступления этих металлов не только для курильщика, но и для некурящих в виде пассивного курения (т. е. дыма от горящей сигареты и выдыхаемого курильщиком воздуха) и третичного курения (т. е. физического остатка, оседающего на одежде, мебели и полу). Предыдущие исследования нашей лабо-

ратории показали, что маленькие дети (например, в возрасте от 6 до 48 месяцев) способны поглощать никотин из окружающей среды на уровнях, сопоставимых с уровнями, наблюдаемыми у активных курильщиков». [14]

Хотелось бы отметить, что ранее уже предпринимались попытки законодательно ограничить курение в присутствии детей. Так, например, депутатами Государственной Думы Ярославской области от 25.04.2006 года был внесён на рассмотрение законопроект Вх. № 1574 «О защите здоровья детей от пассивного курения» [8], однако данный законопроект был отклонён.

Давайте посмотрим, какие действующие нормы защищают детей от воздействия табачного дыма.

Право на благоприятную окружающую среду гарантировано нам статьёй 42 Конституции РФ: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [6].

Согласно преамбуле Рамочной Конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака, заключенной в г. Женеве 21 мая 2003 года, к которой Российская Федерация присоединилась 24 апреля 2008 года, сигареты и некоторые другие изделия, содержащие табак, являются высокотехнологичными изделиями, разработанными таким образом, чтобы создавать и поддерживать зависимость, и что многие содержащиеся в них компоненты и выделяемый ими дым являются фармакологически активными, токсичными, мутагенными и канцерогенными. [9]

Отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака регулируются Федеральным законом от 23 февраля 2013 года N 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» в соответствии с Рамочной конвенцией Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака. Согласно п. 2 ч. 2 статьи 9 данного федерального закона: «в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака граждане обязаны заботиться о формировании у детей отрицательного отношения к потреблению табака, а также о недопустимости их вовлечения в процесс потребления табака». [10]

Также о таком праве сказано, в ст. 11 ФЗ от 10.01.2002 N 7 «Об охране окружающей среды»: «Каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью...» [12]

В соответствии со ст. 8 ФЗ от 30.03.1999 N 52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», граждане имеют право на благоприятную среду обитания, факторы которой не оказывают вредного воздействия на человека. [13]

В ст. 10 данного федерального закона сказано, что граждане обязаны не осуществлять действия, влекущие за собой нарушение прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания. [13]

Давайте, заметим, что речь в указанной норме идёт прежде всего об обязанности. То есть, по-другому говоря, курящий родитель, находясь с ребёнком обязан — не курить.

А теперь, давайте обратимся к определению Верховного суда Российской Федерации от 07.11.2017 по делу № 67-КГ17-16, которым подтверждается право на взыскание морального вреда за вред от табачного дыма, приведём выдержку из определения:

«Согласно статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

В силу статьи 23 Закона об охране здоровья граждан за нарушение законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака устанавливается дисциплинарная, гражданско-правовая, административная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, действующее законодательство допускает компенсацию морального вреда за нарушение прав гражданина в сфере охраны здоровья от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака». [7]

Отметим, что по другому делу о взыскании морального вреда за вред от табачного дыма, рассмотренному Курским областным судом № 33-3693/2024 от 22.10.2024 (в первой инстанции дело № 2-129/2024 Ленинского районного суда г. Курска от 11.04.2024), в апелляционном определении суд также указал: «...что, действующее законо-

дательство допускает компенсацию морального вреда за нарушение прав гражданина в сфере охраны здоровья от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака». [2, 3]

В судебном акте по другому гражданскому делу № 2-1346/2023 от 06.06.2023, о взыскании морального вреда за вред от табачного дыма Лесосибирский городской суд Красноярского края указал, что: «...вред от курения табака является общеизвестным и в дополнительных доказательствах не нуждается». [4]

Необходимо отметить, что в приведённых случаях суды руководствовались, в том числе, Жилищным кодексом Российской Федерации, поскольку правоотношения между Истцами и Ответчиками возникали в расположенных рядом квартирах. Однако, согласно п. 1 ст. 76 Конституции РФ, федеральные законы, имеют прямое действие на всей территории Российской Федерации. Таким образом, не имеет правового значения окружающая обстановка при совершении правонарушения, важен сам факт причиненного вреда — деликт.

Важно отметить, что механизм привлечения родителей к гражданской ответственности за курение рядом с ребёнком, может быть реализован через передачу сведений о таких правонарушениях в органы прокуратуры.

Такая возможность предусмотрена Приказом Генпрокуратуры России от 13.12.2021 N 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов», где сказано, что в целях совершенствования прокурорского надзора исполнением законодательства о несовершеннолетних, механизмов защиты прав, свобод и законных интересов детей, должны оперативно приниматься меры к восстановлению нарушенных прав несовершеннолетних, возмещению материального ущерба и компенсации морального вреда (п. 1.4).

О поведении ежедневного мониторинга соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечив незамедлительное реагирование на все ставшие известными факты нарушения прав и законных интересов детей сказано в п. 1.2 вышеприведённого Приказа. [8]

Учитывая вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что, когда родитель курит рядом со своим ребёнком, он не только подаёт отрицательный пример, но и совершает правонарушение, за которое предусмотрена ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Литература:

1. Законопроект «О защите здоровья детей от пассивного курения» Государственной Думы Ярославской области Вх. № 1574 от 25.04.2006 <https://www.yarduma.ru/activity/projects/zp061574>
2. Информация с сайта Курского областного суда https://oblsud—krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=15093624&case_uid=20319542-1c86-493c-8fa4-6e6bde11e7b2&delo_id=5&new=5

3. Информация с сайта Ленинского районного суда г. Курска https://lensud—krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=13222064&delo_id=1540005&new=0&text_number=1
4. Информация с сайта Лесосибирского городского суда Красноярского края https://lesosib—krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=455575298&delo_id=1540005&new=0&text_number=1
5. Информация с сайта Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителя и благополучия человека <https://cgon.rosпотребнадзор.ru/naseleniyu/zdorovyy-obraz-zhizni/что-такое-passivnoe-kurenie/>
6. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
7. Определение Верховного суда Российской Федерации от 07.11.2017 по делу № 67-КГ17-16 https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1595904
8. Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 N 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_sibfo/documents/84938291-e70758/
9. Рамочная Конвенция Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака от 21 мая 2003 года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tobacco.pdf
10. Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» от 23.02.2013 N 15-ФЗ <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102163430>
11. Углов Ф. Г. «Береги здоровье и честь смолоду» / Ф. Г. Углов. -. Москва: Педагогика, 1988. — 142 с. https://alldata.narod.ru/Uglov_1988_z/Uglov_1988_z.pdf
12. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7 <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074303>
13. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 N 52 <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102058898>
14. Gatzke-Kopp, L.M., Riis, J.L., Ahmadi, H. et al. Environmental tobacco smoke exposure is associated with increased levels of metals in children's saliva. J Expo Sci Environ Epidemiol 33, 903–910 (2023) <https://doi.org/10.1038/s41370-023-00554-w>

Компенсаторные санкции в системе гражданско-правовой ответственности

Сидорова Мария Федоровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шагвалиев Рустем Минзагитович, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье автор исследует правовую сущность компенсаторных санкций в гражданском праве. Рассматриваются понятие компенсаторных санкций, а также их виды, такие как взыскание убытков, возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, компенсацию морального вреда и компенсацию репутационного вреда юридическому лицу. В ходе исследования автор уделяет особое внимание существующим проблемам применения данных санкций и предлагает собственные способы по их разрешению

Ключевые слова: санкции, гражданское право, моральный вред, убытки, возмещение вреда.

В зависимости от выполняемых функций гражданско-правовые санкции можно разделить на компенсаторные, штрафные и иные санкции. В ходе настоящего исследования наше внимание будет сконцентрировано на компенсаторных санкциях.

Р. Р. Саетгалина под компенсацией понимает выплату денежной суммы в случаях причинения нематериального вреда, нарушения личных неимущественных прав с целью уменьшения негативного влияния на охраняемые законом права и интересы в случае, когда невозможно предоставить равное возмещение либо восстановить первоначальное положение кредитора [2, с. 227].

То есть сущность компенсаторных санкций заключается в том, что они направлены на восстановление правового положения лица, которое имело место быть до нарушения его прав [1, с. 49].

К компенсаторным санкциям относят следующее: взыскание убытков, возмещение причиненного вреда жизни и здоровью, выплата определенной законом денежной суммы в качестве компенсации за: причинение морального вреда; умаление деловой репутации и др.

Под убытками стоит понимать всякий имущественный вред, который выражен в денежном виде. Возмещение убытков представляет собой универсальный способ за-

щиты, так как им можно воспользоваться и как самостоятельным способом защиты, так и использовать его наряду с другими.

Согласно положениям ст. 395 ГК РФ убытки возмещаются в полном объеме — это означает, что потерпевшая сторона должна быть поставлена в то положение, в котором бы она находилась, если бы обязательства были исполнены надлежащим образом. В ч. 5 ст. 393 ГК РФ устанавливается, что размер убытков должен быть определен с разумной степенью достоверности, у суда также отсутствует право в отказе исковых требований, если размер убытков не доказан с разумной степенью достоверности. В таких случаях размер убытков определяется судом на основе принципов соразмерности и справедливости ответственности за нарушение обязательства.

Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина — это другая разновидность компенсаторной санкции в гражданском праве. Так, существующий порядок возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, свидетельствует о том, что существует определенная последовательность действий со стороны пострадавшего, такие действия сосредоточены как в § 2 главы 59 ГК РФ, так и в других нормативно-правовых актах. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, производится, по общим правилам исполнения деликтных обязательств.

Указанные обязательства предполагают возмещение потерпевшему имущественных потерь, ведь зачастую в результате повреждения здоровья, он временно или постоянно лишается возможности получения прежнего заработка или иного дохода, производит расходы на лечение и т. п. В случае же потери кормильца такие затраты могут понести его близкие, которые рассчитывали на его помощь, но в результате правонарушения лишились не только родного человека, но и в его лице — источника содержания [3, с. 229].

В настоящее время объем причиненного вреда определяется ст. 1085 ГК РФ, и он состоит из следующего: из утраченного дохода и из дополнительных расходов, которые были осуществлены в силу понесенного повреждения здоровья, к примеру, затраты на лекарства, на лечение и т. д.

Для того, чтобы определить объем возмещения вреда при повреждении здоровья необходимо сначала выявить средний месячный заработок до причинения вреда, так как объем возмещения определяется именно в процентном выражении к среднему месячному заработку от утраты трудоспособности.

Иные правила определения объема возмещения вреда существуют при смерти кормильца, что установлено в ст. 1088 ГК РФ. В данном случае имущественные потери возникают у лиц, которых умерший содержал при жизни, к примеру, к таковым относят ребенка умершего.

Литература:

1. Золотарев А. П. Некоторые особенности гражданско-правовой ответственности / А. П. Золотарев. — Текст: непосредственный // Современное право. — 2016. — № 6. — С. 49–54.

Абсолютно неурегулированным в ст. 1088 ГК РФ остается вопрос наличия нескольких иждивенцев, на наш взгляд, в таком случае среднемесячный доход умершего распределяется на количество таких иждивенцев.

Правила о компенсации морального вреда содержатся в ст. ст. 151, 1099–1101 ГК РФ. Так, анализ положений ст. 151 и 1101 ГК РФ позволяет сделать вывод, что под моральным вредом стоит понимать физические и нравственные страдания, при определении размера морального вреда необходимо учитывать степень вины, а также как фактические обстоятельства дела, так и индивидуальные особенности потерпевшей стороны.

Понимание морального вреда как страдания означает, что действия причинителя вреда жизни или здоровью гражданина нашло свое отражение в сознании потерпевшей стороны или же лиц, имеющих право на такую компенсацию, данное действие вызвало определенную психическую реакцию.

При этом неблагоприятные изменения в охраняемых законом нематериальных благах отражаются в сознании человека в форме негативных ощущений (физические страдания) или переживаний (нравственные страдания).

Под физическими страданиями стоит понимать причинение гражданину увечья или иного повреждения его здоровья. Конечно, жизнь и здоровье — это тоже нематериальные блага, но как они соотносятся с моральным вредом не совсем понятно. Однако нами предлагается рассматривать это больше, как следствие, иными словами, причиненный моральный вред гражданину — это следствие причинение вреда его здоровью [4, с. 144].

Другая изучаемая компенсаторная санкция вытекает из ст. 152 ГК РФ, в силу которой профессиональные участники гражданского оборота (юридические лица) не имеют правовых оснований для возмещений морального вреда, однако закон предоставляет им возможность получения компенсации за нанесенный им репутационный вред. Данная компенсационная санкция применяется при условии причинению юридическому лицу репутационного вреда, поскольку его деловая репутация выступает одним из существенных элементов для достижения поставленной перед юридическим лицом цели.

Анализ положений ст. 152 ГК РФ позволяет сделать вывод, что правила по защите чести и достоинства применяются и в отношении защиты деловой репутации юридического лица. В ст. 152 ГК РФ говорится, что защита чести и достоинства у физического лица допускает и после его смерти заинтересованными лицами. Следовательно, можно провести аналогию и заявить, что защиты прав ликвидированного или же реорганизованного юридического лица также допускается.

2. Кобылин Д. В. Компенсация морального вреда за причинение вреда жизни и здоровью / Д. В. Кобылин. — Текст: непосредственный // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. — 2018. — № 2. — С. 189–196.
3. Саэтгалина Р. Р. Проблема санкций в гражданском законодательстве / Р. Р. Саэтгалина. — Текст: непосредственный // Проблемы и перспективы в международном трансфере инновационных технологий: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 21 апреля 2019 года. — Самара: Общество с ограниченной ответственностью «Омега сайнс», 2019. — С. 226–229. (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37296958>)
4. Саэтгалина Р. Р. Условия применения гражданской правовой санкции / Р. Р. Саэтгалина. — Текст: непосредственный // Совершенствование методологии познания в целях развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции, Волгоград, 17 апреля 2019 года. Ч. 2. — Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Омега сайнс», 2019. — С. 144–147.

Современные возможности и проблемы судебно-медицинских экспертиз

Туркин Артем Михайлович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются современные возможности и актуальные проблемы судебно-медицинской экспертизы как ключевого инструмента доказывания в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве. Освещены передовые технологии, расширяющие потенциал экспертов: «виртуальная аутопсия» на базе МСКТ, МРТ и 3D-сканирования, компьютерное моделирование обстоятельств происшествий (в т. ч. с применением FEA и специализированного ПО), высокоточные лабораторные методы (хромато-масс-спектрометрия, touch DNA), а также внедрение искусственного интеллекта и автоматизированных систем управления. Отдельно раскрыт рост роли комплексных и комиссионных экспертиз с привлечением узких специалистов. Одновременно проанализированы системные проблемы: кадровый дефицит и высокая нагрузка, риски утраты и деградации биологических объектов, неполнота исходных материалов, пробелы нормативно-правовой базы, риски некорректного применения цифровых технологий, разграничение компетенции эксперта и суда в «ятрогенных» делах, а также экономические и инфраструктурные ограничения, ведущие к региональному неравенству в доступе к современным методикам. Сделан вывод о необходимости сбалансированного развития отрасли — одновременного совершенствования материально-технической, нормативной и кадровой составляющих для обеспечения объективности и доказательственной ценности экспертных выводов.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, современные технологии в экспертизе, виртуальная аутопсия, цифровизация, проблемы судебно-медицинской экспертизы, искусственный интеллект в судебной медицине, комплексная экспертиза, доказательственное значение заключения эксперта.

Судебно-медицинская экспертиза занимает ключевое место в системе правосудия, выступая важнейшим источником доказательств по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях. Её значение обусловлено тем, что разрешение многих вопросов следствия и суда требует применения специальных медицинских и биологических знаний. Заключение судебно-медицинского эксперта непосредственно влияет на процессуальные решения в отношении обвиняемых, пострадавших и других участников судопроизводства.

Судебно-медицинская экспертиза — является одной из важнейших областей медицины, которая играет ключевую роль в судебных процессах и разрешении криминальных дел [1]. От качества её выводов напрямую зависит установление истины в уголовных, гражданских и административных делах. В последние годы сфера активно трансформируется: с одной стороны, появляются новые технологии, расширяющие возможности экспертов,

с другой — обостряются старые и возникают новые проблемы. Цель статьи — проанализировать этот баланс.

С учетом развития современной науки и технологий перед судебно-медицинской экспертизой открываются новые направления. Одним из которых можно назвать **высокотехнологичные методы исследования**. Широкое применение получают посмертная мультиспиральная компьютерная томография и магнитно-резонансная томография. Их сочетание с 3D-сканированием позволяет проводить «виртуальную аутопсию»: неинвазивно выявлять до 20–30 % дополнительных находок, которые легко пропустить при стандартном вскрытии. Это особенно ценно при сложных травмах или когда нужно сохранить вещественные доказательства.

Также для реконструкции обстоятельств происшествия (ДТП, падения с высоты, огнестрельной или взрывной травмы) используют конечно-элементный анализ (FEA) и динамическое моделирование (например, в пакетах PC-Crash, MADYMO). Это помогает смодели-

ровать воздействие травмирующих сил, траекторию движения тела, последовательность получения повреждений.

Помимо вышеуказанных направлений также активно развиваются лабораторные методики, к которым относятся методы хромато-масс-спектрометрии высокого разрешения для токсикологических исследований, а также анализ микроследов ДНК (touch DNA), что повышает точность идентификации.

Также стремительно внедряются алгоритмы искусственного интеллекта, они помогают автоматизировать обработку больших массивов данных (медицинские карты, лабораторные результаты), выявлять скрытые закономерности в сложных случаях и предоставлять эксперту дополнительные данные для интерпретации.

Помимо технологических прорывов, существенное влияние на развитие судебно-медицинской экспертизы оказывает системная цифровизация экспертных процессов. В профильных учреждениях всё шире внедряются автоматизированные системы управления (АСУ), которые обеспечивают сквозной учёт поступающих материалов, контроль сроков исполнения экспертиз, формирование отчётности и интеграцию с внешними информационными ресурсами — в частности, с Единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ). Благодаря этому сокращается доля рутинных операций, уменьшается риск утери документов и ошибок при регистрации объектов, а также повышается прозрачность взаимодействия между экспертными подразделениями, следственными органами и судами.

Важным направлением остаётся развитие комплексных и комиссионных экспертиз. В сложных делах (например, при установлении причин смерти в результате сочетанной травмы либо в спорах о качестве медицинской помощи) всё чаще формируется коллегиальный подход: к работе привлекаются узкие специалисты из разных областей — травматологи, неврологи, токсикологи, патологоанатомы. Такой формат позволяет минимизировать субъективность выводов и обеспечить многофакторную оценку обстоятельств.

Вместе с тем расширение возможностей неизбежно сопровождается комплексом проблем, которые ограничивают эффективность судебно-медицинской экспертизы.

Одной из наиболее острых остаётся кадрово-организационная проблема. Не во всех регионах обеспечена достаточная укомплектованность бюро СМЭ квалифицированными специалистами, особенно по узким направлениям (судебно-гистологическая, молекулярно-генетическая экспертиза и др.). Высокая нагрузка, длительные сроки исполнения экспертиз и недостаточная материально-техническая база в ряде учреждений приводят к профессиональному выгоранию и оттоку кадров.

Серьёзные трудности связаны с качеством и сохранностью объектов исследования. Биологические материалы подвержены деградации: ДНК разрушается при неправильном хранении, следы крови и тканей теряют идентификационные свойства, а при нарушении правил

изъятия и упаковки вещественные доказательства могут оказаться непригодными для дальнейшего анализа. Нередко экспертам приходится работать с фрагментарными или повреждёнными образцами, что снижает доказательственную ценность результатов.

Не менее значимой является проблема неполноты исходных данных. На экспертизу нередко поступают материалы без полного комплекта медицинской документации: отсутствуют рентгеновские снимки, протоколы операций, выписки из стационаров, данные КТ и МРТ. Это затрудняет установление механизма травмы, её давности и причинно-следственной связи с наступившими последствиями. Кроме того, задержки с назначением экспертизы (иногда на месяцы) приводят к утрате временных ориентиров: заживление повреждений искажает морфологическую картину, а показания свидетелей и участников дела могут меняться.

Нормативно-правовая база также содержит ряд пробелов. Хотя порядок назначения и проведения экспертиз регламентирован УПК РФ, ГПК РФ и ведомственными актами, на практике остаются неурегулированными отдельные аспекты: например, чёткие сроки исполнения отдельных видов исследований, единые требования к формулированию выводов (в том числе вероятностных), а также стандарты хранения и передачи биологических образцов между учреждениями. Дискуссионным остаётся и вопрос о разграничении процессуальных статусов эксперта и специалиста: в ряде случаев суды смешивают эти понятия, что влияет на оценку доказательственной силы заключений.

Особого внимания заслуживают риски, связанные с внедрением новых технологий. Использование искусственного интеллекта и автоматизированных алгоритмов несёт в себе не только преимущества, но и потенциальные угрозы. Существует опасность «слепого» доверия к результатам машинной обработки: если эксперт не обладает достаточной цифровой грамотностью, он может не заметить ошибки в исходных данных или некорректную работу модели. Кроме того, алгоритмы, обученные на ограниченных выборках, могут давать смещённые результаты, а отсутствие прозрачных методик валидации таких инструментов снижает доверие к ним со стороны суда.

В сфере экспертиз по делам о качестве медицинской помощи («ятрогенных» спорах) сохраняется проблема разграничения компетенции. Судебно-медицинский эксперт вправе установить, соответствовало ли оказанное лечение действующим стандартам и клиническим рекомендациям, описать причинно-следственную связь между действиями медработников и наступившими последствиями, но не вправе делать выводы о юридической вине врача — это относится к исключительной компетенции суда. На практике стороны нередко трактуют экспертное заключение как готовое решение о виновности, что искажает восприятие его доказательственного значения.

Наконец, нельзя игнорировать экономические и инфраструктурные ограничения. Высокотехнологичные методы (МСКТ, МРТ, генетический анализ) требуют зна-

чительных финансовых вложений в оборудование, расходные материалы и обучение персонала. В условиях ограниченного бюджетного финансирования многие региональные бюро СМЭ вынуждены либо отказываться от внедрения передовых методик, либо выполнять такие исследования в порядке исключения, что создаёт неравенство в доступе к современным средствам доказывания в разных субъектах РФ.

Таким образом, современная судебно-медицинская экспертиза переживает этап глубокой трансформации: на смену традиционным методам приходят цифровые технологии, автоматизация и междисциплинарные подходы. Однако реализация этих возможностей сдерживается

комплексом проблем — от кадрового дефицита и несовершенства нормативной базы до технических и экономических ограничений. Для дальнейшего развития отрасли необходим сбалансированный подход: одновременное обновление материальнотехнической базы, совершенствование правового регулирования, повышение квалификации экспертов и выстраивание чёткого взаимодействия между правоохранительными, судебными и медицинскими структурами. Только при таком условии судебно-медицинская экспертиза сможет в полной мере отвечать требованиям современного правосудия и обеспечивать объективность и достоверность выводов, имеющих ключевое значение для установления истины по делу.

Литература:

1. Судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств. — Текст : электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-meditsinskaya-ekspertiza-veschestvennyh-dokazatelstv/viewer> (дата обращения: 26.06.2026).

Роль нотариуса в процедуре банкротства наследственной массы умершего гражданина

Ушакина Александра Витальевна, студент

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

В статье исследуется роль нотариуса в делах о банкротстве умершего гражданина. Рассматривается порядок взаимодействия нотариуса с финансовым управляющим и арбитражным судом в рамках статьи 223.1 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Анализируются проблемные аспекты: отсутствие у нотариуса права на инициирование процедуры банкротства, ограниченный доступ к информации о долгах наследодателя. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников предлагаются меры по совершенствованию законодательства с целью обеспечения баланса интересов кредиторов и наследников.

Ключевые слова: нотариус, наследственная масса, банкротство гражданина, финансовый управляющий, наследники, кредиторы, конкурсная масса.

С момента введения в 2015 году института банкротства граждан существенно расширилась практика рассмотрения дел о несостоятельности с участием наследственной массы. Нередко должник умирает до завершения расчётов с кредиторами — в таких случаях его обязательства переходят к наследникам в порядке универсального правопреемства согласно п. 1 ст. 1175 Гражданского Кодекса Российской Федерации [1].

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] в статье 223.1 предусматривает возможность банкротства наследственной массы. Данная процедура, как отмечает Д. А. Приходько, базируется на принципе сепарации, берущем начало в римском частном праве. Этот принцип предполагает обособление имущества умершего от активов наследников, на которое не могут претендовать кредиторы последних [17, С.282].

На сегодняшний день российские суды накопили значительный опыт в рассмотрении дел, касающихся обязательств наследников по долгам умершего. Ключевые принципы и подходы к решению таких споров изложены в разделе 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [5]. Разъяснения по вопросам принятия наследства и ответственности за долги наследодателя также представлены в письме Министерства финансов РФ № 05-07-13/30841 от 06.04.2023 [8].

Одним из важнейших участников при осуществлении процедуры банкротства умершего должника является нотариус, независимо от того, когда открылось наследство — до или после возбуждения дела. Его деятельность регламентируется статьей 63.1 «Основ законодательства РФ о нотариате» (далее Основы законодательства о нотариате) [4], а также п. 4 и 5 ст. 223.1 Федерального закона

№ 127-ФЗ, п. 55 Регламента совершения нотариусами нотариальных действий (далее «Регламент») [3].

Как справедливо указывает А. П. Соколов, нотариус, не являясь ключевой фигурой в процедуре банкротства умершего, в отличие от арбитражного управляющего и кредиторов, не только оформляет документы, связанные с наследованием, устанавливает круг наследников, но и активно участвует в установлении состава наследственной массы, обеспечивая защиту интересов как кредиторов, так и наследников должника-банкрота [18, С.22]. Также нотариус предоставляет консультации относительно вопросов, касающихся несостоятельности наследства и юридических прав наследников, находящихся в состоянии банкротства.

В зависимости от момента открытия наследства нотариус либо получает уведомление от финансового управляющего в течение пяти рабочих дней с даты, когда ему стало известно о смерти гражданина или об объявлении его умершим, либо самостоятельно проверяет сведения в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве и Картотеке дел арбитражного суда. С момента получения информации о банкротстве наследодателя нотариус обязан приостановить выдачу свидетельств о праве на наследство до завершения судебной процедуры. В этот период он направляет в арбитражный суд ходатайство о переходе к реализации имущества, а также предоставляет финансовому управляющему сведения об имуществе, входящем в наследственную массу.

Несмотря на то, что законодатель в целом определил роль и правовые позиции нотариуса в деле о банкротстве умершего, обнаруживается ряд противоречий и коллизий, требующих разрешения. По мнению А. Н. Максимовой, для обеспечения прозрачности, справедливости и результативности процедуры банкротства для всех участников, необходимо совершенствование законодательной базы и четкая регламентация процесса банкротства, включая роль нотариуса [16, с. 39].

Во-первых, спорным моментом является предоставление нотариусу законодательной возможности инициировать процедуру банкротства наследственной массы в Арбитражном суде. На практике нотариус, выступая в роли инициатора банкротства, зачастую не располагает исчерпывающими сведениями об активах и обязательствах умершего. Необходимо также учитывать, что нотариус придерживается нейтралитета в процессе банкротства, не представляя интересы ни наследников, ни кредиторов. Возникает несоответствие с положениями о вынесении решения Арбитражным судом, поскольку обращаться в суд может лишь участник дела о банкротстве, коим нотариус в данном контексте не является.

В 2015 года в Федеральном законе № 127-ФЗ было закреплено, что до установления круга наследников, полномочия и обязательства лица, проходящего процедуру банкротства, реализуются либо исполнителем завещания, либо нотариусом по адресу открытия наслед-

ственного дела. Однако, после поправок, внесенных 29.12.2015 в статью 223.1 Федерального закона № 127-ФЗ, это положение было исключено, несмотря на сохранение статьи 1135 ГК РФ, подтверждающей данное право нотариуса. Вышеизложенное обуславливает необходимость вернуться к ранее действующей редакции нормы, так как нотариус должен выступать объективным и незаинтересованным участником в таком деле, а также защищать права кредиторов наследства и наследников в равной степени.

Во-вторых, современное законодательство, направленное на защиту персональных данных и конфиденциальности информации, создает трудности, поскольку ограничивает доступ к данным для нотариусов, необходимым для принятия решений, касающихся наследства. Нотариусы часто сталкиваются с неполнотой информации об активах и долгах наследодателя. Как отмечает Д. В. Глазов в настоящее время только судебные и правоохранительные органы обладают полным доступом к конфиденциальной информации. Ограничивая доступ для наследников и нотариусов, закон не предлагает альтернативных способов получения сведений, что ставит под угрозу интересы сторон [15, с. 8].

В 2023 году был разработан законопроект федерального закона № 395002-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об информировании нотариусом наследников о кредитных обязательствах наследодателя) [7], обязывающего нотариусов заранее уведомлять наследников о долгах наследодателя. Важно не просто наделить нотариусов правом запрашивать сведения о долгах, а закрепить это как их прямую обязанность для защиты наследников от неожиданных требований кредиторов.

В-третьих, проблемным является вопрос о доступе финансового управляющего к материалам наследственного дела. В соответствии со статьей 5 Основ законодательства о нотариате, финансовый управляющий не включен в список лиц, которым разрешено самостоятельно запрашивать информацию по наследственному делу (например, данные о наследниках, их личная информация, сведения об имуществе, входящем в наследственную массу). В соответствии с пунктом 9 статьи 213.9 Федерального закона № 127-ФЗ, он может получить такую информацию исключительно по решению суда. Аналогичный подход содержится в пункте 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с применением процедур банкротства физических лиц» [6].

Согласно положениям пункта 5 статьи 213.25 Федерального закона № 127-ФЗ, с момента признания гражданина несостоятельным (банкротом), право распоряжения имуществом, составляющим конкурсную массу, переходит исключительно к назначенному финансовому управляющему, действующему в интересах должника. Гражданин более не может самостоятельно распоряжаться указанными активами. Учитывая, что унаследованное

имущество подлежит включению в конкурсную массу, представляется обоснованным предоставить финансовому управляющему право на обращение к нотариусу за выдачей свидетельства и истребованием информации без дополнительных судебных санкций. Схожая точка зрения представлена и в Методических рекомендациях, рассматривающих специфические аспекты нотариальной деятельности при ведении наследственных дел в случаях банкротства наследодателя или признания банкротом наследника (п. 2.7.) [12].

Сложности возникают и в ситуациях, когда наследник сам находится в процедуре банкротства. На этапе реструктуризации долгов он вправе принять наследство самостоятельно, однако отказ от наследства должен быть согласован с финансовым управляющим. На стадии реализации имущества заявление об отказе может подать только финансовый управляющий. При принятии заявления об отказе от наследства нотариус должен разъяснить наследнику правовые последствия такого отказа, предусмотренные статьями 1157 и 1158 Гражданского кодекса РФ, а также предупредить о положениях статей 61.2 и 61.3 Федерального закона № 127-ФЗ. Отказ несостоятельного наследника от наследства затронет интересы кредиторов, стремящихся удовлетворить свои требования за счет наследственной массы. Судебная практика исходит из того, что отказ от наследства в пользу других лиц, совершенный банкротом с целью причинения вреда кредиторам, является недействительной сделкой. В определении Верховного Суда РФ от 11.01.2021 № 303-ЭС20-20489 [9] указано, что такой отказ признается недействительным, если он нарушает имущественные права кредиторов должника. Ранее в определении Верховного Суда РФ от 14.09.2018 № 305-ЭС18-13167 [10], суд отметил, что заявление об отказе от наследства представляет собой безвозмездную сделку, совершенную после возбуждения дела о банкротстве, в результате которой в конкурсную массу не поступает ликвидное имущество, необходимое для удовлетворения требований кредиторов.

Особого внимания заслуживает ситуация, когда нотариус обязан приостановить выдачу свидетельства на основании статьи 41 Основ законодательства о нотариате. Например, если умерший при жизни подал заявление о банкротстве, и суд исключил его жилое помещение из конкурсной массы, наследник обращается за свидетельством по истечении шести месяцев. Нотариус оказывается перед выбором: выдать свидетельство на имущество, исключенное из конкурсной массы, или дожидаться завершения процедуры банкротства. Обоснованным представляется решение о приостановлении вы-

дачи до окончания дела о несостоятельности, поскольку судебный акт об исключении имущества может быть пересмотрен. (Данный вывод подтверждается судебным решением Куйбышевского районного суда города Омска от 26 января 2023 года по делу № 2-473/2023) [11]. Вышеизложенное приводит к необходимости урегулирования данного права нотариуса в статье 41 Основ законодательства о нотариате.

Отдельно стоит проблема отсутствия процессуальных правил для случаев одновременного банкротства наследника и наследственной массы. Как справедливо отмечает И. А. Воронова, основной целью процедуры является максимальная защита прав всех заинтересованных сторон. Законодательство должно стремиться к тому, чтобы эта процедура была прозрачной и справедливой [13]. Представляется разумным внедрение двух параллельных процедур несостоятельности: банкротства имущества, оставшегося после умершего, и банкротства личного имущества наследника.

Таким образом, институт банкротства наследственной массы с участием нотариуса востребован, однако находится на начальном этапе формирования и требует детальной правовой регламентации. Законодатель наделил нотариуса следующими полномочиями в этой сфере: передача в арбитражный суд копии дела о наследстве; участие в судебном процессе; ходатайство об инициации продажи имущества в случае, когда наследники не вступили в права; передача финансовому управляющему сведений о конкурсной массе. В период принятия наследства нотариус — по месту открытия наследства становится ключевой фигурой и лицом, участвующим в процессе по делу о банкротстве, а не лицом, участвующим в деле о банкротстве, как, например, наследники, принявшие наследство, поскольку объем прав и обязанностей в деле о банкротстве в этих случаях является различным и последние осуществляют права и обязанности умершего банкрота в деле о банкротстве.

Несмотря на начальный этап развития исследуемого правового института, очевидна необходимость его более детальной законодательной проработки. Прежде всего, это касается регламентации процедуры выдачи свидетельства о праве на наследство при банкротстве наследника или наследодателя, а также создания правовых условий для эффективного взаимодействия нотариата, суда и финансовых управляющих. Совершенствование законодательства в этой сфере позволит обеспечить баланс интересов всех участников процесса — наследников, кредиторов и общества в целом, а также повысит эффективность правоприменения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146ФЗ (в ред. от 08.08.2024 № 237ФЗ) // Российская газета. — 2024. — 16 августа.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127ФЗ (ред. от 26.12.2024 № 478ФЗ) // Российская газета. — 2024. — 28 декабря.

1. Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объём информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ её фиксирования: приказ Министерства юстиции РФ от 30.08.2017 № 156 (в ред. от 22.08.2025 № 204) // Официальный интернетпортал правовой информации (pravo.gov.ru).
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462I (в ред. от 31.07.2025 № 318ФЗ) // Российская газета. — 2025. — 16 августа.
3. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020 № 45) // Российская газета. — 2021. — 15 января.
4. О некоторых вопросах, связанных с применением процедур банкротства физических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 (в ред. от 17.12.2024) // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2024.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об информировании нотариусом наследников о кредитных обязательствах наследодателя): проект федерального закона № 3950028 // профильный комитет — Комитет по государственному строительству и законодательству. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/395002-8>.
6. О принятии наследства и об ответственности наследников по долгам наследодателя: письмо Министерства финансов РФ № 050713/30841 от 06.04.2023 // Официальный интернетпортал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru.
7. Определение Верховного Суда РФ от 11.01.2021 № 303ЭС2020489 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/?ysclid=mhx8h8ujzf21542771>.
8. Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2018 № 305ЭС1813167 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/?ysclid=mhx8h8ujzf21542771>.
9. Решение Куйбышевского районного суда г. Омска от 26.01.2023 по делу № 2473/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/?ysclid=mhx8h8ujzf21542771>.
10. Методические рекомендации, посвящённые отдельным вопросам нотариальной практики при рассмотрении наследственных дел в ситуациях банкротства наследодателя или признания банкротом наследника: решение Правления Московской городской нотариальной палаты от 30.03.2023, протокол № 13 // СПС «Консультант Плюс». — URL: <https://base.garant.ru/407559659/>.
11. Воронова, И. А. Особенности правового регулирования действий нотариуса при банкротстве наследственной массы / И. А. Воронова // Правоведение. — 2019. — № 2. — С. 11–14.
12. Глазов, Д. В. Долг и наследство: алгоритм оценки ответственности наследников по обязательствам наследодателя. Современность и перспективы / Д. В. Глазов // Нотариальный вестник. — 2023. — № 12. — С. 5–13.
13. Максимова, А. Н. Действия нотариуса в случае банкротства наследственной массы и обращения наследника-банкрота / А. Н. Максимова // Закон и власть. — 2023. — № 5. — С. 37–43.
14. Приходько, Д. А. Банкротство наследственной массы / Д. А. Приходько // Молодой учёный. — 2022. — № 47. — С. 281–284.
15. Соколов, А. П. Действия нотариуса в процессе банкротства наследственной массы / А. П. Соколов // Право и экономика. — 2020. — № 4. — С. 21–24.

Причины и детерминанты компьютерной преступности

Феоктистов Степан Васильевич, студент

Научный руководитель: Хомик Элла Владимировна, старший преподаватель
Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток)

В статье исследуется феномен компьютерной преступности как одного из наиболее динамично развивающихся видов преступной деятельности в условиях цифровой трансформации современного общества. Анализируются причины и детерминанты, способствующие возникновению и распространению киберпреступлений, включая социально-экономические, технологические, правовые и психологические факторы. Особое внимание уделяется классификации детерминант компьютерной преступности, характеристике личности киберпреступника, а также специфике проявления рассматриваемого явления в Российской Федерации. На основе проведённого исследования делаются выводы о необходимости комплексного подхода к противодействию компьютерной преступности с учётом выявленных криминальных факторов.

Ключевые слова: компьютерная преступность, киберпреступность, детерминанты преступности, причины преступности, киберпространство, личность киберпреступника, цифровая трансформация.

Causes and determinants of computer crime

Feoktistov Stepan Vasilyevich, student

Scientific advisor: Khomik Ella Vladimirovna, senior lecturer
Maritime State University named after Admiral GI Nevelskoy (Vladivostok)

The article examines the phenomenon of computer crime as one of the most dynamically developing types of criminal activity in the context of the digital transformation of modern society. The article analyzes the causes and determinants that contribute to the emergence and spread of cybercrimes, including socio-economic, technological, legal, and psychological factors. Special attention is paid to the classification of the determinants of computer crime, the characteristics of the cybercriminal's personality, and the specific manifestations of this phenomenon in the Russian Federation. Based on the conducted research, the article concludes that a comprehensive approach to combating computer crime is necessary, taking into account the identified criminogenic factors.

Процесс всеобщей компьютеризации и цифровизации, охвативший практически все сферы жизнедеятельности современного общества, наряду с бесспорными позитивными эффектами породил и феномен компьютерной преступности. Компьютерные и иные технологии, а также общественные отношения в этой сфере образуют новый объект преступных посягательств, а также средства и способы совершения общественно опасного деяния, что создаёт актуальную проблему для правовой науки и правоохранительной практики. Изучение причин и условий преступности занимает центральное место в криминологии, и проблема противодействия компьютерной преступности является особенно острой в эпоху цифровых технологий. В настоящее время наиболее прогрессирующей тенденцией развития общества является развитие компьютерных и IT-технологий, которые внедряются почти во все сферы жизнедеятельности, упрощая и ускоряя её. Однако наряду с позитивной стороной этого процесса существует и негативная, выражающаяся в новом преступном явлении — киберпреступности. Целью данной работы является системный анализ причин и детерминант компьютерной преступности с выделением ключевых групп факторов, детерминирующих её возникновение и развитие.

В современной науке под киберпреступностью понимают ограниченный круг деяний, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем и сетей и компьютерных данных [1]. Компьютерная преступность представляет собой совокупность умышленных преступлений, посягающих как на охраняемую законом компьютерную информацию, так и на другие объекты уголовно-правовой охраны, где компьютерные технологии могут выступать орудием преступления [2]. С методологической точки зрения причины компьютерной преступности представляется возможным классифицировать по сферам общественной жизни и на основании этого критерия выделить следующие виды причин совершения компьютерных преступлений: социальные, экономические, юридические, кадровые, технические, организационные, политические [3]. В свою очередь, среди детерминант, порождающих киберпреступность, традиционно выделяют социально-эконо-

мические, организационно-технические, организационно-правовые и организационно-управленческие группы [4]. Аккаева Х. А. в своём исследовании анализирует комплекс факторов, обуславливающих рост киберпреступности, включая социальные, экономические, психологические, технические и правовые детерминанты, а также акцентирует внимание на особенностях личности киберпреступника и специфике киберпространства как виртуальной среды совершения преступлений [5].

Социально-экономические факторы также занимают одно из ключевых мест в детерминации компьютерной преступности. Исследования показывают, что социально-экономическое неравенство и безработица способствуют росту уязвимости общества перед киберпреступностью [6]. Экономические кризисы, резкое снижение обменного курса национальной валюты, повышение розничных цен на товары первой необходимости, снижение уровня жизни и рост безработицы выступают общими детерминантами для всех видов экономических преступлений в киберпространстве [7]. Причины и условия, способствующие совершению преступлений в сфере информационных технологий, касающиеся социально-экономического блока, связанные с длительными кризисными явлениями и нестабильностью экономической политики. Внедрение цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и робототехники, способствует сокращению рабочих мест, а безработица, в свою очередь, отрицательно влияет на криминогенную ситуацию в обществе, поскольку криминогенный потенциал определённого слоя безработных ориентирован на включение в криминогенный бизнес [3]. Важным социальным детерминантом выступает также цифровое неравенство. Свободный обмен информацией потенциально способен преодолевать нищету и неравенство, однако значительная часть населения по-прежнему не имеет доступа к Интернету и компьютерным устройствам. Активное развитие технологий, при сохранении цифрового неравенства, провоцирует дальнейшее расслоение общества, а усиление социального расслоения неизбежно ведёт к росту преступности [6]. К социальным причинам компьютерной преступности в современной России следует также отнести всеобщую компьютеризацию россий-

ского общества — активное развитие компьютерных технологий, информационно-телекоммуникационных сетей, информационных услуг, электронного документооборота, что создаёт необходимую среду для деятельности киберпреступников [4].

Технологические факторы выступают как непосредственной причиной возникновения компьютерной преступности, так и условием, способствующим её развитию. Сам процесс прогрессивного развития компьютеризации и автоматизации, совершенствование информационных технологий и расширение производства, внедрение виртуальных форм финансовых расчётов и платежей создают как новые объекты для преступных посягательств, так и новые инструменты для их совершения [8]. Борьба с киберпреступностью осложняется, прежде всего, технологической эволюцией и анонимностью злоумышленников. Киберпреступники оперативно адаптируются к новым системам защиты, используя всё более сложные и изощрённые способы совершения преступлений. Высочайший уровень интеллектуальной подготовки преступников — разработчиков вредоносного программного обеспечения, беспрецедентная скрытность общественно опасного деяния, трансграничный характер и автоматизация способов совершения киберпреступлений исключают возможности их предупреждения и пресечения традиционными средствами правоохранительных органов [7]. Среди организационно-технических причин выделяют также недостаточную техническую оснащённость правоохранительных органов новейшими технологиями и низкий уровень пропаганды и обучения по правовым основам информационного права среди населения [3]. Как отмечает Н. Л. Коликов, недостатки в уголовной политике государства по поводу противодействия компьютерной преступности создали почву для её самодетерминации [8]. Латентность компьютерной преступности, которая остаётся очень высокой, неэффективная работа правоохранительных органов и отсутствие законодательной базы предопределили появление и развитие профессиональной компьютерной преступности [8].

Правовые факторы играют существенную роль как в детерминации компьютерной преступности, так и в ограничении возможностей эффективного противодействия ей. Развитие и распространение цифровых технологий требует создания нормативной законодательной основы для использования таких технологий, а также защиты личности, общества и государства. На сегодняшний день существуют лишь отдельные нормативно-правовые акты, регулирующие определённые направления в этой сфере, при этом ряд проблем остаются нерешёнными [9]. Несовершенство законодательства в сочетании с трансграничным характером киберпреступлений создаёт дополнительные криминогенные условия. Внешние детерминанты включают в себя организационно-правовые факторы, такие как недостатки международно-правового регулирования и сложности в международном сотрудничестве по вопросам противодействия киберпреступности

[4]. Высокая латентность компьютерной преступности также обусловлена правовыми и организационными причинами. К причинам искусственной латентности относят нежелание потерпевшей стороны (предприятия, учреждения, организации или отдельных граждан) сообщать в правоохранительные органы о преступных посягательствах на их компьютерные системы, что связано как с опасением репутационных потерь, так и с неверием в эффективность правоохранительной системы [1].

Психологические факторы занимают особое место в системе детерминант компьютерной преступности. На основе особенностей киберпространства сформулированы главные криминогенные психологические факторы, а также механизмы их влияния на формирование преступного умысла и поведения преступников. Ключевыми психологическими особенностями киберпространства, способствующими противоправному поведению, выступают анонимность, опосредованность коммуникации и снижение уровня социального контроля [9]. Исследования показывают, что личность компьютерного преступника обладает рядом специфических черт. Рассматриваются типичные социопсихологические особенности, мотивационные факторы, уровень компетенций и доступность технической среды, а также влияние социокультурных и экономических условий на преступную активность в киберпространстве [2]. К характерным чертам личности киберпреступника относятся, как правило, высокий уровень интеллектуального развития и технической грамотности, специфическая мотивация, которая может варьироваться от корыстных побуждений до самоутверждения и исследовательского интереса [5]. Анализ мотивов киберпреступников показывает, что для одних категорий определяющими являются экономические факторы, такие как безработица и тяжёлое материальное положение. Для других на первый план выходят психологические и идеологические мотивы — стремление к самоутверждению, демонстрация своего превосходства, протест против существующего порядка [9].

Исходя из вышеперечисленного, проведённый анализ позволяет сделать вывод о многофакторной природе детерминации компьютерной преступности. Ключевыми группами детерминант выступают социально-экономические (цифровое неравенство, безработица, социальное расслоение), технологические (эволюция IT-технологий, анонимность, трансграничность), правовые (несовершенство законодательства, высокая латентность, сложности международного сотрудничества) и психологические (анонимность в сети, снижение социального контроля, специфическая мотивация) факторы. Все рассмотренные причины взаимосвязаны со всеми основными сферами жизни общества — экономической, политической, социальной, — и с развитием информационных технологий их количество и влияние будут только возрастать. Эффективное противодействие компьютерной преступности требует комплексного подхода, учитывающего все выявленные группы детерминант, и предполагающего

как совершенствование законодательства и правоохранительной практики, так и развитие системы профилактики,

технической защиты информации и повышение правовой грамотности населения.

Литература:

1. Кувшинова В. С. Криминологическая характеристика киберпреступности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020.
2. Сидорова Е. З. Современные криминологические характеристики цифровой преступности (цифровой преступник и его жертва) // Сибирский юридический вестник. 2023. № 3 (102). С. 70–78.
3. Бохан А. П., Туаева Д. А. Причины и условия киберпреступности // Аграрное и земельное право. 2024. № 5. С. 282–286.
4. Ян А. С. Киберпреступность: особенности, развитие и мотивы киберпреступности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024.
5. Аккаева Х. А. Киберпреступления: криминологический анализ // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025.
6. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 235–254.
7. Сомов Р. Н. Киберпреступность: основные проявления и особенности противодействия // Молодой учёный. 2024. № 42 (541). С. 185–187.
8. Коликов Н. Л. Причины и условия профессиональной компьютерной преступности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право.
9. Косенков А. Н., Черный Г. А. Общая характеристика психологии киберпреступника // Правовая политика и правовая жизнь.

Правовая процедура установления кадастровой стоимости объектов недвижимости

Фоменко Юрий Сергеевич, преподаватель
Воронежский юридический техникум

В настоящей статье подробно изложены факторы, которые наиболее часто оказывают влияние на процесс оценки кадастровой стоимости объектов недвижимости в Российской Федерации. Рассмотрены наиболее распространенные проблемы применения нормативной базы, регулирующей процедуру определения стоимости объектов недвижимости, выявлены существующие ошибки, которые допускаются в правоприменительной практике, приводящие к несоответствию между оценочной и реальной стоимостью объекта недвижимости.

Многие их проблем характерны только на уровне некоторых субъектов Российской Федерации, что тоже является основанием для проработки ряда проблем, возникающих при оценке кадастровой стоимости объектов недвижимости.

По всем поднятым в нашей работе проблемам предлагаются возможные варианты решения.

Ключевые слова: стоимость объекта недвижимости, кадастровая стоимость, кадастровая оценка, налог на имущество, рыночная стоимость объекта недвижимости, изменение кадастровой стоимости объекта недвижимости.

Для начала мы хотели бы разобраться, что же такое кадастровая стоимость объекта недвижимости и для чего необходима данная юридическая процедура. В соответствии с требованиями налогового законодательства Российской Федерации, кадастровая стоимость объекта недвижимости необходима для расчета местных налогов [3].

В их число водит налог на имущество физических лиц, земельный налог и региональный налог на имущество юридических лиц.

Особое внимание кадастровой стоимости уделяется при расчете арендной платы по договору, а также в процессе оформления сделок по купле-продаже недвижимого

имущества. Как и любая значимая информация об объекте недвижимости, кадастровая стоимость фиксируется в реестре Единого государственного реестра недвижимости [4].

Несмотря на то, что сама процедура подробно охарактеризована в Федеральном законе от «29» июля 1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [5] и Федеральном законе от «03» июля 2016 года № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [6], специалисты по оценке кадастровой стоимости объектов недвижимости сталкиваются с обстоятельствами, которые не урегулированы законодательством Российской Федерации в полной мере.

В чем же может возникать сложность при определении кадастровой стоимости? Исходя из вышеизложенного, на практике используются следующие способы определения стоимости объектов недвижимости: массовой, индивидуальной и в связи с изменением кадастровой оценки объекта недвижимости.

— массовая оценка — это единовременная оценка сразу нескольких объектов недвижимости, в рамках которой применяются стандартные методики;

— индивидуальная оценка — это объект, который по определенным причинам потерпел индивидуальные изменения и не может являться предметом массовой оценки.

В свою очередь изменение кадастровой оценки объекта недвижимости происходит постоянно и считать этот фактор полноценным способом не совсем корректно. При этом — это тоже один из способов определения.

Относительно понятия, за основу мы возьмем определение, данное Савиновым К. А., Лаврентьевым А. Р. в научной статье под названием «Изменение кадастровой стоимости объекта недвижимости: модернизированный порядок и практика применения»

Кадастровая стоимость объекта недвижимости — это установленная на определенную дату стоимость, сформированная из ценообразующих факторов — совокупности специфических характеристик, формирующих цену объекта недвижимости [11].

В своем научном труде авторы сделали упор на экономическое значение оценки объектов недвижимости, но на наш взгляд данное понятие подходит и для нашей работы.

Что же касается проблем, то в настоящих реалиях правоприменители норм об кадастровой оценке объекта недвижимости столкнулись со следующей проблемой. В процессе массовой оценки зачастую не учитываются индивидуальные особенности объектов. Казалось бы, ранее мы обозначили, что существует индивидуальный метод, но проблема заключается в невозможности квалифицировать объект, как индивидуальный. Давно устоявшаяся практика свидетельствует о том, что зачастую используются результаты именно массовой оценки объектов недвижимости. В этой связи вместо подробного осмотра объекта недвижимости оценщиком, оценка производится по наработанному шаблону в результате чего встречаются объекты, по которым кадастровая стоимость по итогам оценки завышается.

Именно некорректное применение способа оценки создает на рынке завышенную стоимость на недвижимость.

Проблема в том, что в массовом методе акцент делается на работе с такими документами, как правоподтверждающий документ и технический паспорт (при наличии). Такой ограниченный комплект документации затрудняет индивидуальную оценку, в связи с чем подобный объект-аналог, в рамках массового метода определения стоимости объект недвижимости, может быть абсолютно не сопоставим с оцениваемым по конструктивному решению объектом, но иметь схожее название или назначение.

Опять же в рамках массового способа совершенно не учитывается фактический износ объектов недвижимости, а точнее он учитывается неверно.

Проанализировав пункт 24 «е» Федеральных стандартов оценки № 7 [7] мы увидим, что совокупный накопленный износ объекта недвижимости и общие факторы, свидетельствующие об устаревании, учитываются некорректно.

Такая категория износа, как «физический износ» без проведения соответствующей строительной экспертизы не позволяет должным образом определить реальное состояние недвижимого имущества. Вспоминаем проблему расхождения данных в документации с действительностью, износ может быть далек от истинного, а следовательно, и стоимость объекта должна быть ниже.

В дополнение хотим отметить, что при оценке совершенно не учитывается экономический фактор, а именно «экономическое устаревание». В условиях текущего рынка считаем необходимым проводить детальный анализ экономической составляющей объекта недвижимости и влияние рынка на его стоимость.

Проблема заключается в том, что в настоящий момент не существует метода, который позволял бы рассчитать величину (переменную) величины экономического устаревания.

В результате несовершенства данного метода возрастает количество административных исков, в рамках которых суды вынуждены назначить судебную оценочную экспертизу [8]. В таких случаях расходы возвращаются при удовлетворении искового заявления [9], но сам факт формирования такого рода практики свидетельствует о несоответствии данных в отчетах независимых оценщиков, хотя таковые составлены с соблюдением законодательства об оценочной детальности, в том числе федеральным стандартам оценки [9].

Конечно, в перечень проблем можно включить и документальное несоответствие фактическому назначению объекта.

На основании вышеизложенного, мы видим несовершенство метода массовой оценки. В условиях оптимизации многих рабочих процессов совершенствования законодательства Российской Федерации, акцент делается еще и на ускорение сроков. При этом нужно понимать, что массовый метод хоть и позволяет за короткое время произвести оценку большого объема недвижимости, но целесообразно ли его применение в условиях несовершенства мероприятий, закрепленных в Федеральном Стандарте Оценки № 4. Изучив пункт 7 данных правил, мы приходим к выводу, что перечень мероприятий является недостаточным для проведения корректной оценки.

В этой связи, наиболее грубые ошибки допускаются при применении метода массовой оценки для объектов, по которым это невозможно, и требуется применение индивидуальных расчетов.

Ошибки, допущенные в процессе массовой оценки кадастровой стоимости объектов недвижимости достаточно долго исправлять.

Как мы знаем, оспорить подобного рода решения в суде возможно только после получения отрицательного решения комиссии по оспариванию кадастровой стоимости.

Все это указывает на необходимость исключения или хотя бы уменьшению количество ошибок при определении кадастровой стоимости объектов недвижимости. Поскольку кадастровая стоимость объектов, как правило, определяется в рамках затратного подхода. Данный факт в текущих реалиях приводит к завышению кадастровой стоимости относительно рыночной стоимости, особенно это видно на коммерческой недвижимости, для которой наиболее достоверным является всё же доходный подход. Данное обстоятельство свидетельствует о полном игнорировании со стороны оценщиков фактора экономического устаревания объекта.

Таким образом, на наш взгляд, действующий порядок, утвержденный Стандартами оценки № 4 и № 7 устарел

и не соответствует нынешним реалиям. В ходе оценки имущества, уполномоченные на то специалисты чаще всего работают с технической документацией объекта, сопоставляя его с иными объектами подобного типа. Игнорирование в данных случаях индивидуального метода оценки объекта недвижимости приводит к завышению кадастровой стоимости на недвижимость, которую возможно исправить только в результате положительного решения специализированной комиссии или же по решению суда. Проанализировав судебную практику по подобному рода спорам, есть все основания утверждать, что данная проблема имеет значение федерального уровня, что на наш взгляд является основанием в пересмотре тенденции применения массового метода оценки объектов недвижимости, доработать уже имеющиеся стандарты и оптимизировать процедуру применения индивидуального метода оценки объектов недвижимости.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон: [принят Государственной думой «21» октября 1994 г.: с изменениями от «16» декабря 2019 г.]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. — Текст: электронный.
2. Российская Федерация. Законы. «Жилищный кодекс Российской Федерации» Федеральный закон: [принят Государственной думой 29 декабря 2004 г.: с изменениями от «14» июля 2022 г.]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. — Текст: электронный.
3. Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от «05» августа 2000 года № 117-ФЗ КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 02.07.2026).
4. Федеральный закон от «13» июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 02.07.2026).
5. Федеральный закон от «29» июля 1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» – КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 02.07.2026).
6. Федеральный закон от «03» июля 2016 года № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» – КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 02.07.2026).
7. Приказ Минэкономразвития России от «25» сентября 2014 года № 611 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка недвижимости (ФСО № 7)» – КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 02.07.2026).
8. Апелляционные определения Первого апелляционного суда общей юрисдикции от «14» мая 2020 года по делу № 66а-1747/2020, Московского городского суда от «24» апреля 2019 года по делу № 33а-651/2019, от «06» февраля 2019 года по делу № 33а-214/2019.
9. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28, Апелляционные определения Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.05.2020 по делу № 66а-1747/2020, Московского городского суда от 06.02.2019 по делу № 33а-233/2019, от 30.01.2019 по делу № 33а-232/2019).

Доказывание и доказательства в процессе признания права собственности на объект самовольного строительства

Чашкина Валерия Евгеньевна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В данной статье рассматривается то, каким образом выстраивается процесс доказывания в случае подачи иска о признании собственности на самовольную постройку. Приведены обстоятельства, которые должны быть установлены, доказаны и рассмотрены соответствующим образом. В работе представлены примеры из судебной практики.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, право собственности, объект самовольного строительства.

Evidence and proof process to recognize ownership of an unauthorized construction site

Chashkina Valeria Evgenievna, master's student
Udmurt State University (Izhevsk)

This article examines how the proof process is structured in the case of filing a claim for recognition of ownership of an unauthorized building. The circumstances that must be established, proven and considered accordingly are given in this work. The paper provides examples from judicial practice.

Keywords: proof processes, evidence, ownership, unauthorized construction object.

Процесс доказывания играет центральную роль в ходе судебного разбирательства. В первую очередь, застройщику необходимо доказать, что он предпринимал меры к легализации постройки, например, подавал заявление на получение разрешения на строительство.

В пп. 1 и 3 ст. 222 ГК РФ прописаны обстоятельства, которые необходимо доказать, что бы иск о признании права собственности на объект самовольного строительства был удовлетворен: во-первых, «объект является самовольной постройкой по смыслу закона»; во-вторых, «самовольная постройка является объектом недвижимости»; в-третьих, «в отношении участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта» [1].

Согласно п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10/22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» в процессе должны быть представлены следующие доказательства: не «допущены ли при возведении постройки нарушения градостроительных и строительных норм и правил; соответствует ли постройка виду разрешенного использования земельного участка; создает ли такая постройка угрозу жизни и здоровью граждан» [2].

В свою очередь, суд, рассматривая дела, связанные с самовольным строительством, устанавливает факт наличия соответствующих разрешений. Для получения разрешения на строительство субъекту необходимо подготовить/собрать проектную документацию, которая включает в себя: заявление застройщика, документацию правоустанавливающего значения относительно земельного участка, градостроительный план, схему-план земельного участка, схему организации планировки земельного участка, разрешительную документацию на отклонение от градостроительных параметров разрешенного строительства. К последним относятся разрешение на строительство и акт ввода объекта в эксплуатацию.

При этом судами учитывается п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10/22 от 29.04.2010, в котором говорится, что «отсутствие разрешения на строительство не является основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку» [2]. Однако суду необходимо установить, принимало ли

лицо, создавшее самовольную постройку, надлежащие меры к ее легализации, а также правомерно ли отказал уполномоченный орган в выдаче такого разрешения или акта ввода объекта в эксплуатацию. Такая позиция Верховного суда обусловлена тем, что уполномоченные органы на выдачу разрешения на строительство очень часто незаконно отказывают в выдаче разрешения на строительство, также большое количество иного бездействия уполномоченных органов.

Рассмотрим пример из судебной практики Городищенского районного суда Волгоградской области от 02 марта 2026 г. по делу N 2-395/2026: гражданка А обратилась в суд с указанным иском к администрации Городищенского муниципального района Волгоградской области, мотивировав свои требования тем, что истец на основании договора купли-продажи от 9 февраля 1993 года является собственником изолированной части жилого дома площадью 91, 4 кв.м, расположенных по адресу: «адрес». Для более комфортного проживания истцом произведена реконструкция данного жилого помещения, в результате чего общая площадь жилого помещения увеличилась с 91, 4 кв.м до 101, 1 кв.м.

Установлено, что в выдаче разрешения на реконструкцию указанного жилого помещения было отказано, но суд принимает во внимание, что истцом предпринимались меры к легализации самовольно реконструированной постройки, тогда как в соответствии разъяснениями, данными в аб. 2 п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ N 22 от 29 апреля 2010 года принятием лицом, создавшим самовольную постройку, надлежащих мер к ее легализации, в отсутствие разрешения на реконструкцию, само по себе не может служить основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольно реконструированную постройку [Постанов N 10/ Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ N 22].

Так же установлено, что истцом не было допущено нарушений градостроительных и строительных норм и правил, не установлен факт нарушения прав и интересов заинтересованных лиц и самовольная постройка не угрожает жизни и здоровью граждан.

На основании вышеизложенного, исковые требования о признании квартиры домом блокированной застройки, сохранении дома блокированной застройки в рекон-

струированном состоянии, признании права собственности — удовлетворены.

Любопытную попытку толкования принятия застройщиком мер для получения разрешения на строительство предпринял Верховный Суд РФ в своем определении от 26 мая 2020 года по делу № 306-ЭС19-19642. В итоге, у суда получилось нечто среднее между «предпринимал меры для получения разрешения на строительство только для вида» и «предпринимал меры для получения разрешения на строительство с соблюдением всех установленных законом требований» [3]. Такое толкование далеко от совершенства, однако его можно рассматривать, как еще одно подтверждение того, что суд должен исследовать действия истца по получению разрешения на строительство на предмет добросовестности и разумности.

Кроме того, следует согласиться с тем, что попытка получить разрешение на строительство с безусловным соблюдением всех установленных законом требований не должна становиться дополнительным условием для признания права собственности на самовольную постройку. Как справедливо указывает Верховный Суд РФ в п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020), норма п. 26 Постановления № 10/22 направлена на то, «чтобы воспрепятствовать явным злоупотреблениям правом легализовать постройку и не может быть истолкована так, что удовлетворение иска о признании права собственности на самовольную постройку допускается лишь тогда, когда истец своевременно и надлежаще обращался за получением недостающего разрешения» [4].

В большинстве случаев при надлежащем обращении за разрешением оно будет выдано, а следовательно, обсуждаемый признак самовольности постройки будет отсутствовать. Подобное прочтение нормы п. 26 Постановления № 10/22 заблокирует применение п. 3 ст. 222 ГК РФ в случае создания постройки без разрешения и, по сути, введет дополнительное условие для удовлетворения иска о признании права собственности на самовольную постройку, которое не предусмотрено законом [2; 1].

Не обошел вниманием вопросы выдачи разрешения на строительство и новый «Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством», утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 16 ноября 2022 года. В п. 3 Обзора указано, что «возведение объекта индивидуального жилищного строительства без

разрешения на строительство либо до направления уведомления о планируемом строительстве само по себе не является признаком самовольной постройки, если строительство такого объекта осуществляется с соблюдением установленных норм и правил» [5]. Последнее положение часто применяется в судебной практике и позволяет суду принимать решение в пользу застройщика.

Приведем пример иска, где ответчик выиграл дело, несмотря на то, что не имел разрешения на строительство, не предпринимал попыток получить соответствующее разрешение. Администрация муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края (далее — администрация) обратилась в суд с иском к Дащяну А.П., в котором, просила признать объект капитального строительства, расположенный на земельном участке с кадастровым номером N, по адресу: «адрес», самовольной постройкой.

Судом при вынесении решения было принята во внимание правовая позиция, изложенная в п. 3 Обзора судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022, согласно которой, «возведение объекта индивидуального жилищного строительства без разрешения на строительство либо до направления уведомления о планируемом строительстве само по себе не является признаком самовольной постройки, если строительство такого объекта осуществляется с соблюдением установленных норм и правил» [5].

На основании вышеизложенного в удовлетворении исковых требований администрации муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края к Дащяну А.П., о сносе самовольной постройки, — отказать [6].

Стоит отметить, что в подобных исковых ситуациях принятие решения о сносе объекта самовольного строительства является крайней мерой гражданско-правовой ответственности, а устранение последствий нарушений должно быть соразмерно самому нарушению, не должно создавать дисбаланса между публичным и частным интересом, приводящего к нарушению устойчивости хозяйственного оборота и причинению несоразмерных убытков.

Таким образом, как показывает рассмотрение дел по вопросам самовольной застройки, в судебной системе до сих пор есть ряд спорных моментов, которые суду приходится устанавливать и прояснять в ходе судебного процесса.

Литература:

1. Градостроительный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. N 190-ФЗ. Доступ из справ.-правов. системы «Гарант».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10/22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
3. Верховный Суд РФ. Дело № 306-ЭС19-19642 от 26 мая 2020 года URL: <https://www.vsrif.ru/files/29673/> (дата обращения 30.06.2026).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020) (утвержден Президиумом ВС РФ 22.07.2020) Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

5. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 16 ноября 2022 года. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
6. Решение Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 12 марта 2026 г. по делу N 2–73/2026. URL: <https://sochi-xostinsky—krd.sudrf.ru> (дата обращения 28.06.2026).

Цифровой контракт в контексте госзакупок: правовая природа, развитие законодательства и завершающий этап цифровизации контрактной системы

Чепелева Светлана Константиновна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу института цифрового государственного контракта в Российской Федерации. Целью работы является анализ особенностей заключения цифрового контракта в электронной форме. В ходе исследования применяются методы формально-юридического, системного и сравнительного анализа. В статье проводится комплексный анализ развития правового регулирования заключения государственного контракта от Федерального закона от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее — 94-ФЗ) к современному Федеральному закону от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — 44-ФЗ), исследуются правовые риски использования электронной подписи и процедура заключения цифрового государственного контракта, а также ключевые изменения, вступающие в силу с 2026 года.

Ключевые слова: цифровой контракт, государственный контракт, 44-ФЗ, электронная подпись, ЭП, Единая информационная система, ЕИС, цифровизация закупок, дистанционное заключение контракта.

Digital contract in nine public procurement procedures: legal nature, legislative development, and the final stage of contract system digitalization

The article is devoted to a comprehensive analysis of the institute of digital government contract in the Russian Federation. The purpose of the work is to analyze the features of concluding a digital contract in electronic form. The research uses the methods of formal legal, systematic and comparative analysis. The article provides a comprehensive analysis of the development of legal regulation of the conclusion of a state contract from Federal Law No. 94-FZ of July 21, 2005 «On Placing Orders for the Supply of Goods, Performance of Works, and Provision of Services for State and Municipal Needs» (hereinafter — 94-FZ) to modern Federal Law No. 44 of April 5, 2013-The Federal Law is called «On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs» (hereinafter — 44-FZ), examines the legal risks of using an electronic signature and the procedure for concluding a digital government contract, as well as key changes that will take effect in 2026.

Keywords: digital contract, government contract, 44-FZ, electronic signature EP, Unified Information System, UIS, digitalization of procurement, remote contract conclusion.

Внедрение цифровой экономики в России неизбежно привело к необходимости трансформации и усовершенствования института государственных закупок, включая процедуры заключения государственного контракта. С каждым годом все больше набирает обороты переход от бумажного документооборота к цифровому процессу. Заключение контракта в электронной форме является одним из ключевых изменений не только технических усовершенствований, но и фундаментальным изменением парадигмы правового взаимодействия между государством и бизнесом, а также усовершенствованием контроля и аналитики в сфере закупок.

Актуальность темы обусловлена масштабными изменениями в законодательстве о контрактной системе, ко-

торые переходят к завершающей фазе в цифровой экосистеме госзакупок к середине 2026 года.

Целью настоящей статьи является исследование теоретических основ и практических аспектов функционирования электронных государственных контрактов, а также выявление проблемных зон и перспектив их дальнейшего развития в условиях тотальной цифровизации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- провести анализ ключевых аспектов развития правового регулирования заключения государственного контракта: от 94-ФЗ к 44-ФЗ;
- проанализировать особенности заключения электронного государственного контракта;

- выявить основные преимущества и риски при заключении электронного государственного контракта;
- определить перспективы дальнейшего развития применения цифрового контракта.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы, к которым относятся системный анализ и обобщающий синтез. К специально-научным методам отнесены метод правового сравнения, формально-юридический метод и метод юридической герменевтики (для толкования правовых положений).

1. Развитие правового регулирования заключения государственного контракта: от 94-ФЗ к 44-ФЗ

Исторически регулирование государственных закупок осуществлялось Законом 94-ФЗ, заложившим основу проведения электронных аукционов. В 2009 году в закон была введена ст. 41.12 (ред. от 08.05.2009), которая положила начало обязательному заключению контракта по итогам электронного аукциона в электронной форме путем обмена и подписания документов в Единой информационной системе, но, несмотря на это, предметом и целью Закона 94-ФЗ в основном было регулирование отношений, связанных с размещением заказов для государственных и муниципальных нужд — конкурсов, аукционов и запросов котировок (ст. 1 Закона 94-ФЗ). Закон 94-ФЗ также регулировал вопросы размещения заказа у единственного поставщика и обжалование действий (бездействий) заказчика, но практически не затрагивал вопросы планирования, исполнения и контроля в сфере закупок. В соответствии со ст. 16 Закона 94-ФЗ было принято распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2006 года № 229-р, которое определило адрес официального интернет-сайта для размещения информации о заказах на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных государственных нужд — www.zakupki.gov.ru, на базе которого позже была создана Единая информационная система в сфере закупок (далее — ЕИС) в соответствии с Законом 44-ФЗ. Закон 44-ФЗ ввел обязательное использование электронных площадок для проведения закупок, что стало первым шагом к переходу на цифровые процедуры и положило начало цифровизации государственных закупок. В отличие от 94-ФЗ новый закон регулирует полный цикл проведения закупки, начиная с планирования и завершая исполнением контракта, а именно:

- планирование закупок товаров, работ, услуг;
- определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- заключение контрактов;
- особенности исполнения контрактов;
- мониторинг закупок товаров, работ, услуг;
- аудит в сфере закупок товаров, работ, услуг;
- контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров,

работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [2].

2. Особенности заключения электронного государственного контракта

Согласно действующему законодательству электронный государственный контракт — это контракт, заключаемый в электронной форме посредством ЕИС и электронной площадки с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (далее — УКЭП). Такой контракт формируется на основе структурированных сведений, включая извещение о закупке и заявку участника, и подписывается сторонами усиленной квалифицированной электронной подписью в электронной форме, что обеспечивает его юридическую значимость и достоверность. Заключение контракта в электронной форме является обязательным для большинства государственных и муниципальных закупок, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством, например закрытые конкурсы или закупки у единственного поставщика в определенных случаях (ст. 51 Закона № 44-ФЗ).

2.1. Форма и способы подписания электронного контракта

Электронный контракт заключается в форме электронного документа. Электронный документ — это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Электронный документ должен быть заверен электронной подписью, которая позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю. Электронные документы приравниваются к письменной форме сделки, если они способны воспроизвести содержание в неизменном виде (ст. 160, 434 Гражданского кодекса РФ; Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»).

2.2. Роль усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП)

Электронная подпись выступает технологическим фундаментом легитимности цифрового документа. Электронная подпись для заключения государственного контракта — это усиленная квалифицированная электронная подпись, которая соответствует требованиям, установленным Федеральным законом от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи». УКЭП используется для подписания контрактов, заключаемых в электронной

форме посредством ЕИС и электронных площадок, для сведений и документов, формируемых заказчиком для включения в реестр контрактов, для подписания дополнительных соглашений и документов приемки и обеспечивает достоверность и неизменность содержания документа, а также идентификацию лица, подписавшего контракт и имеющего право действовать от имени заказчика (ст. 51 Закона № 44-ФЗ).

2.3. Преимущества заключения электронного контракта

Заключение электронного контракта имеет ряд преимуществ перед бумажным документооборотом, таких как:

- сокращение временных затрат: электронные процедуры значительно сокращают время на подготовку, согласование и подписание документов, так как все операции происходят в цифровом формате без необходимости физической передачи бумаг;

- повышение прозрачности: все действия участников закупки фиксируются в ЕИС, что обеспечивает прозрачность процесса и минимизирует риски коррупции (ст. 6, ст. 7, ч. 1 ст. 24.1 Закона № 44-ФЗ);

- снижение административных расходов: отсутствие необходимости печати и пересылки бумажных документов снижает затраты на материалы и транспортные услуги;

- удобство и доступность: участники закупки могут подавать заявки и получать информацию из ЕИС в любое время и из любой точки, где есть доступ к интернету, что особенно актуально для региональных и международных участников;

- юридическая значимость: электронные документы, подписанные УКЭП, имеют ту же юридическую силу, что и бумажные документы, подписанные собственноручно (ст. 51 Закона № 44-ФЗ, ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»).

- безопасность данных: использование УКЭП обеспечивает высокий уровень безопасности и защиты данных, предотвращая подделку документов и несанкционированный доступ к информации;

- автоматизация процессов: электронные площадки и ЕИС позволяют автоматизировать многие процессы, связанные с проведением закупок, что снижает вероятность человеческих ошибок и повышает эффективность работы.

3. Цифровизация электронного контракта

3.1. Обязательное формирование цифровых контрактов

С 1 января 2022 года вступила в силу ст. 51 Закон № 44-ФЗ (в редакции Федерального закона от 02.07.2021 № 360-ФЗ), определяющая новый порядок и сроки за-

ключения контрактов по результатам электронных процедур — теперь все указанные контракты заключаются с использованием ЕИС, а также становится обязательным формирование и подписание документов о приемке поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги в ЕИС в рамках исполнения контрактов, заключенных по результатам проведения электронных процедур и закрытых электронных процедур [7].

С 1 октября 2023 года начинается цифровизация государственного контракта, когда у заказчиков появляется возможность формирования и заключения контракта в структурированном виде с использованием ЕИС — до указанной даты ЕИС выступала в роли инструмента для обмена и подписания файлов контракта.

Начиная с 1 апреля 2024 года становится обязательным формирование заказчиками цифрового проекта контракта в структурированном виде с использованием ЕИС по итогам конкурентных закупок, которые были опубликованы с 1 апреля 2024 года (ст. 8 Федерального закона от 02.07.2021 № 360-ФЗ, редакция от 26.12.2024), а уже с 1 апреля 2025 года стало обязательным заключение в цифровом формате в структурированном виде с использованием ЕИС соглашений об изменении и расторжении контракта, который заключили по итогам в том числе открытых электронных процедур (ч. 1.7 и 8.1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ).

Законом № 360-ФЗ с 1 января 2025 года введена ч. 14 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, предусматривающая в отдельных случаях право, а в отдельных — обязанность заказчика заключать контракты с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) с использованием ЕИС [8].

3.2. Завершающий этап цифровизации контрактной системы. Реестр контрактов и прозрачность малых закупок

До 1 июля 2026 года обязанность ведения реестра контрактов закупок малого объема была возложена на получателей бюджетных средств (ст. 73 Бюджетного кодекса РФ, с 01.07.2026 ст. 73 утратила силу — Федеральный закон от 28.11.2025 № 432-ФЗ), но начиная с указанной даты вступили в силу положения Закона № 44-ФЗ, предусматривающие включение сведений и информации о контрактах закупок малого объема (закупки в соответствии с пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ) в реестр контрактов ЕИС, а также возможность формирования и заключения в ЕИС цифрового структурированного контракта по таким закупкам.

В рамках реализации указанной нормы опубликовано постановление Правительства Российской Федерации от 23 мая 2026 года № 590, которым вносятся изменения в отдельные акты Правительства Российской Федерации, устанавливающие особенности контроля закупок малого объема, а также включения сведений о таких закупках в реестр контрактов.

Если закупка малого объема проводится с использованием ЕИС, то при ее проведении в ЕИС срабатывает автоматический контроль и проверка значительной части сведений цифрового структурированного контракта, а также после подписания такого контракта сведения для направления в реестр контрактов формируются и направляются в автоматизированном режиме, включая проверку целевого расходования бюджетных средств и соблюдения предельного размера аванса.

Для обеспечения плавного перехода законодателем предусмотрен переходный период с 1 июля 2026 по 31 января 2028 года, в течение которого заказчиком устанавливается право внесения сведений в реестр в ЕИС для контрактов закупок малого объема, заключенных без использования ЕИС, то есть на бумаге либо с использованием стороннего сервиса ЭДО. В случае если заказчик в переходный период не вносил в реестр контрактов данную информацию, то в период с 1 февраля по 1 мая 2028 года он обязан сформировать и разместить в ЕИС сводный отчет по всем контрактам закупок малого объема.

Вместе с тем, несмотря на интеграцию закупок малого объема в общую систему учета, сведения о таких закупках не становятся общедоступными. Вся информация по контрактам размещается исключительно в закрытой части ЕИС.

По истечении переходного периода планируется обязательное использование ЕИС при формировании любых контрактов, заключенных в соответствии с Законом 44-ФЗ, за исключением контрактов, содержащих государственную тайну. Таким образом, роль ЕИС в контрактной системе переходит из «сайта для размещения закупок» в систему бюджетного контроля, а роль реестра контрактов — в инструмент финансового исполнения контрактов. Ближайшие два года знаменуют собой завершающий этап цифровизации контрактной системы и станут переходным периодом к фактически новой цифровой модели контрактной системы [11].

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.02.2026 № 229-р // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
5. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
7. Письмо Федерального казначейства от 28.12.2021 № 95–09–11/10–640 «О применении электронного актирования с 01.01.2022» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.

4. Основные риски при заключении цифрового контракта

Несмотря на все преимущества, при заключении цифрового контракта существует ряд рисков, которые сопровождают данную процедуру. Основными из них являются:

- отсутствие возможности исправить ошибки — все ошибки (включая технические и редакционные, например опечатки), которые были допущены на предыдущих этапах закупки как со стороны заказчика (публикация извещения), так и участника (подача структурированной заявки) автоматически будут перенесены в цифровой контракт без возможности внести исправления на этапе заключения контракта;

- технические риски — сбои в работе ЕИС и систем, задействованных в закупочном процессе, могут привести к нарушению сроков либо к неправильному указанию сведений в извещении при формировании через региональную систему в случае ее технического сбоя. Таким образом, использование информационных технологий для заключения контрактов сопряжено с риском технических ошибок или сбоев, которые могут повлиять на процесс заключения контракта и его исполнение [12];

- риск противоречий между цифровым (структурированным) контрактом и приложенными файлами. На данный момент не существует четкого регламента по составлению и формированию приложений к цифровым контрактам, что может привести к противоречиям между основным текстом контракта и его приложениями. Это может вызвать юридические споры и административную ответственность (п. 9 Положения № 908);

- риск недостоверности информации. В цифровой среде существует риск искажения или хищения данных, что может привести к недостоверной информации в контракте. Это особенно актуально для цифровых профилей, где информация должна быть достоверной и объективной [14].

8. Гурин, О. Обзор изменений, вносимых в Закон № 44-ФЗ Федеральным законом от 08.08.2024 № 318-ФЗ / О. Гурин. // Прогнозаказ.рф. — 2024. — № 9.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.05.2026 № 590 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
10. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об электронной подписи» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
11. ЕИС снова не готова? Правительство отложило полную цифровизацию малых закупок и переписало правила контроля по 44-ФЗ // gkgz.ru: [сайт]. — URL: <https://gkgz.ru/eis-snova-ne-gotova-pravitelstvo-otlozhilo-polnuyu-tsifrovizatsiyu-malyh-zakupok-i-perepisalo-pravila-kontrolya-po-44-fz/?ysclid=mqdteljias1721316104>.
12. Волос, А. А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде / А. А. Волос. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2024. — № 2.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.09.2012 № 908 (ред. от 23.12.2024) «Об утверждении Положения о размещении в единой информационной системе, на официальном сайте такой системы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» положения о закупке, типового положения о закупке, информации о закупке» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
14. Антропцева, И. О. Цифровизация публичного финансового контроля : монография / И. О. Антропцева. — Москва : Статут, 2024. — 182 с.

Некоторые аспекты применения технологий искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации и опыт зарубежных государств

Шантыз Самира Нурбиевна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Искусственный интеллект постепенно становится одним из ключевых факторов трансформации правовой сферы. Его применение уже не ограничивается повседневными сервисами или коммерческими технологиями: нейросети все активнее используются в юридической практике, государственном управлении и судопроизводстве. В этих условиях судебная система объективно сталкивается с необходимостью адаптации к новым технологическим реалиям, поскольку цифровые инструменты способны влиять не только на скорость обработки информации, но и на качество правоприменительной деятельности.

Согласно совместному исследованию «Авито» и «Право.ru», опубликованному в ноябре 2025 года, 88 % юристов активно используют ИИ в профессиональной деятельности [6]. При этом, по данным Совета судей Российской Федерации за апрель 2025 года, технологии искусственного интеллекта в той или иной форме применяются примерно в 35 % судов страны [17]. Данные показатели свидетельствуют о том, что ИИ постепенно становится элементом профессиональной юридической инфраструктуры.

Отношение российской судебной системы к использованию искусственного интеллекта формировалось постепенно. На первоначальном этапе процессуальное законодательство не содержало ни прямого запрета на использование результатов работы нейросетей в доказывании, ни обязанности раскрывать суду факт их применения. В связи с этим стороны могли предоставлять сведения, полученные с использованием ИИ, а суды оцени-

вали такие материалы в каждом конкретном случае, исходя из общих правил относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств. Однако на практике подобные материалы нередко не признавались надлежащими доказательствами в силу отсутствия проверяемости источников и прозрачности способа их получения.

Показательным является дело № А40–251278/2022, рассмотренное Девятым арбитражным апелляционным судом. В постановлении от 27 января 2026 года суд отказался признать доказательством подготовленный нейросетью обзор рынка, квалифицировав его как информационную справку. Основным аргументом стало отсутствие прозрачности: невозможно было установить, какие именно данные использовались при подготовке обзора и каким образом были сформированы итоговые выводы. Следовательно, суд не имел возможности проверить достоверность такого материала [13].

Аналогичная логика прослеживается в решении Арбитражного суда Приморского края от 17 февраля 2026 года по делу № А51–16042/2024. Индивидуальный предприниматель пытался подтвердить факт контрафакта с помощью ответов искусственного интеллекта, однако суд отклонил эти материалы. Причиной стало отсутствие надежной цепочки источников: без возможности проследить происхождение информации ответы ИИ не могут выполнять функцию самостоятельного средства доказывания [13].

Сходный подход был выражен и в решении Арбитражного суда Республики Калмыкия от 14 февраля 2025 года

по делу № А22–447/2024. Сторона пыталась обосновать размер упущенной выгоды данными, полученными с использованием нейросети. Суд указал, что для подтверждения доходов необходимы первичные документы, обладающие юридической значимостью: бухгалтерская отчетность, банковские выписки, договоры и иные надлежащие доказательства. Вывод ИИ не может заменить документы, непосредственно подтверждающие фактические обстоятельства дела [13].

Вместе с тем практическая ценность искусственного интеллекта для юридической деятельности очевидна. Такие технологии позволяют ускорять подготовку документов, анализировать значительные массивы судебной практики, выявлять релевантные правовые позиции и формировать предварительные варианты аргументации. Особенно востребован ИИ в тех сегментах юридической работы, где преобладают рутинные, повторяющиеся или технические операции.

Однако использование ИИ сопряжено с существенными рисками. Одним из наиболее обсуждаемых является феномен так называемых «галлюцинаций» — генерации внешне убедительной, но фактически недостоверной информации. Данный риск обусловлен самой природой генеративных моделей: они строят ответ на основе вероятностных закономерностей и стремятся сформировать связный текст, но не гарантируют соответствие ответа реальным источникам права, судебной практике или фактическим обстоятельствам дела. Для юридической сферы эта особенность особенно опасна, поскольку ошибочные ссылки на нормы, судебные акты или доктринальные позиции могут восприниматься как достоверные аргументы и влиять на исход спора.

Наглядным примером негативных последствий некритичного использования ИИ является определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 года № Ф04–5138/2026 по делу № А27–7831/2025. При подготовке кассационной жалобы сторона использовала материалы, сгенерированные нейросетью, включая ссылки на судебные акты и цитаты из них. Проверка показала, что часть указанных актов не существовала, а другие, хотя и содержались в информационной системе, относились к иным категориям споров и не включали приведенных формулировок. Суд расценил подобные действия как представление заведомо недостоверных источников и проявление неуважения к суду, в связи с чем наложил на компанию судебный штраф в размере 50 000 рублей на основании части 5 статьи 119 АПК РФ [14]. Данный пример показывает, что использование ИИ не освобождает участника процесса и его представителя от обязанности самостоятельно проверять достоверность источников и обоснованность правовой позиции.

С учетом обозначенных проблем особую значимость приобретает вопрос нормативного регулирования применения ИИ в судопроизводстве. Важным шагом в этом направлении стало Постановление Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 21 мая 2026 года № 15, в котором закреплена обязанность лиц, участвующих в деле, сообщать суду о представлении сведений о фактах, полученных с использованием систем искусственного интеллекта [15]. Данное положение направлено на обеспечение процессуальной прозрачности: суд должен иметь возможность оценивать не только содержание представленных сведений, но и способ их получения, степень проверяемости источников, а также потенциальные риски алгоритмической ошибки.

Внедрение ИИ в судопроизводство сопровождается комплексом рисков, которые целесообразно рассматривать дифференцированно. Часть из них действительно является новой и непосредственно связана с технологической природой искусственного интеллекта. Другая часть существовала и ранее в юридической практике, однако после внедрения ИИ стала более заметной, масштабной и труднее контролируемой. Такой подход позволяет избежать упрощенного представления о цифровизации как об источнике исключительно новых угроз и одновременно показать, что ИИ способен усиливать уже имеющиеся институциональные проблемы правосудия.

К числу новых рисков следует отнести, прежде всего, проблему «черного ящика» и недостаточной прозрачности алгоритмов. Многие современные модели обладают низкой степенью интерпретируемости: зачастую невозможно достоверно реконструировать ход «рассуждений» системы и определить, на основании каких данных и по каким критериям был сформирован результат. Для судопроизводства это имеет принципиальное значение, поскольку судебный акт должен быть мотивированным, проверяемым и подлежащим последующему контролю. Если выводы суда хотя бы частично опираются на рекомендации непрозрачного алгоритма, которые не могут быть проверены сторонами или вышестоящей инстанцией, возникает риск нарушения принципов обоснованности судебного решения и эффективного права на обжалование [7] [11].

К этой же группе относится правовая и терминологическая неопределенность. Действующие процессуальные кодексы Российской Федерации — ГПК РФ, АПК РФ и УПК РФ — пока не содержат комплексного регулирования применения ИИ в судопроизводстве. Не определен специальный статус материалов, созданных или обработанных с использованием ИИ; не урегулированы особенности оценки экспертных заключений, подготовленных с применением алгоритмических систем; не сформирован механизм распределения ответственности за ошибки, возникшие вследствие использования таких технологий. Дополнительную сложность создает отсутствие единого нормативного определения искусственного интеллекта применительно к сфере правосудия, что затрудняет контроль, верификацию и оспаривание результатов его применения [7] [11].

Еще одним новым риском является формирование зависимости от автоматизированных рекомендаций, обо-

значаемое в научной литературе как риск некритичного доверия к ИИ (automation bias). Суть данного явления заключается в склонности человека чрезмерно доверять выводу автоматизированной системы, даже если он требует дополнительной проверки. В условиях судопроизводства это может привести к снижению качества индивидуального анализа дела, стандартизации решений и недооценке уникальных фактических обстоятельств [4]. В связи с этим особую значимость приобретает не поддерживающая, а конкурентная модель взаимодействия человека с ИИ, при которой выводы системы сопоставляются с профессиональным опытом юриста, материалами дела и требованиями закона.

Наряду с новыми угрозами существуют проблемы, которые были присущи правовой практике и до распространения ИИ, однако в условиях алгоритмизации приобрели более выраженный характер. К ним относится, в частности, алгоритмическая предвзятость. Ожидание, что ИИ позволит полностью устранить «человеческий фактор» и повысить объективность правоприменения, представляется чрезмерно оптимистичным. Алгоритмы обучаются на исторических данных, включая массивы судебных решений, в которых уже могут содержаться определенные системные перекося. В результате ИИ способен не только воспроизводить, но и усиливать существующую предвзятость [16]. Поэтому минимизация данного риска требует регулярного аудита обучающих выборок, проверки моделей на дискриминационные эффекты и обязательной верификации ключевых выводов человеком.

Другой проблемой, усилившейся в эпоху ИИ, является подмена содержательного правового анализа шаблонной аргументацией. Формализованность юридического языка и склонность к использованию устойчивых клише существовали и ранее. Однако генеративные модели многократно усиливают эту тенденцию, поскольку способны быстро создавать тексты, внешне соответствующие юридическому стилю, но не всегда содержащие полноценное правовое рассуждение. Как отмечает старший преподаватель ГОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» А. Елаев, одной из причин данной проблемы является трансформация юридического образования: сокращение объема дисциплин, формирующих фундаментальное правовое мышление, — теории и философии права, истории политико-правовых учений, сравнительного правоведения — способствует ориентации обучающихся на форму, а не на содержание [12]. Появление ИИ, способного генерировать эту форму в значительных объемах, лишь закрепляет соответствующую тенденцию. Следовательно, задача юридического образования должна заключаться не только в обучении цифровым инструментам, но и в развитии навыков критического мышления, толкования норм, анализа судебной практики и оценки правовых последствий.

К числу ранее существовавших, но усилившихся рисков относится и эффект убедительности. Возможность пред-

ставить правовую позицию более выразительно и риторически эффективно всегда имела значение в состязательном процессе. Однако ИИ существенно меняет масштаб этого явления: он позволяет быстро генерировать различные варианты аргументации, адаптировать стиль изложения под предполагаемую аудиторию и усиливать внешнюю убедительность правовой позиции. Как отмечает практикующий юрист и арбитражный управляющий А. Хакимов, в таких условиях преимущество может получить не сторона, чья позиция является более обоснованной по существу, а сторона, чьи доводы представлены более эффективно с точки зрения формы. Это повышает риск подмены содержательного анализа «эстетически привлекательной» правовой риторикой и возлагает на суд дополнительную обязанность отделять убедительную оболочку от действительной юридической обоснованности [18].

Таким образом, правовая доктрина и судебная практика постепенно формируют принципиальную границу применения технологий в правосудии: ключевые элементы судопроизводства не могут быть делегированы машине. Оценка доказательств, толкование норм права с учетом обстоятельств конкретного дела, учет морально-этических аспектов спора и формирование внутреннего убеждения судьи относятся к сфере человеческой профессиональной компетенции. Искусственный интеллект может выступать эффективным вспомогательным инструментом, повышающим производительность и снижающим нагрузку на суд, но не способен заменить профессиональное юридическое суждение, основанное на понимании права как социальной ценности, а не только как совокупности формальных правил.

При этом регулирование применения ИИ не должно ограничиваться исключительно процессуальными нормами. Не меньшую значимость имеют этические и технические стандарты, определяющие критерии ответственного, безопасного и контролируемого использования алгоритмических систем. В российском правовом поле уже сформированы базовые ориентиры такого подхода. Одним из них является Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, закрепляющий принципы гуманизма, недопущения вреда, безопасности, прозрачности, ответственности, справедливости и подконтрольности ИИ человеку. Несмотря на то что данный документ не обладает силой нормативного правового акта, он выполняет важную методологическую функцию и может служить основой для разработки отраслевых правил, в том числе применительно к судебной деятельности.

Перспективная модель регулирования ИИ в судопроизводстве должна иметь комплексный и многоуровневый характер. Она должна объединять процессуально-правовые нормы, определяющие статус материалов, подготовленных с участием ИИ, порядок их представления и оценки, а также распределение ответственности между участниками процесса; этические кодексы и профессиональные стандарты; технические регламенты, включая ГОСТы и ведомственные документы; механизмы кон-

троля и верификации, предполагающие регулярный аудит, обязательную проверку результатов человеком, фиксацию действий пользователей и сохранение информации о работе алгоритмической системы.

Особое значение может иметь разработка специализированного отраслевого стандарта применения ИИ в правосудии. Такой документ должен учитывать специфику судопроизводства и повышенные требования к достоверности, конфиденциальности, проверяемости и подотчетности. В нем целесообразно закрепить минимальные обязательные требования к обучающим данным, объяснимости алгоритмов, независимому аудиту, маркировке материалов, созданных или обработанных с участием ИИ, хранению логов, защите конфиденциальной информации и обязательной верификации результатов человеком.

Требования к обучающим данным должны включать их достоверность, репрезентативность, отсутствие дискриминационных перекосов и соответствие правовым принципам. Объяснимость алгоритмов предполагает возможность установить, на каких источниках, правилах и критериях основаны рекомендации ИИ. Независимый аудит необходим для проверки моделей на стабильность, корректность, предвзятость и соответствие заявленным характеристикам. Маркировка ИИ-контента по-

зволяет суду и участникам процесса учитывать специфику происхождения материалов при их оценке. Хранение логов — запросов, использованных данных, версий моделей и действий пользователей — будет иметь значение для последующей проверки, разрешения споров и привлечения к ответственности. Защита конфиденциальной информации должна обеспечивать соблюдение требований к персональным данным, судебной тайне и иной охраняемой законом информации. Наконец, обязательная верификация человеком должна закреплять принцип, согласно которому ни один вывод ИИ не может быть принят без профессиональной оценки юриста или судьи.

Важно, чтобы такой стандарт не имел декларативного характера. Его положения должны быть конкретными, измеримыми, проверяемыми и реализуемыми на практике с учетом технических возможностей судов, бюджетных ограничений и различий между категориями дел.

Ответ на вопрос о том, каким может быть суд будущего в условиях активного внедрения ИИ, требует обращения к зарубежному опыту. Наиболее показательным является сравнительный анализ подходов США и Китая, поскольку цифровизация правосудия в этих странах развивается по различным траекториям. Сведем данные нашего исследования в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика моделей внедрения ИИ в правосудие

Критерий	США	Китай	Возможная модель для РФ
Уровень централизации	Децентрализованный. Решения принимаются на уровне отдельных штатов, разные юрисдикции внедряют технологии по-своему [1] [9].	Более централизованный. Государство задает общие рамки и цели, а Верховный народный суд координирует внедрение на местах [3] [8].	Централизованная федеральная платформа с возможностью региональных экспериментальных режимов
Правовое регулирование	Нет единого федерального закона. Регулирование складывается из судебных прецедентов (например, решения Верховного суда Висконсина по системе COMPAS) и законов отдельных штатов. В 2023 году президент Байден подписал исполнительный указ о безопасном использовании ИИ, который делегирует задачи профильным агентствам [1] [9].	Нет единого закона именно про ИИ в правосудии, но есть целевые документы. Например, «Мнения Верховного народного суда о регулировании и усилении применения ИИ в судебной сфере» (2022). Также применяются общие законы (о кибербезопасности, защите данных) [3] [8].	Федеральные процессуальные гарантии, этические стандарты, ГОСТы и региональные пилотные проекты
Основные задачи ИИ	Прогностические инструменты (оценка риска рецидива, например COMPAS или PSA), анализ больших массивов данных для поиска закономерностей в расследованиях, поддержка в подготовке документов [1] [9].	Автоматизация рутинных задач (поиск норм, генерация черновиков документов, извлечение данных из дел), поддержка при анализе фактов и подборе правовых норм (например, система «Intelligent Auxiliary System of Criminal Case Handling» / «206 System»), оценка психологических состояний участников процесса [3] [8].	Проверка комплектности документов, подбор практики, подготовка черновиков процессуальных актов, транскрипция заседаний

Критерий	США	Китай	Возможная модель для РФ
Роль судьи	ИИ — вспомогательный инструмент. Судья сохраняет решающую роль: он не обязан слепо следовать выводам системы, должен проверять и обосновывать решение самостоятельно [1] [9].	ИИ выступает помощником. В научных работах выделяют два основных режима: 1) ИИ анализирует данные и предлагает варианты решения, судья подтверждает или формирует свое; 2) ИИ генерирует черновик документа, судья его проверяет и при необходимости корректирует. Ключевой принцип: ИИ не заменяет судью, окончательная ответственность остается за человеком [3] [8].	Окончательное решение и ответственность остаются исключительно за судьей
Контроль и аудит	Акцент на прозрачности и объяснимости. В ряде штатов законодательно требуют проводить аудит систем на предмет предвзятости [1] [9].	Комплексный подход: сочетание государственных механизмов, внутренних проверок и тестирования. Проводятся оценки функциональности (например, LawBench проверяет запоминание правовых знаний, понимание и применение норм). Также действуют этические ориентиры (соблюдение социалистических базовых ценностей) [3] [8].	Независимый аудит, ведомственный контроль, обязательная проверяемость источников
Основные риски	Алгоритмическая и идеологическая предвзятость (система может наследовать перекосы из обучающих данных), риск «слепого делегирования» (когда судья слишком полагается на вывод ИИ), вопросы конфиденциальности данных [1] [9].	Риск чрезмерного влияния рекомендаций ИИ на судебное рассуждение (особенно в сложных или политически чувствительных делах), риск формализации правосудия, зависимость от цифровой инфраструктуры, вопросы защиты персональных данных [3] [8].	Единая точка отказа, риск снижения региональной автономии, неравенство между пилотными и непилотными регионами
Потенциальные преимущества	Повышение эффективности за счет автоматизации рутинных аналитических задач, более обоснованные решения благодаря обработке больших данных [1] [9].	Значительное повышение операционной эффективности (сокращение времени на рутину, снижение числа возвратов дел), более последовательная судебная практика за счет поиска аналогичных кейсов, оптимизация распределения судебных ресурсов [3] [8].	Баланс единства судебной системы и учета региональной специфики

При этом в обеих странах сохраняется общий принцип: искусственный интеллект не заменяет судью, а используется как вспомогательный инструмент.

Ключевое различие между американским и китайским подходами заключается не столько в уровне технологического развития, сколько в логике организации внедрения. В Китае цифровизация правосудия представляет собой системную государственную программу с едиными стандартами и централизованным управлением. В США она развивается более фрагментарно и во многом зависит от инициатив отдельных юрисдикций и частного сектора.

Для Российской Федерации оптимальной представляется гибридная модель, сочетающая централизованную федеральную архитектуру с возможностью эксперименталь-

ного регулирования на уровне субъектов. Такой подход учитывает федеративный характер государства, неоднородность региональных условий и различия в нагрузке на суды.

На федеральном уровне целесообразно сформировать единую доверенную платформу, которая могла бы выполнять роль технологической и нормативной основы для всех регионов. Ее базовыми принципами должны стать безопасность, законность, прозрачность, надежность, этичность и безусловное сохранение автономии судьи при принятии решений. Централизованный подход позволит минимизировать риски, исключить дублирование разработок, обеспечить единые стандарты качества и упростить контроль со стороны Верховного Суда Российской Федерации и Судебного департамента.

Одновременно субъектам Российской Федерации следует предоставить возможность участвовать в апробации различных моделей применения ИИ с учетом региональной специфики. Наиболее эффективным механизмом в данном случае могут стать экспериментальные правовые режимы, позволяющие тестировать технологические решения в контролируемых условиях, оценивать их результативность и затем масштабировать успешные практики без ущерба для единства судебной системы.

Региональные приоритеты внедрения ИИ могут различаться. В субъектах с высокой нагрузкой на судей основной акцент целесообразно сделать на автоматизации документооборота, проверке процессуальных документов и подготовке проектов актов по типовым категориям дел. Это позволит сократить операционную нагрузку и высвободить время судей для рассмотрения сложных правовых вопросов.

В национальных республиках и многоязычных регионах особое значение приобретает учет языковых особенностей и требований к оформлению документов. В таких субъектах может быть востребована поддержка двуязычного документооборота, если она предусмотрена законодательством, а также адаптация цифровых инструментов к региональному правовому и культурному контексту.

В малонаселенных и труднодоступных регионах, где ощущается дефицит кадров, ИИ может использоваться как инструмент повышения доступности правосудия. Он способен обеспечивать первичную обработку обращений, автоматическую проверку формы, комплектности и подсудности, подбор релевантных норм и судебной практики, формирование шаблонов процессуальных документов, автоматизацию расчетов, а также транскрипцию судебных заседаний и подготовку проектов протоколов.

Поэтапная интеграция ИИ в судебный процесс должна строиться на четком разграничении функций технологии и судьи. На стадии поступления заявления система может проверять наличие обязательных реквизитов, комплектность приложений, сведения об уплате государственной пошлины, корректность адресации и иные формальные требования. Такая автоматизированная проверка позволит оперативно выявлять очевидные недостатки, не требующие глубокой правовой оценки.

На стадии первичной квалификации обращения ИИ может помочь определить категорию спора, предварительно оценить подсудность и выявить типовые основания для оставления заявления без движения либо его возврата. Однако система не должна принимать процессуальное решение: она может лишь формировать рекомендательный перечень возможных вариантов с указанием соответствующих норм права, тогда как окончательный вывод остается за судьей или уполномоченным работником аппарата суда.

На стадии подготовки дела к рассмотрению ИИ может выполнять функцию интеллектуального ассистента: подбирать релевантные нормы законодательства, судебную

практику и доктринальные позиции, выявлять сходные дела и предлагать перечень юридически значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию по соответствующей категории споров. Это позволит сократить время на рутинный поиск информации и снизить риск пропуска значимых правовых аргументов.

В ходе судебного заседания ИИ может применяться для аудиопотоколирования, автоматической транскрипции речи, структурирования позиций сторон, фиксации заявленных ходатайств и хронологии процессуальных действий. При этом техническая фиксация не должна заменять процессуальный протокол: итоговый документ должен формироваться и удостоверяться уполномоченным лицом в соответствии с требованиями закона.

На стадии подготовки проекта процессуального акта система может формировать черновик определения или решения, особенно по типовым категориям дел. Такой проект может включать предварительную структуру мотивировочной части, ссылки на нормы права и судебную практику. Однако он подлежит обязательной содержательной проверке судьей, который вправе изменить правовую квалификацию, скорректировать аргументацию, дополнить или исключить отдельные выводы.

Стадия принятия итогового решения должна оставаться исключительно человеческой. Именно судья оценивает доказательства по внутреннему убеждению, учитывает конкретные обстоятельства дела, правовые и морально-этические аспекты спора, формирует окончательное суждение и несет полную юридическую ответственность за судебный акт.

Таким образом, ИИ способен сопровождать отдельные стадии судопроизводства, выполняя вспомогательные, информационно-аналитические и технические функции. Однако он не может выступать субъектом правосудия. Его назначение состоит в оптимизации рутинных операций, сокращении временных издержек и снижении вероятности технических ошибок, но не в подмене профессионального усмотрения и ответственности судьи.

Применение искусственного интеллекта в судопроизводстве является закономерным этапом цифровой трансформации правосудия. Технологии способны повысить эффективность работы судов, снизить нагрузку на судей и аппарат суда, ускорить обработку типовых материалов и улучшить доступ к правовой информации. Вместе с тем внедрение ИИ не может рассматриваться исключительно как техническая модернизация. Оно требует создания надежных процессуальных, этических, технических и институциональных гарантий.

Оптимальной для Российской Федерации представляется гибридная модель, предполагающая единую федеральную технологическую и нормативную основу при сохранении возможности экспериментальных правовых режимов в отдельных субъектах. Такой подход позволит обеспечить единство судебной системы, контроль и безопасность цифровой инфраструктуры, а также учитывать

региональные особенности и поэтапно тестировать различные сценарии использования ИИ.

Ключевым принципом внедрения ИИ в правосудие должно оставаться сохранение человеческого контроля. Искусственный интеллект может поддерживать судью на вспомогательных этапах: при поиске информации, проверке документов, анализе судебной практики, транскрипции за-

седаний и подготовке проектов процессуальных актов. Однако он не вправе заменять судью в оценке доказательств, толковании норм права и формировании внутреннего убеждения. Перспектива развития правосудия заключается не в замене человека машиной, а в их разумной синергии, при которой цифровые инструменты усиливают юридическое мышление, но не подменяют его.

Литература:

1. Арзуманян, А. Э. Системы искусственного интеллекта в уголовном процессе США: опыт применения и правовое регулирование / А. Э. Арзуманян. — Текст: непосредственный // Полицейская деятельность. — 2026. — № 1. — С. 1–15.
2. Атабеков, А. Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительноправовое исследование: специальность 00.00.00: диссертация на соискание ученой степени доктора наук / Атабеков Атабек Рустамович; ФГАОУ ВО «Российский унт дружбы народов им. Патриса Лумумбы». —, 2024. — Текст: непосредственный.
3. Бальчиндоржиева, О. Б. Философскоправовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт / О. Б. Бальчиндоржиева, А. Н. Мяханова, Д. В. Сапкеев. — Текст: непосредственный // Вестник БГУ. — 2023. — № 3.
4. Гулямов, С. С. Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан / С. С. Гулямов. — Текст: непосредственный // Психология и право. — 2026. — № 16(2). — С. 177–197.
5. Дегтярев, Д. Д. Цифровой судья: искусственный интеллект в судопроизводстве зарубежных стран и России / Д. Д. Дегтярев. — Текст: непосредственный // Научные высказывания. — 2026. — № 7 (94). — С. 61–72.
6. Девять из десяти российских юристов используют ИИ. Итоги совместного исследования «Авито» и Право.ru. — Текст: электронный // pravo.ru: [сайт]. — URL: <https://pravo.ru/story/261823/> (дата обращения: 30.06.2026).
7. Заготовкин, Д. Ф. Проблемы интеграции искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации / Д. Ф. Заготовкин, К. Рьльский. — Текст: непосредственный // RUSSIAN STUDIES IN LAW AND POLITICS. — 2025. — № 1.
8. Как работает ИИ в судебной системе Китая: опыт, цифры и перспективы. — Текст: электронный // zakon.ru: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2025/11/2/kak_rabotaet_ii_v_sudebnoj_sisteme_kitaya_opyt_cifry_i_perspektivu (дата обращения: 30.06.2026).
9. Купчина, Е. В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США / Е. В. Купчина. — Текст: непосредственный // Legal Concept. — 2021. — № 4.
10. Кузнецова, И. В. Этические и правовые аспекты применения искусственного интеллекта в судебной системе / И. В. Кузнецова, А. А. Новиков. — Текст: непосредственный // Наука и мировоззрение.
11. Петренко, А. А. Использование искусственного интеллекта в судебном доказывании: правовые и этические пределы в контексте российского права / А. А. Петренко. — Текст: непосредственный // Электронный научный журнал «Дневник науки». — Курск, 2025.
12. Про словоблудие и ИИ. — Текст: электронный // zakon.ru: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2026/06/09/pro_slovobludie_i_ii (дата обращения: 30.06.2026).
13. Судебная практика применения ИИ в качестве доказательств: как изменились подходы судов в 2026 году. — Текст: электронный // law.ru: [сайт]. — URL: <https://www.law.ru/article/28801-sudebnaya-praktika-primeneniya-ii-v-kachestve-dokazatelstv> (дата обращения: 30.06.2026).
14. Указание несуществующих судебных актов квалифицируется как обман суда, независимо от того, представителем или с использованием искусственного интеллекта была подготовлена жалоба. — Текст: электронный // zakon.ru: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2026/5/24/ukazanie_nesuschestvuyuschih_sudebnyh_aktov_kvalificiruetsya_kak_obman_suda_nezavisimo_ot_togo_preds (дата обращения: 30.06.2026).
15. Участвующие в гражданском деле лица должны сообщать суду об использовании ИИ. — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/news/2105138/> (дата обращения: 30.06.2026).
16. Харитонов, Ю. С. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права / Ю. С. Харитонов, В. С. Савина, Ф. Паньини. — Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — № 53.
17. Число связанных с ИИ судебных споров в России за год выросло на 60 %. — Текст: электронный // mskgazeta.ru: [сайт]. — URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/chislo-svyazannyh-s-ii-sudebnyh-sporov-v-rossii-za-god-vyroslo-na-60-16289.html?ysclid=mr0ellps4884424664> (дата обращения: 30.06.2026).

18. ИИ — рай для юристов, ад для судебной системы. — Текст: электронный // zakon.ru: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2026/5/29/iskusstvennyj_intellekt__raj_dlya_yurista_ad_dlya_sudebnoj_sistemy (дата обращения: 30.06.2026).

Понятие и виды споров, вытекающих из предпринимательской деятельности, и их подведомственность арбитражным судам

Якушкина Мария Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье раскрывается понятие спора, вытекающего из предпринимательской деятельности, исследуются его признаки и предлагается классификация таких споров. Особое внимание уделено вопросам подведомственности (компетенции) арбитражных судов и разграничению их компетенции с судами общей юрисдикции на основе критериев характера спора и субъектного состава его участников.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, экономический спор, арбитражный суд, подведомственность, компетенция, подсудность, защита прав предпринимателей.

The concept and types of disputes arising from entrepreneurial activity and their jurisdiction to arbitration (commercial) courts

Iakushkina Mariya Sergeevna, master's student

Scientific advisor: Iyerusalimskaya Yelena Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article reveals the concept of a dispute arising from entrepreneurial activity, examines its features and proposes a classification of such disputes. Particular attention is paid to the jurisdiction (competence) of arbitration (commercial) courts and to the delimitation of their competence from courts of general jurisdiction on the basis of the nature of the dispute and the composition of its participants.

Keywords: entrepreneurial activity, economic dispute, arbitration court, jurisdiction, competence, cognizance, protection of entrepreneurs' rights.

Развитие рыночной экономики и расширение предпринимательской деятельности закономерно сопровождаются увеличением числа конфликтов между её участниками. Эффективная и доступная система разрешения споров, вытекающих из предпринимательской деятельности, выступает необходимым условием стабильности гражданского оборота, защиты прав хозяйствующих субъектов и поддержания инвестиционной привлекательности экономики. В связи с этим исследование понятия и видов таких споров, а также правил определения компетентного суда сохраняет высокую теоретическую и практическую значимость.

Действующее законодательство не содержит легального определения понятия «спор, вытекающий из предпринимательской деятельности». Вместе с тем его содержание может быть раскрыто на основе анализа положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — АПК РФ). Согласно части 1 статьи 27 АПК РФ арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела, связанные с осуществлением

предпринимательской и иной экономической деятельности. Таким образом, законодатель оперирует категорией «экономический спор», тесно связанной с понятием спора, вытекающего из предпринимательской деятельности.

Содержание понятия предпринимательской деятельности раскрывается в пункте 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее — ГК РФ), согласно которому ею признаётся самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Исходя из этого, спор, вытекающий из предпринимательской деятельности, можно определить как разногласие между субъектами по поводу их взаимных прав и обязанностей, возникшее в связи с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности и затрагивающее их имущественные интересы.

Анализ законодательства и доктрины позволяет выделить ряд признаков рассматриваемых споров. Во-первых, это особый характер спорного материального правоотношения.

ношения, которое связано с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности. Во-вторых, специфический субъектный состав: сторонами таких споров, как правило, выступают юридические лица и индивидуальные предприниматели, а в случаях, прямо предусмотренных законом, — и иные субъекты. В-третьих, экономическое (имущественное) содержание заявляемых требований. Совокупность указанных признаков позволяет отграничить экономические споры от иных категорий правовых конфликтов.

Многообразие споров, вытекающих из предпринимательской деятельности, обуславливает необходимость их классификации. По характеру спорного правоотношения такие споры подразделяются на частноправовые (гражданско-правовые) и публично-правовые. Гражданско-правовые споры, в свою очередь, делятся на договорные, возникающие из неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договорам поставки, подряда, аренды, оказания услуг и иным договорам, и внедоговорные, связанные с причинением вреда, неосновательным обогащением и иными основаниями.

К числу публично-правовых относятся споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений: об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, о привлечении к административной ответственности, о взыскании обязательных платежей и санкций (главы 22–26 АПК РФ). Самостоятельное место в системе экономических споров занимают корпоративные споры, перечень которых закреплён в статье 225.1 АПК РФ, дела о несостоятельности (банкротстве), рассматриваемые с учётом положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [4], а также споры в сфере защиты интеллектуальных прав.

Ключевое практическое значение имеет правильное определение компетенции (подведомственности) арбитражных судов. В основе разграничения компетенции лежат два критерия: характер спора (он должен носить экономический характер и быть связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью) и субъектный состав его участников. По общему правилу, закреплённому в статьях 27 и 28 АПК РФ, арбитражным судам подведомственны экономические споры и другие дела, возникающие из гражданских правоотношений, если их сторонами являются юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Наряду с общим правилом законодатель закрепляет случаи специальной компетенции арбитражных судов,

при которой дело подлежит рассмотрению арбитражным судом независимо от того, являются ли его участники юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями или гражданами. К ним относятся, в частности, дела о несостоятельности (банкротстве), корпоративные споры, споры о защите интеллектуальных прав, отнесённые к компетенции Суда по интеллектуальным правам. Такой подход обеспечивает рассмотрение однородных по своей правовой природе споров в рамках единой судебной системы.

Определение компетентного суда не исчерпывается установлением подведомственности и предполагает также решение вопроса о подсудности. Родовая подсудность разграничивает компетенцию между арбитражными судами субъектов Российской Федерации, арбитражными судами округов и Судом по интеллектуальным правам. Территориальная подсудность по общему правилу определяется местом нахождения или местом жительства ответчика (статья 35 АПК РФ); при этом закон допускает договорную подсудность (статья 37 АПК РФ) и устанавливает случаи исключительной подсудности (статья 38 АПК РФ).

Особого внимания заслуживает разграничение компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции. После объединения высших судебных инстанций и образования единого Верховного суда Российской Федерации сохранилось процессуальное разделение компетенции, основанное на характере спора и субъектном составе его участников. Правильное определение надлежащего суда имеет принципиальное значение, поскольку рассмотрение дела с нарушением правил подсудности влечёт его передачу по подсудности и затягивание защиты нарушенного права. Разъяснения по вопросам применения процессуального законодательства содержатся в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации [5].

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Спор, вытекающий из предпринимательской деятельности, представляет собой связанное с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности разногласие имущественного характера между хозяйствующими субъектами. Многообразие таких споров обуславливает их классификацию по характеру спорного правоотношения и иным основаниям. Определение компетентного суда осуществляется на основе критериев характера спора и субъектного состава с учётом правил подведомственности и подсудности, что обеспечивает реализацию права на судебную защиту в надлежащей процессуальной форме.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 26.06.2026).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012. — URL: <https://>

www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002002030000&page=1&sort=position&limit=50&nd=38&volid=1002002030000 (дата обращения: 26.06.2026).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1001994032000&page=1&sort=position&limit=50&nd=4570&volid=1001994032000> (дата обращения: 26.06.2026).
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002002043000&page=1&sort=position&limit=50&nd=106&volid=1002002043000> (дата обращения: 26.06.2026).
5. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде первой инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2022. — № 2. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30629/> (дата обращения: 26.06.2026).

Процессуальный порядок рассмотрения и разрешения споров, вытекающих из предпринимательской деятельности, в арбитражных судах

Якушкина Мария Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется процессуальный порядок рассмотрения и разрешения споров, вытекающих из предпринимательской деятельности, в арбитражных судах. Последовательно рассматриваются досудебный порядок урегулирования, возбуждение дела, подготовка к судебному разбирательству, судебное разбирательство, доказывание, упрощённые процедуры и пересмотр судебных актов.

Ключевые слова: арбитражный процесс, экономический спор, исковое заявление, досудебный порядок, судебное разбирательство, доказывание, пересмотр судебных актов.

The procedural order of consideration and resolution of disputes arising from entrepreneurial activity in arbitration (commercial) courts

Iakushkina Mariya Sergeevna, master's student

Scientific advisor: Iyerusalimskaya Yelena Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article examines the procedural order of consideration and resolution of disputes arising from entrepreneurial activity in arbitration (commercial) courts. The pre-trial settlement procedure, initiation of proceedings, preparation for trial, trial, proving, simplified procedures and review of judicial acts are consistently considered.

Keywords: arbitration process, economic dispute, statement of claim, pre-trial procedure, trial, proving, review of judicial acts.

Защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности осуществляется в установленной законом процессуальной форме. Рассмотрение и разрешение споров, вытекающих из предпринимательской деятельности, в арбитражных судах подчинено детально урегулированному процессуальному порядку, последовательное соблюдение которого выступает гарантией законности и обоснованности принимаемых судебных актов. Процессуальная форма обеспечивает равенство сторон, состязательность судопроизводства и предсказуемость его результата.

По общему правилу обращение в арбитражный суд по экономическим спорам, возникающим из гражданских правоотношений, допускается после соблюдения досудебного (претензионного) порядка урегулирования спора. В соответствии с частью 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — АПК РФ) такие споры могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные срок и (или) порядок не установлены за-

коном либо договором. Разъяснения по вопросам применения досудебного порядка содержатся в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации [3].

Возбуждение дела в арбитражном суде осуществляется на основании искового заявления, предъявляемого с соблюдением требований к его форме и содержанию (статья 125 АПК РФ) и с приложением необходимых документов (статья 126 АПК РФ). При несоблюдении указанных требований арбитражный суд оставляет исковое заявление без движения (статья 128 АПК РФ) либо возвращает его заявителю (статья 129 АПК РФ). При отсутствии оснований для оставления без движения или возвращения судья выносит определение о принятии искового заявления к производству, которым и возбуждается производство по делу (статья 127 АПК РФ).

После возбуждения дела арбитражный суд осуществляет его подготовку к судебному разбирательству. Задачами данной стадии являются определение характера спорного правоотношения и подлежащего применению законодательства, разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, определение круга доказательств и оказание содействия сторонам в их представлении, а также примирение сторон. Подготовка дела, как правило, завершается проведением предварительного судебного заседания, в котором суд разрешает заявленные ходатайства, определяет достаточность представленных доказательств и решает вопрос о готовности дела к судебному разбирательству.

Центральной стадией арбитражного процесса является судебное разбирательство, которое происходит в судебном заседании с обязательным извещением лиц, участвующих в деле, о времени и месте его проведения. В ходе разбирательства суд непосредственно исследует имеющиеся в деле доказательства, заслушивает объяснения сторон, показания свидетелей и заключения экспертов, после чего проводятся судебные прения. Дело должно быть рассмотрено, а решение принято в срок, не превышающий установленного статьёй 152 АПК РФ, который в предусмотренных законом случаях может быть продлён.

Существенное значение для правильного разрешения спора имеет институт доказывания. В силу статьи 65 АПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Представляемые

доказательства должны отвечать требованиям относительности и допустимости; при этом никакие доказательства не имеют для арбитражного суда заранее установленной силы. Надлежащее распределение бремени доказывания и своевременное раскрытие доказательств во многом определяют исход состязательного процесса.

Рассмотрение дела по существу завершается принятием решения, которое должно быть законным и обоснованным (статьи 167–170 АПК РФ). В целях процессуальной экономии законодатель предусматривает упрощённые процедуры рассмотрения отдельных категорий дел. В порядке упрощённого производства (глава 29 АПК РФ) рассматриваются дела с незначительной ценой иска и иные прямо указанные в законе дела; приказное производство (глава 29.1 АПК РФ) применяется по бесспорным требованиям, основанным на представленных документах. Особенности применения упрощённого производства разъяснены в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации [4].

Важной гарантией судебной защиты выступает возможность пересмотра судебных актов вышестоящими судебными инстанциями. Не вступившие в законную силу решения арбитражного суда первой инстанции могут быть обжалованы в апелляционном порядке (глава 34 АПК РФ); вступившие в законную силу судебные акты подлежат обжалованию в кассационном порядке (глава 35 АПК РФ). Исключительными стадиями пересмотра являются производство в порядке надзора (глава 36.1 АПК РФ) и пересмотр судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (глава 37 АПК РФ). Система инстанционного пересмотра обеспечивает исправление судебных ошибок и формирование единообразной судебной практики.

Проведённый анализ показывает, что процессуальный порядок рассмотрения и разрешения споров, вытекающих из предпринимательской деятельности, представляет собой последовательную систему стадий — от досудебного урегулирования и возбуждения дела до пересмотра вынесенных судебных актов. Строгое соблюдение процессуальной формы на каждой из стадий является необходимым условием эффективной судебной защиты прав субъектов предпринимательской деятельности и способствует укреплению законности и стабильности экономического оборота.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 26.06.2026).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002002030000&page=1&sort=position&limit=50&nd=38&olid=1002002030000> (дата обращения: 26.06.2026).
3. О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 18

// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2021. — № 9. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30139/> (дата обращения: 26.06.2026).

4. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощённом производстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2017 № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2017. — № 6. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/15981/> (дата обращения: 26.06.2026).
5. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде первой инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 2. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30629/> (дата обращения: 26.06.2026).

Уголовные дела по налоговым преступлениям

Яровов Михаил Викторович, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

С течением времени налоговые риски в России трансформируются. При этом, в большинстве стран мира, в том числе, в США и Западной Европе налоговые режимы гораздо более жесткие, чем в России, с более жестким законодательством и методами работы налоговых и правоохранительных органов в области налоговых финансовых преступлений. Например, в Испании нет срока давности по налоговым, финансовым преступлениям, как и в Великобритании. Ключевые направления развития ФНС в России: дальнейшая цифровизация налоговой службы, расширение инструментов дистанционного контроля, бесконтактные методы налогового контроля, в том числе налоговый мониторинг, автоматическое определение налогового и валютного резидентства. Искусственный интеллект начинает работать в целях налоговой службы. Помимо этого, предполагается снижение административной нагрузки на добросовестных налогоплательщиков. По состоянию на 2024 год количество налоговых проверок уменьшилось по сравнению с 2023 годом на 28 процентов. Но это только промежуточные результаты. В перспективе, количество проверок будет снижаться, а их жесткость, качество, глубина и эффективность будут возрастать.

Планируется развитие сервисной части — ФНС из карающего органа должна стать сервисным, но только для добросовестных налогоплательщиков. Далее, следует уменьшение сроков предоставления налоговых вычетов, особенно это касается НДС, защита личной конфиденциальной информации налогоплательщиков, увеличение собираемости взыскания налоговых долгов с физических и юридических лиц, вынесение решений о проведении выездных налоговых проверок в последние дни уходящего года, дальнейшее сокращение теневого сектора, решение проблем с единым налоговым счетом и самозанятыми и расширение взаимодействия с другими ведомствами, в том числе, интеграция данных с Федеральной таможенной службой (юридические и управленческие, технические протоколы взаимодействия).

Ключевые слова: налоговые преступления, уголовные дела, физические и юридические лица, ответственность, умысел, расследование, карта рисков.

Criminal Cases Involving Tax Crimes

Over time, tax risks in Russia have been transforming and increasing. At the same time, in most countries around the world, including the United States and Western Europe, tax regimes are much stricter than in Russia, with more stringent legislation and methods of tax and law enforcement agencies in the field of tax and financial crimes. For example, in Spain, there is no statute of limitations for tax and financial crimes, as is the case in the United Kingdom. The key areas of development for the Federal Tax Service in Russia include further digitalization of the tax service, expansion of remote — control tools, and the use of contactless methods of tax control, including tax monitoring and automatic determination of tax and currency residency. This means that artificial intelligence is being used for the purposes of the tax service. Additionally, there are plans to reduce the administrative burden on conscientious taxpayers. As of 2024, the number of tax audits has decreased by 28 % compared to 2023. However, these are only interim results. In the future, the number of inspections will decrease, while their rigidity, quality, depth, and effectiveness will increase. The development of the service part is planned — the Federal Tax Service from a punitive body should become a service body, but only for conscientious taxpayers.

Next, there is a reduction in the time it takes to provide tax deductions, especially for VAT, protection of taxpayers' personal confidential information, an increase in the collection of tax debts from individuals and legal entities, the issuance of decisions on

conducting on-site tax audits in the last days of the year, a further reduction in the shadow economy, the resolution of issues with the unified tax account and self-employed individuals, and increased cooperation with other agencies, including the integration of data with the Federal Customs Service (legal, managerial, and technical protocols for cooperation).

Keywords: *tax crimes, criminal cases, individuals and legal entities, liability, intent, investigation, risk map.*

В целом, налоговая среда становится более агрессивной. Рост поступлений в бюджет ФНС с 1 января по 1 июня 2024 года вырос на 32 процента по сравнению с прошлым годом. Добровольная доплата налогоплательщиков в рамках аналитических работ составила 400 млрд. рублей. Также отметим рост среднего чека выездных налоговых проверок, в 2023 году он составил 63 млн. руб., что сильно превышает порог возбуждения уголовного дела по части 2 статьи 199 Уголовного кодекса России. Идет борьба с проблемой бумажных НДС, единый налоговый счет является «бездонной ямой» ввиду компьютерных, аппаратных и программных ошибок.

По физическим лицам средний чек также является достаточно большим. Через проверку физического лица можно выйти и на проверку тех бизнесов, которые он контролирует (явно и неявно), создать доказательственную базу того, что данное лицо / группа лиц является фактическим бенефициаром той или иной коммерческой деятельности и возложить на него ответственность за те налоговые нарушения, которые имеются в этой деятельности. Также отметим тренд замены налоговых статей на более тяжкие с такими формулировками, как хищение денег из бюджета путем неуплаты налогов со сроком давности 10 лет. Жестче становится уголовная и субсидиарная ответственность. При этом, чаще стали применяться более мягкие меры пресечения. Так, при расследовании уголовных дел аресты, заключение под стражу заменяются подписками о невыезде и домашним арестом [6, с. 126]. На данном этапе если лицу удалось избежать уголовного преступления, то он может спасти свой бизнес. Дело в том, что в последние 10 лет появилось такое понятие, как новое экономическое уголовное право. Так, еще в 2002 году на бизнес накладывали мелкие административные штрафы, сейчас же штрафы выросли в несколько раз. Эта тенденция, в том числе, коснулась уголовного преследования. На сегодня в УК РФ есть нормы, позволяющие прекратить уголовное преследование, расплатившись с государством. То есть, государство, в первую очередь, переносит уголовную ответственность в плоскость финансовых взаимоотношений.

Итак, налоговое преступление является самым опасным экономическим преступлением, когда под угрозой находится имущество и свобода. Налоговое преступление рождается из налоговых претензий. Недавно повысили криминальные пороги уклонения от уплаты налогов, теперь они составляют 18,75 и 56,25 млн. руб. (крупный и особо крупный размеры, соответственно). По статье 199 части 1 УК РФ дела возбуждаются реже, чем по части 2, потому что срок давности по 1 части составляет 2 года, а налоговая проверка, зачастую, и срок на направление, обжа-

вание, как правило, 2 годами исчерпывается. Если раньше этот срок удавалось преодолеть благодаря тому, что к выявлению налоговых преступлений привлекались сотрудники БЭП, то сейчас действует другой путь — через налоговую (статья 140 УПК РФ) [2]. Поэтому сроки давности выходят. В рамках налогового преступления важно отметить умысел. Например, сама по себе поданная ошибочная декларация без поддельных фактов или спор о праве, касающийся класса энергоэффективности здания (в зависимости от этого налог на имущество платится по льготной или полной ставке) не будет налоговым преступлением, нужен именно умысел. Иными словами, умысел — это налоговое мошенничество, когда есть определенный факт, который подменяется на фальшивый факт, когда совершается какое-либо действие, чтобы обмануть налоговую систему, налоговые органы. В этом случае и совершается налоговое преступление. Долг сам по себе, как таковой не будет являться преступлением [5, с. 420]. Например, если компания задекларировала долг в 100 млн. руб. и не платит его, то налогового преступления не будет.

Что касается окончания налогового преступления, Постановление Пленума Верховного Суда России № 48 определяет, что последний рубеж, когда преступление будет считаться совершенным — это фактическая неуплата налога в определенные законодательством сроки [4]. С 2011 года налоговые преступления расследуют следователи Следственного комитета России. Если говорить о налоговых претензиях, то их — миллионы, а к следователям попадает не так много налоговых претензий уголовного порядка — в 2022 году они составили 3500 сообщений о налоговых преступлениях. Несмотря на либерализацию законодательства, на новый подход, позволяющий предпринимателям быть более защищенными, в 2023 году количество сообщений увеличилось на 700 и составило 4200. В 2022 году было возбуждено 2200 дел, из них примерно половина направлена в суд, а примерно половина — прекращена. Также было насчитано 1500 положительных исходов (реабилитирующих решений) и 1600 негативных исходов (нерабилитирующих решений). В 2023 году было насчитано 1600 положительных исходов и 1800 негативных исходов. По делам, направленным в суд, почти 100 процентов составляют обвинительные приговоры, как следствие, одной из стратегий защиты становится не допустить возбуждение уголовного дела.

В рамках расследования налогового преступления возникает ряд проблем и вопросов, в том числе, следователю, расследующему конкретное дело, надо действовать в рамках сразу двух законодательств — налогового и уголовного законодательства. Если налоговое законодательство решает вопрос уплаты юридическим лицом на-

логов, то следователь всегда решает вопрос о том, какое физическое лицо было причастно к неуплате этих налогов в конкретной компании [8, с. 276]. Как следствие, подходы могут различаться. У следователя всегда работает презумпция невиновности, субъективное вменение (определяется конкретный субъект), а у налоговых органов — де-факто объективное вменение, они исходят из обратного — факт есть, значит компания в этом виновата. Следователи же всегда отталкиваются от другого — что сделало конкретное физическое лицо для того, чтобы пришло к этому, было ли оно причастно, есть ли доказательство тому и др. Основным недостатком такого подхода становится то, что трудно прогнозировать риски, непонятно, в каком ключе пойдет расследование.

Статей налоговых преступлений немного — статьи 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ [1]. С марта 2022 года уголовное преследование начинается только по материалам налогового органа. В 95 процентах случаев дела возбуждаются по решению, а в таких громких делах, как, например, дело блогеров Лерчика или Блиновской дела возбуждались по акту. Большой плюс для предпринимателей в том, что материалы оперативно-розыскной деятельности сотрудников органов внутренних дел не могут являться основанием для возбуждения уголовного дела. При этом, не стоит забывать о дополнительных или самостоятельных составах (например, статья 187 УК РФ). После того, как материал поступает, принимается решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Соответственно, если дело возбуждается, то оно направляется либо в суд, либо прекращается по реабилитирующим или нереабилитирующим основаниям. Отказ в возбуждении уголовного дела тоже бывает реабилитирующим или нереабилитирующим. К дополнительным составам могут быть отнесены обнал, мошенничество, незаконный оборот средств платежей, создание и управление фирмой — однодневкой, легализация.

Как говорили ранее, в рамках стадии доследственной проверки лучше постараться остановиться до ее окончания. Средний срок расследования уголовного дела составляет 12 месяцев. Директор, учредитель, иногда бухгалтер и тайный бенефициар являются самыми незащищенными категориями. Расследование сильно отличается от налоговой проверки — если налоговые органы, в большей степени, опираются на документы, на свои базы, то следователь берет в учет 2 составляющие. Первая — это заключение эксперта, вторая — это допросы (показания участников процесса). Это — бывшие сотрудники, уволенные сотрудники, которые могут «развалить» всю защиту. Последние несколько лет актуальна тенденция вызова на допрос бывших сотрудников, причем как налоговыми органами в рамках выездной налоговой проверки, или на беседу в рамках предпроверочных мероприятий, так и при расследовании уголовных дел. С бывшими сотрудниками иногда налогоплательщику очень сложно, потому что они — неконтролируемые, к допросу и иным действиям их не подготовить и др. С этим надо ра-

ботать, это в первую очередь касается номинальных директоров.

За налоговое преступление наказание составляет до 5 лет лишения свободы (в результате гуманизации законодательства), а за другие преступления, связанные с налогами (мошенничество, незаконная конвертация, создание подставных юридических лиц, легализация, отмывание и др.) — до 10 лет лишения свободы. Последняя группа преступлений сегодня стала еще более актуальна, поскольку снизились сроки давности по налоговым преступлениям. Как было сказано ранее, в рамках результатов расследования следователь принимает решение о направлении дела в суд или о прекращении уголовного дела по реабилитирующим (по сути, оправдывающим) или нереабилитирующим (де-факто, признающим виновного) основаниям. К нереабилитирующим основаниям относится истечение сроков давности, смерть и возмещение ущерба [7, с. 318]. Истечение срока давности по части 1 статьи 199 УК РФ — это весьма опасная статья, де-факто признающая виновным. Дело в том, что следователь, вынося такое решение, констатирует свои выводы только тем, что истекли сроки давности. Но в этом же постановлении практически безапелляционно он утверждает, что предприниматель совершил определенные действия. Именно фабулу того, что совершил предприниматель, можно легко использовать в суде при решении вопроса о гражданско-правовой ответственности, при субсидиарной ответственности. Часто бывает, что налоговые органы берут результаты расследования и с ними идут в суд.

Здесь следователь решает вопрос о причастности конкретного лица к конкретным действиям, а налоговые органы, как говорили ранее, решают только вопрос об уплате компанией налогов. Когда налоговые органы решают вопрос о субсидиарной ответственности, то должны доказать, что директор компании действовал недобросовестно, а именно совершил что-либо, что выходит за рамки их полномочий. А следователь обязан всегда это делать. Соответственно, налоговые органы могут взять постановление о прекращении уголовного дела и пойти в суд, убедив его, что следователь был прав. Возвращаясь назад, суд может вернуть уголовное дело прокурору в связи с нарушениями, а также может вынести обвинительный и оправдательный (менее 1 процента в России) приговоры. Суд также может прекратить уголовное дело в связи со сроками давности, смертью и др. В качестве примера рассмотрим дело Ахмадеевой (Постановление Конституционного Суда России от 08.12.2017 № 39-П). Если до 2017 года следователи были больше нацелены на арест в ходе расследования уголовного дела имущества юридического лица, то после этого дела Конституционный Суд сказал, что налоговое преступление — это деликтное обязательство, поэтому нести ответственность за деликтное обязательство должно конкретное лицо, которое совершило этот деликт — уголовное действие. Соответственно, это лицо должно нести ответственность своим имуще-

ством с ремаркой, что это реализуется после того, как исчерпаются возможности взыскания ущерба с юридического лица [3]. Соответственно, следователь арестовывает «все у всех», чтобы набрать необходимую сумму ущерба.

Одним из решений имеющихся вопросов может стать карта рисков. Итак, первый уровень угрозы — когда поступают требования ФНС, второй уровень угрозы — когда вызывают на комиссию ФНС, третий уровень угрозы — когда запрос приходит к следователю с его вызовом. Когда поступает уведомление о возбуждении уголовного дела, то угроза реализуется в полной мере. Надо понимать, что угрозы могут увеличиваться в отдельных направлениях деятельности (например, общепит, строительство, металлургия и др.). Таким образом, существуют три угрозы — информация об опасности, информация об опасности подтверждена и опасность возникла. В рамках первой угрозы важно убедить собственника бизнеса, что с нало-

говыми рисками должен работать налоговый консультант, а не бухгалтер. Налоговый консультант — это человек, который может предвидеть, он мониторит практику, а бухгалтер — это специалист, который отражает произошедшие хозяйственные операции в бухгалтерском учете, что подтверждает совершенно разные компетенции. При следующей угрозе необходимо провести уголовный комплаенс. При угрозе с вызовом следователя, эта угроза уже реализовалась, поэтому всегда надо привлекать адвокатов, которые специализируются на этом весьма узком вопросе. Также надо постараться изыскать средства на погашение всех потенциальных претензий налогового органа. Адвокат по налоговым преступлениям может добиться вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела, снизить сумму вменяемого ущерба, достичь прекращения дела на выгодных условиях, растянуть срок погашения ущерба и др.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст.2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52, ст. 4921.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева» // Консультант Плюс.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 1, 2020.
5. Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 928 с.
6. Беловицкий К. Б. Финансовые расследования: учебное пособие / К. Б. Беловицкий. — М.: Дашков и К, 2022. — 320 с.
7. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. Н. Бурлакова, В. В. Векленко, В. Ф. Щепелькова. — 4-е изд., доп. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2022. — 896 с.
8. Экономическая безопасность: учебник / К. Б. Беловицкий, М. А. Булатенко, Н. Ф. Кузовлева, А. С. Микаева. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023. — 586 с.

ФИЛОСОФИЯ

Эвентизм как метаязык: преодоление философских споров через осознание локальности правд

Свиридонов Роман Александрович, студент
Волгоградский государственный университет

В статье предлагается философская система «Эвентизм» — метаязык, предназначенный для разрешения онтологических и эпистемологических споров через осознание локальности любой правды. Вводится понятие «эвент» как акт происходящего, выступающий фундаментальной единицей мироздания. Обосновывается различие между правдой (локальное знание) и истиной (глобальная полнота бытия). На основе этого предлагается новая роль науки как метода познания локальных физических закономерностей, а не поиска универсальной истины. Работа может быть интересна философам, методологам науки и всем, кто сталкивается с проблемой множественности интерпретаций реальности.

Ключевые слова: эвентизм, метаязык, локальная правда, истина, эвент, мультивселенная, критика Поппера, познавательная слепота.

Eventism as a metalanguage: overcoming philosophical disputes through an awareness of the locality of truths

The article proposes a philosophical system called «Eventism» — a meta-language designed to resolve ontological and epistemological disputes through the recognition of the locality of any truth. The concept of «event» is introduced as an act of occurring, which serves as the fundamental unit of the universe. The distinction between truth (local knowledge) and Truth (global fullness of being) is substantiated. On this basis, a new role for science is proposed as a method for understanding local physical patterns, rather than a search for universal truth. The work may be of interest to philosophers, methodologists of science, and anyone facing the problem of multiple interpretations of reality.

Keywords: eventism, metalanguage, local truth, truth, event, multiverse, critique of Popper, cognitive blindness.

1. Введение: почему философские споры не заканчиваются

Почти каждый из нас оказывался в споре, где собеседник был абсолютно уверен в своей правоте — и мы сами были абсолютно уверены в своей. И оба были правы. И оба не могли переубедить друг друга. Почему? При этом очень часто в споре оба оппонента выступают как противоположные силы, совершенно уверенные в своих аргументах и даже не желающие задуматься над тем, почему другой человек думает иначе. Это касалось как бытовых ситуаций, так и глобальных философских дискуссий. Проблемой здесь всегда было не то, что кто-то был глупее или упрямее, а в том, что в споре обе стороны всегда смотрели только на часть мира, принимая его за всё целое. Это равносильно тому, как сказать: «Все лебеди белые», даже не желая задуматься о том, что где-то на планете может быть хотя бы один-единственный чёрный лебедь.

Или как если один оппонент говорит: «Апельсин — оранжевый!», а его оппонент-дальтоник скажет: «Нет, он тёмно-серый!», и оба будут правы для своей реальности, описывая только часть всего мироздания. Проблема любого утверждения заключается в том, что оно является лишь частью мироздания, но не описывает его во всех его бесконечных проявлениях. Мы вынуждены так делать, потому что так устроен наш разум.

Философия — это собрание концепций, которые претендуют на описание всего сущего, не понимая, что споры возникают именно из-за этого. Материализм пытается описать физическую реальность, редуцируя даже ментальное к материи. Идеализм же — говорит, что всё есть ментальное, редуцируя к нему физические явления. Дуализм говорит, что есть и ментальное, и физическое, но не может объяснить, как одно связано с другим. Каждое из этих направлений право по-своему, но каждый из них ошибается, когда пытается наложить свою локальную

правду на всё мироздание [9]. Ошибка не в том, что они описывают, а в том, что они претендуют на единственность.

Эвентизм — это не ещё одна философская система, которая будет спорить с уже существующими. Это **метаязык**, который объясняет, *почему* все эти споры возникли, *где* каждая из систем права, а также *почему* ни одна из них не может претендовать на полноту. Эвентизм начинается с признания того, что любое мнение есть локальная правда, которая работает в своей области, но не может быть наложена на все остальные. Это приглашение к диалогу, а не к новой войне.

2. Ограниченная природа человеческого разума

Давайте попробуем определить, почему же наш человеческий разум настроен на то, чтобы всегда видеть только часть, а не целое. Возьмём, к примеру, наши органы чувств: глаза видят благодаря фотонам, уши слышат благодаря звуковым колебаниям, нос чувствует запахи благодаря разным формулам у химических веществ. Каждый из органов чувств нацелены на одну, конкретную область мира. Наше мышление действует по такому же принципу: мы выбираем конкретный стиль мышления, конкретный способ познания, конкретную логику, конкретную религию. Да, мы способны совмещать разные ограниченные части в более сложные комбинации, но даже комбинации будут ограниченными.

Человеческий разум является продуктом эволюции, которая была заинтересована в выживании, нежели в познании бесконечности [9]. И это совершенно логично: жить в хаосе и неопределённости — это неудобно, невыгодно и, тем более, небезопасно. Жить в стабильности и порядке — значит жить в ограниченных, чётких структурах, которыми весьма удобно оперировать. Вся человеческая культура — от искусства до науки, от технологий до речи, всё это является ограниченными ментальными или воплощёнными в физический мир структурами, с которыми нашему конечному разуму удобно взаимодействовать. Выживание в хаотичном мире требовало одного: способности выделять из бесконечного потока событий ограниченные, предсказуемые участки и действовать в них.

Мы воспринимаем мир ограниченно и локально не потому, что это его непосредственное свойство, а потому, что так устроены мы сами. Бесконечность для нас — не объект познания, а угроза. Мы не можем мыслить её целиком, потому что для нас это означало бы потерю ориентации. Проблема любых философских догм была именно в том, что люди забывали учитывать этот важный момент в строении их самих. Это не слабость нашего разума, а его неотъемлемая сила. Но это ограничение и создаёт проблему: **мы вынуждены выдавать локальное за глобальное, часть за целое, а правду — за истину.** И делаем это не по злой воле, а потому что не можем иначе. Наш разум просто не создан для бесконечности.

3. Эвент как фундаментальная единица

Чтобы избежать бесконечной рекурсии определений, которая зачастую наблюдается в философии и других областях знания, когда одно определение является совокупностью других, те — третьих и так далее, Эвентизм вводит первичный термин — **эвент** (от лат. *eventus* — происходящее), то есть **это то, что происходит**. Эвент является элементарнейшим актом бытия, фактом осуществления чего-либо. Эта идея перекликается с процесс-философией А. Н. Уайтхеда, где реальность понимается как сеть событий, а не статичных субстанций [12]. Всё, что есть в мироздании, в Эвентизме понимается как сам факт существования этого чего-либо, будь то мысль, ощущение, концепция, теория, атом, закономерность, взаимодействие, энергия, пространство, время и другие его части. Сам переход из одного статичного состояния мира в другой, то есть процесс и течение времени, это тоже эвент, но и сами статичные состояния, которые сменяются друг другом, также являются эвентами. Всё мироздание также есть эвент в плане существования относительно самого себя, как и все его части, являющиеся одними из его бесчисленных проявлений.

Эвент — это лексическое дно. Хотя эвент как единица не требует определения, его проявления в системах мы можем описывать через взаимодействия. Это не нарушает его статуса «дна» — это просто способ говорить о том, как он проявляется в структурах (что эвентами являются и системы, и их элементы, и взаимодействия между ними). Он не определяется через более простые понятия, потому что более простых понятий нет. Он постулируется как аксиома, позволяющая начать говорить. И это не слабость системы, а её осознанное основание. Чтобы остановить этот регресс, любая содержательная система должна ввести первичные термины, которые не определяются, а постулируются. Как буква «А» в алфавите не требует доказательств своего существования, так и эвент не требует определения через более простые понятия. Эвент — не физическая частица, а акт происходящего. Его можно делить бесконечно (как секунда, полсекунды и т. д.), но каждый отрезок есть новый акт бытия.

Эвенты способны вступать между собой во взаимодействия, что также является эвентами. Под «взаимодействием» здесь понимается не механическое столкновение сущностей, а онтологическое наложение актов происходящего: один эвент задаёт контекст для другого, изменяя его модальность или включая его в более сложную систему. Это аналогично тому, как в музыке две мелодии, звучащие одновременно, порождают третью (гармонию), которая не является суммой частей, а есть новое происходящее. Вступая во взаимодействия, эвенты образуют между собой взаимоотношения, связи (например эвент «красное» и эвент «стол» порождают эвент «красный стол». Эвент «частица» и «трение» образуют эвент «выделяющаяся тепловая энергия»). Связи между эвентами могут быть прямыми (меньше посредников) или опо-

средованными (больше посредников). Именно степень опосредованности определяет, находится ли один эвент в прямом взаимодействии с другим или нет. Это способно объяснить, почему мысль влияет на движения в нашем теле, но ментальный образ объекта не влияет на сами его физические атомы (как цвет стула, воспринимаемый нами, не влияет на сам стул, но связь между самим образом и стулом неопровержима). Стоит учитывать, что в рамках Эвентизма выделяются ментальные и физические эвенты, которые хоть и являются единой частью мироздания, но взаимодействия «ментальное-ментальное», «физическое-физическое» и «ментальное-физическое» различны. Важно подчеркнуть: ментальные эвенты объективны в плане всего мироздания, а не только в плане физического мира. Если бы мысли и идеи не были объективными эвентами, люди не могли бы коммуницировать — они не могли бы оперировать одними и теми же понятиями. Тот факт, что мы способны понимать друг друга, говорит о том, что ментальные структуры существуют онтологически и доступны разным субъектам. Это также показывает, почему разум и мозги синхронизированы: поскольку наши физические тела устроены сходным образом, наши разумы, будучи комплементарны им, оказываются структурно похожими. Это не редукция ментального к физическому, а указание на их глубинную согласованность в рамках единого мироздания. Также стоит указать на особые эвенты — пространство и время, которые хоть и не являются материей в прямом смысле как атомы и их более мелкие составные части, но являются неотъемлемой частью мироздания.

Как отличить ментальный эвент от физического? Критерий — не субстанция, а характер взаимодействий, в которые эвент вступает. Физические эвенты (атомы, поля, энергия) взаимодействуют непосредственно друг с другом по законам физики. Ментальные эвенты (мысли, желания, ощущения) взаимодействуют прежде всего с другими ментальными эвентами. Мост между ними — связь нашего разума с нашим физическим телом: мысль способна двигать руку, но мысль не способна напрямую изменить траекторию фотона; фотоны способны заставить нас благодаря глазам увидеть объект, создавая ощущение в разуме, но не всякое ощущение имеет физический триггер. Физический эвент (нейрон) коррелирует с ментальным (мыслью), но они не тождественны. Это различие не онтологическое (в мироздании всё едино), а эпистемологическое (для нашего познания мы выделяем разные типы взаимодействий).

Эвенты, вступая во взаимодействие, образуют системы — новые эвенты, в которых предыдущие становятся элементами. Вещи есть не базовые единицы, а порождения систем эвентов, что также есть эвенты. Яблоко — это система эвентов: его физические свойства, его ментальный образ, его связи с другими объектами. Оно есть наш способ говорить о системе как о целостной вещи. Этот принцип работает в обе стороны: **всё большое состоит из чего-то малого, и всё малое можно собрать**

во что-то большое. Именно так и порождаются вещи, структуры и формы с точки зрения той терминологии, с помощью которой мы о них говорим.

Метафорически эвенты можно назвать «**кодом реальности**». Подобно тому, как компьютерный код (последовательность нулей и единиц) порождает бесконечное разнообразие программ и данных, так и эвенты порождают всё многообразие структур и явлений. Однако, в отличие от компьютерного кода, который линейен, искусственен и создан программистом, эвенты мироздания — это живая ткань отношений, которая не имеет внешнего создателя и не подчинена заранее заданной цели. Эта метафора помогает интуитивно схватить идею, но не должна восприниматься буквально.

В рамках Эвентизма различается три ключевых понятия, которые обычно в философии являются синонимичными:

1. Мироздание — бесконечная совокупность всех эвентов, включая те, которые мы не можем помыслить, и те, которые никогда не актуализируются в нашей локальной реальности. Мироздание глобально.

2. Реальность — совокупность локальных эвентов, с которыми конкретный субъект или объект находится в наиболее прямом взаимодействии. Это та часть мироздания, которая дана нам в непосредственном опыте. Реальность локальна.

3. Бытие — существование конкретного эвента относительно самого себя и всего мироздания. Бытие есть у всего, что есть, независимо от того, входит ли оно в чью-либо реальность.

Если всё есть эвенты, и каждый эвент может быть связан с другими прямо или опосредованно, то вопрос «существует ли X?» теряет свой абсолютный смысл. Предлагается перестать думать «Существует ли X?», и начать спрашивать: «Относительно чего существует X?», понимая, что любой X есть неотъемлемая часть мироздания. Существование становится **относительным**. Мы всегда должны уточнять: *относительно какой системы* мы говорим о существовании? Идея Эвентизма заключается в предложении о том, чтобы перестать пытаться доказать, существует ли что-либо, что дано нашему опыту или разуму (мысль, закономерность, атом, ощущение, наблюдение) и начать думать о том, что они есть как часть мироздания, но просто стоит задуматься, относительно чего они существуют наименее посредственно.

Рассмотрим единорога:

— *Относительно нашего воплощённого мира* (системы материальных закономерностей) единорог не существует, так как он не входит в эту систему и не взаимодействует с её элементами.

— *Относительно ментального мира* единорог существует — как идея, как образ и ментальная структура.

— *Относительно других локальных вселенных в рамках мультивселенной* единорог может существовать как физический объект, являющийся частью других систем эвентов.

— *Относительно всего мироздания* единорог существует как его неотъемлемая часть.

Ярким примером относительности существования могут выступать галлюцинации: они существуют как непосредственные ментальные эвенты, как часть мироздания, но не имеющие своего физического проявления в виде материальных частиц, которые бы нервная система могла зарегистрировать (но они являются частью физических эвентов в том смысле, что связаны с работой головного мозга и её нарушений).

Таким образом, один и тот же объект может одновременно существовать и не существовать — в разных системах отсчёта.

Понятия «*появление*» и «*уничтожение*» также становятся относительными. Появление означает, что нечто становится частью конкретной системы эвентов менее опосредованным способом. Уничтожение означает, что нечто перестаёт быть частью этой системы напрямую. Вопрос «почему существуют эвенты?» или «кто их создал?» теряет смысл, потому что в мироздании уже содержатся все возможные эвенты. Ничего нового не может быть «добавлено», потому что в мироздании уже есть всё, как и ничего не может быть уничтожено относительно всего сущего. Пример: на дереве выросло яблоко. Данное яблоко стало частью системы конкретного мира, то есть оно *появилось* как система эвентов. Однако яблоко существовало и до этого относительно мироздания — как часть возможного будущего или как ментальная концепция об этом конкретном яблоке на этом конкретном дереве. Если же *уничтожить* яблоко (съесть), то оно как система перестанет существовать в пределах данной физической вселенной, но оно всё ещё будет существовать как ментальная концепция, воспоминание или же часть прошлого в рамках всего мироздания.

4. Истина, правда и ложь

Таким образом, поняв, что мироздание — это бесконечная совокупность всего сущего, а реальность — его локальная ограниченная часть, мы переходим от онтологии к эпистемологии и связи между ними.

Истина — это знание, которое бы включало в себя описание всех возможных эвентов, всех частей мироздания в его бесконечных проявлениях, но, как показал Кант, человек не способен выйти за пределы своих априорных форм восприятия [2]. Конечный разум человека не способен познать истину, потому что это бы значило познать за один акт мышления или восприятия все возможные ментальные концепции, значения характеристик всех атомов в нашем физическом мире, познать все мысли каждого человека, узнать обо всех возможных взаимодействиях и взаимоотношениях чего-либо с чем-либо. А сказать истину — значило бы за один акт речи объяснить все эти бесчисленные проявления. *Истина глобальна и бесконечна.*

Правда — это знание, которые включает в себя конкретную, конечную, локальную часть мироздания.

Именно правдами и оперирует человек, пытаясь познать мироздание. Именно наличие множества правд и среди бесконечности истины и порождает человеческие споры, ведь очень сложно выбрать что-то одно, а логический критерий для выбора одной правды из нескольких не всегда есть, но и стоит понимать, что даже таких критериев можно придумать и выявить бесконечно много. *Правда локальна и конечна.*

Ложь — это то явление, при котором одну правду пытаются выдать частью системы других правд, частью которых она не является, куда она не вписывается. Утверждение «Все медведи белые» будет правдой для полярного круга, но будет ложью для тайги или зоопарка. Именно отличие правды от лжи и позволяет понять, какие ментальные концепции являются актуальными для нашей локальной вселенной, а какие нет. Именно этот механизм и толкал мыслителей, а потом и учёных понять, как работает наша локальная реальность, но они не задумывались, что кроме неё есть и иные.

Связь между онтологией и эпистемологией Эвентизма заключается в том, что в мироздании всё является эвентами, но и само познание, истина, правда и ложь — это тоже эвенты.

Эвентизм не является истиной, ведь не описывает истину во всех проявлениях, но пытается максимально обобщённо описать мироздание как бесконечность на человеческом языке. Он не претендует на то, чтобы быть единственным описанием реальности. Он претендует на полезность и разрешение конфликтов между правдами, а также определения того, какие правды не являются ложью для нашей локальной реальности.

5. Критика логик как ограничений

На протяжении всего своего существования человечество должно было оперировать логикой — способом понимания того, как одни эвенты сменяют другими. Этот инструмент оказался настолько полезным, что за множество веков люди придумали весьма солидный список логик, которыми можно оперировать и находить закономерности в нашем мире. Но есть ключевая проблема — логика является методом ограничения мышления под определённые рамки. Бинарная логика мыслит в одном спектре доводов, паранепротиворечивая — в другом. Каждая логика, как локальные правды, действительно описывают конкретную часть мироздания — и зачастую весьма даже широкую. Но проблемы возникают, когда мы пытаемся наложить одну логику на другую.

— **Бинарная логика** делит мир на «да/нет». Она отлично помогает в математике, формальной логике и программировании, но в реальности есть полутона, вероятности, неопределённости и она не способна это объяснить.

— **Многозначная логика** делит всё на несколько значений истины. Это статистика, системы с большим числом состояний. Но бесконечность не сводится к конечной шкале.

— **Интуиционистская логика** признаёт только построенное (как конструктивная математика), но она игнорирует потенциальное и возможное.

— **Модальная логика** различает «возможно» и «необходимо». К ней относится философия и теория права. Её проблема — конечный набор модальностей.

Все эти и другие логики правы локально и ни одна из них не права глобально. И это не их недостаток — это их природа. Каждая логика — это инструмент, созданный для определённой задачи, нацеленный на ограничение безграничного. Эвентизм не предлагает новую логику. Он предлагает осознание того, что все логики — это очки, через которые люди смотрят на мир, фильтруя его содержание для одного критерия и избегая все остальные. Каждая пара очков показывает чётко, но узко. **Эвентизм предлагает не выбирать один тип логики навсегда, а научиться снимать и надевать их очки в зависимости от того, что мы исследуем, не впадая в необходимость претендования правильности одной логики над другой.**

6. Критика методов познания как ограничений

Точно так же, как каждая логика ограничивает бесконечное, каждый метод познания подразумевает собой способ выделения чего-то конкретного из бесконечного мироздания. Разные методы познания идеально подходят для конкретных областей, частей этого мира, но стоит учитывать, что все они описывают какую-то часть мироздания, которая объективно есть относительно всего сущего, ведь уже было показано, что существование относительно. Можно метафорично сказать о «**познательной слепоте**»: явлении, когда человек познаёт что-то и думает, что этого не существует относительно всего мироздания, когда на самом деле нужно спросить: «Не существует относительно чего конкретно и насколько опосредованно?». Ментальная концепция «если бросить камень вниз, то он упадёт на землю вследствие гравитации» существует относительно нашего разума и ментального уровня, и, как следствие, с помощью практики можно доказать, что это утверждение существует и для физического мира как его правдивое проявление. Если же сказать «если бросить камень вниз, то он взлетит вверх вследствие гравитации» будет ложным для *нашего* физического мира, но, тем не менее, будет действительно существующей ментальной концепцией, которая неопровержимо является частью всего мироздания. Также можно представить, что есть вселенная, в которой такое утверждение будет правдивым как физическое явление, если мы будем концептуально говорить о мультивселенной как совокупности всех физических локальных миров.

Рассмотрим, относительно чего работают разные методы познания, и где их область действия заканчивается:

— **Эмпиризм** — это знание о физической реальности через чувства. Он полностью игнорирует ментальное и потенциальное. Пример: «Я вижу, что вода при 100°C закипает — это моё чувственное знание».

— **Рационализм** же говорит о логических структурах через разум, но не даёт нового знания о мире вне хода своих рассуждений. Пример: «Все люди смертны, Сократ — человек, значит, Сократ смертен» — это логический вывод.

— **Интуитивизм** твердит о знании о целостности через озарение, но субъективен и недоказуем практически. Пример: «Я чувствую, что этот человек мне не доверяет, хотя не могу объяснить почему».

— **Прагматизм** есть знание о том, что работает через действие, но он лишь сводит истину к пользе. Пример: «Эта таблетка снимает головную боль — значит, она «истинна» в моей ситуации».

— **Феноменология** — это описание субъективного опыта. Однако она не даёт физического знания. Пример: «Когда я ем клубнику, я описываю именно свой вкусовой опыт, а не химический состав ягоды».

— **Мистицизм** говорит о знании трансцендентного через откровение, но не проверяем для других. Пример: «Я пережил единение со вселенной во время медитации — и это моя реальность».

Каждый метод познания даёт доступ к своей области мироздания, но ни один не охватывает его целиком. Споры между ними возникают, когда один метод пытается навязать свою картину другой области. Эмпирик говорит: «Бога нет, я его не вижу». Мистик говорит: «Бог есть, я его переживаю». Эвентизм говорит: «Вы оба правы локально. Эмпирик описывает физическую реальность, мистик — ментальную или трансцендентную. Вы спорите, потому что выдаёте свою локальную правду за глобальную истину. Проблема начинается тогда, когда эмпирик пытается доказать отсутствие Бога как ментальной концепции, сводя его к атомам, а мистик — когда пытается доказать появление человека в нашей локальной вселенной через Адама и Еву, а не через эволюцию».

Одним из самых мощных инструментов познания является сомнение [1]. Декарт показал, что, сомневаясь во всём, мы можем прийти к незыблемой основе: «Я мыслю, следовательно, я существую». Но Декарт остановился слишком рано, найдя субъекта, но не спрося, что делает возможным само существование субъекта. Эвентизм идёт дальше. Если субъект сомневается во всём, то он не может сомневаться в том, что его ощущения структурированы. Они не хаотичны и подчиняются закономерностям, которые не зависят от моей воли. Он не может по желанию сделать так, чтобы красное стало синим, или чтобы камень, брошенный в воздух, не упал. Это означает, что помимо ощущений существуют закономерности — структуры эвентов, которые не сводятся к субъективному опыту. Познание через сомнение полезно локально, но он не исчерпывает всех методов познания.

7. Как философские системы становятся локальными правдами

Философские системы редко бывают полностью истинными или полностью ложными. Они представляют

собой сложные ментальные эвенты, состоящие из множества компонентов. Каждый компонент может быть правдивым для одной области мироздания и ложным для другой, и также важно учитывать то, как философские концепции описывают физический и ментальный уровни конкретно в нашей локальной вселенной, и что для них будет ложным.

Рассмотрим несколько примеров:

— **Атомизм Демокрита.** Идея о том, что материя состоит из элементарных частиц, оказалась правдивой для нашей локальной физической реальности и работает как физический эвент. Но идея о том, что атомы имеют геометрическую форму, будь то крючки, шарики или треугольники, оказалась ложной для нашей вселенной. Это был ментальный эвент (концепция), который не актуализировался в нашей физической реальности. Однако в другой гипотетической вселенной, с иными онтологическими условиями, такие атомы могли бы существовать, что уже предполагает выход за пределы локальной онтологии Демокрита [9].

— **Платонизм.** Идея о том, что существуют ментальные закономерности, не сводимые к физическим объектам, весьма правдива. Это наши ощущения, наши мысли, наши идеи, наши желания, воображаемые структуры — всё это не есть атомы, но есть часть всего мироздания. Идея о существовании ментального, не сводимого к материи, подтверждается существованием математических структур, логических законов и моральных интуиций. Но идея о том, что мы изучаем эти идеи в «мире идей» до рождения, — это ментальный эвент, который не подтверждается в нашей локальной реальности. Платонизм правдив в том, что ментальные структуры не сводимы к физическим, но не правдив в том, что этот мир идей единственен [6]. Однако это не исключает, что в других вселенных такая онтология не является возможной.

— **Картезианство.** Декарт прав, когда говорит, что есть субъект и его ощущения [1]. Но он ошибается, когда останавливается на этом и не замечает, что ощущения структурированы закономерностями, которые не зависят от субъекта. Его система правдива локально (она описывает субъективный опыт), но ложна глобально (так как игнорирует объективные закономерности). Современный пример: нейробиолог говорит: «Сознание — это активность нейронных сетей». Феноменолог отвечает: «Нет, сознание — это поток переживаний». Нейробиолог описывает физические эвенты (мозг). Феноменолог — ментальные эвенты (переживания). Оба описывают один и тот же объект с разных сторон, и их спор — это не борьба истин, а столкновение локальных правд, каждая из которых работает в своей дисциплине.

— **Индийская философия.** Утверждение «у меня есть способность принимать решения через волю» — это описание нашего реального ментального опыта, это правдиво для нашей локальной вселенной. А утверждение «моя воля генерируется третьей чакрой, которую называют Манипурой» — это попытка приписать этому опыту не-

существующую физическую причину в нашей локальной реальности. Это ложно локально.

Философия — это конечная ментальная концепция, описывающая конкретную часть мироздания, но не всё мироздание, являясь лишь его ограниченной частью.

С помощью введённых понятий можно показать, что классические проблемы философии перестают быть проблемами, если смотреть на них иначе:

Материализм правдив, когда пытается объяснить физическую реальность, но ложен, когда пытается распространить свои утверждения и методы на ментальную. Ключевым доводом против материализма является наличие ощущений. В Эвентизме ощущение есть связь разума с эвентами, не являющимися его непосредственной частью. При этом эта связь может осуществляться через цепочку «разум/внутренний мир — внешний мир», например как восприятие физическим телом, так и «разум/внутренний мир — разум/внутренний мир», как например при интроспекции. Разум всегда находится в ментальном ландшафте ощущений, актуальных в настоящий момент времени. Материализм не способен объяснить существование красного цвета, не редуцируя его к длине световой волны, однако отрицать сам факт существования красного цвета как части мироздания невозможно. Важно подчеркнуть: Эвентизм не отрицает, что ментальные и физические процессы синхронизированы. Более того, он указывает на это, выделяя существование и того, и другого. Активация нейрона и появление мысли онтологически одновременны — это эмпирический факт. Но из синхронизации не следует тождество. Если бы разум был только мозгом, субъективное ощущение «я есть» было бы избыточным эпифеноменом. Однако это ощущение — первичная данность нашего опыта. Если бы мы были только нашим мозгом, не было бы мыслей, не было бы ощущений, не было бы желаний. Всё то, что наука называет эпифеноменами, просто бы не существовало — и этот физический мир был бы лишь миром-автоматом, который никто не воспринимает, потому что люди были бы просто механизмами без разума. Сами ощущения есть самостоятельный ментальный эвент, который не сводится к физическим процессам, хотя и синхронизирован с ними. Ментальное и физическое комплементарны (взаимодополнительны), но не тождественны.

Солипсизм не объясняет стабильность ощущений. Если бы мир был только продуктом разума, он был бы изменчив по желанию. Но ощущения подчиняются закономерностям, которые не зависят от воли субъекта. Это доказывает, что есть внешняя упорядоченность, не сводимая к индивидуальному сознанию. Более того, ощущения могут как иметь внешний триггер (восприятие органами чувств), так и не иметь (ощущение своих мыслей, осознанных снов и галлюцинаций), но и те и другие имеют упорядоченность, что говорит о том, что даже чисто ментальные закономерности разума имеют свою систему.

Дуализм сталкивается с вопросом о взаимодействии ментального и физического. Эвентизм же показывает,

что не обязательно доказывать прямую связь между ментальным и физическим как связь между двумя атомами в камне или двумя идеями в какой-то концепции. Достаточно указать на то, что мы наблюдаем эту связь и этого более чем достаточно, чтобы показать, что она есть часть мироздания. Нематериальными мыслями способны двигать материальную руку. Физический фотон способен давать нефизическое ощущение разуму. Математические формулы, являясь ментальными концепциями и структурами, отлично описывают поведение материальных частиц в нашем локальном физическом мире, а некоторые даже пытаются предсказать поведение частиц в других возможных мирах. И ментальное, и материальное — эвенты, просто разных типов. Они не разделены онтологически, но различны по своей структуре и по степени опосредованности. Дуалист прав, когда говорит, что есть различие. Но он ошибается, когда говорит об отсутствии взаимосвязей между ментальным и физическим. Эвентизм как метаязык не ставит своей задачей предложить физический механизм связи ментального и физического. Это задача конкретных наук — нейробиологии, физики, психологии. Эвентизм лишь указывает на онтологическую рамку, в которой такая связь возможна и не противоречива: ментальное и физическое — это разные типы эвентов, которые могут быть синхронизированы. Конкретный механизм их взаимодействия — это вопрос для эмпирических исследований, а не для метафизического языка.

Таким образом, в рамках Эвентизма можно утверждать, что существуют два явления, данные нашему опыту: **ощущения** и **закономерности** (в отличие от идеи Декарта о том, что есть только субъект и его ощущения, не объясняя их стабильность [1]). И то и другое также является эвентами, то есть актами бытия, а не свойствами эвентов. И этого более чем достаточно, чтобы описать всё мироздание. Однако на этапе изложения основных принципов может возникнуть возражение о том, что предлагаемая метаонтология является скрытой формой солипсизма, где «закономерности» заменяют собой «восприятия», но это уже опровергалось в примере с Декартом и его методом познания через сомнение. В Эвентизме — что закономерности существуют независимо от того, воспринимаются ли они кем-либо. Мысль о единороге существует как ментальный эвент, даже если никто его не мыслит в данный момент. Она существует как потенция, как возможность и как элемент структуры мироздания. Точно так же физические закономерности (например, гравитация) существовали до появления наблюдателей и будут существовать после их исчезновения. Субъект в Эвентизме — не источник бытия, а лишь один из элементов мироздания. Более того уже говорилось о явлении «познательной слепоты»: чтобы воспринимать что-либо, это что-то должно существовать как часть мироздания, ведь восприятие — это связь разума с каким-либо другим эвентом. Из такой логики явно следует то, что нельзя воспринимать того, чего не существует относительно всего мироздания как какой-либо его части.

8. Критика Поппера и новая роль науки

Поппер предложил критерий фальсифицируемости как способ отличить науку от ненауки, согласно которому, научная теория должна допускать возможность своего опровержения [7]. Если теория принципиально не может быть опровергнута ни одним мыслимым экспериментом, она объявляется ненаучной. Это действительно гениальный способ определять, что является правдивым, а что ложным для данной локальной физической вселенной, но ошибочно полагать, что точечный инструмент будет работать на глобальном уровне. Эвентизм не просто принимает вызов Поппера — он показывает, что сам его критерий внутренне противоречив. Рассмотрим несколько примеров для обсуждения того, является ли главный научный критерий абсолютным.

— Пример 1: Граница эмпирической проверки. Чтобы опровергнуть Эвентизм, нужно указать на нечто, что не является эвентом. Представим мысленный эксперимент: предположим, что с помощью генной инженерии, нейромодификации или оцифровки сознания мы изменяем разум так, чтобы он смог *ощутить* что-то, что не является актом бытия — то, что не есть ни эвент, ни его отсутствие. Если такое изменение невозможно, это означает, что всё сущее в мироздании является актом бытия — исходный тезис об эвенте подтверждён. Если же такое изменение возможно, то разум, ощутив не-акт бытия, не может зафиксировать результат этого изменения, поскольку фиксация результата, как и само восприятие, уже является эвентом. Здесь важно различать небытие и «не-акт бытия». Небытие — это часть мироздания, не имеющая в себе никаких эвентов кроме закономерности о том, что там нет эвентов (паранепротиворечивая логика). «Не-акт бытия» — это то, что не является ни эвентом, ни его отсутствием. Представьте: есть белый кролик (эвент), чёрный кролик (небытие) и волк («не-акт бытия»). Волк — не отсутствие кролика, а совершенно иная категория. Именно это мы и проверяем в попперовском эксперименте: сможем ли мы ощутить волка. Если мы не можем — значит разум принципиально не может выйти за пределы эвентов и всё в мироздании есть эвенты. Это не защита от критики, а указание на фундаментальную границу любой эмпирической проверки. Важно подчеркнуть: понятие «не-акта бытия» вводится исключительно как **логический вызов** в рамках критики попперовского критерия фальсифицируемости. Это не онтологическая категория Эвентизма, а мысленный эксперимент, демонстрирующий границы эмпирической проверки.

— Аргумент 2: Неустранимость горизонта. Как можно опровергнуть тезис «мироздание бесконечно»? Для этого было бы необходимо выделить из него конечную часть. Давайте проведём такую фальсификацию: подумаем о стуле. Сделав это, мы выделили конечную часть из необъятного — эксперимент проведён. Но за пределами стула всё ещё будет существовать множество других вещей, не являющихся им. Давайте теперь расширим критерий: поду-

маем о нашей физической вселенной. Количество энергии в ней, как и атомов, строго ограничено (закон постоянства масс и энергии). Впрочем, даже это ограничение не является абсолютным для всего мироздания. В других возможных вселенных законы физики могут быть иными — ничто не требует, чтобы мультивселенная подчинялась тем же онтологическим ограничениям, что и наша локальная реальность. Но даже если мы останемся в пределах нашей вселенной, за её физическими границами всегда остаётся ментальное — бесконечное по своей природе благодаря бесконечной комбинаторике мыслей, идей и воображаемых структур. Однако если мы подумаем о физическом мире, у нас останется ментальный, который совершенно бесконечен благодаря всевозможности комбинаций наших мыслей и воображаемых структур. Если мы сводим мироздание к нашей локальной физической вселенной и ментальному уровню, то мироздание уже будет бесконечно благодаря последнему. Если же думать шире и предполагать наличие других вселенных — иных физических миров с другой историей и законами — то даже физический уровень в таком случае будет бесконечным благодаря мультивселенной. Мы можем постоянно выделять конечные части из бесконечной вселенной, фальсифицируя идею о её бесконечности, но каждый раз будет оставаться такая же существующая часть мироздания, которая остаётся за пределами сфальсифицированной конечности. Всё то, что осталось за пределами нашего мышления, продолжает существовать как неопределённый горизонт. Мы не можем объяснить, почему остаются все остальные части мироздания, которые мы не мыслим. Но их существование не зависит от вашего мышления. Попперовский критерий требует, чтобы мы указали на нечто, что опровергнет теорию. Но в случае бесконечности такое указание невозможно по определению: любое указание уже находится внутри бесконечности.

— Аргумент 3: Плюрализм логических систем. Но даже если мы временно отвлечёмся от онтологических вопросов и применим попперовский критерий к самым формальным системам, которые он использует — к логикам, — мы столкнёмся с неразрешимым парадоксом.

о Как фальсифицировать бинарную логику? Очень просто: мы переключаемся на многозначную логику. С точки зрения многозначной логики, бинарная логика оказывается ложной глобально, потому что она не способна описать степени истины. Эксперимент проведён: бинарная логика «фальсифицирована». Но она продолжает существовать и работать в своей локальной области. Математики спокойно пользуются бинарной логикой несмотря на то, что она «опровергнута» многозначной.

о Как фальсифицировать многозначную логику? Мы переключаемся на размытую логику (Fuzzy logic), которая работает с непрерывными степенями истины. Многозначная логика оказывается «ложной» глобально, потому что она не способна описать плавные переходы, но она продолжает существовать в статистике и квантовой механике.

— Так мы можем продолжать бесконечно. Каждая из этих логик была «фальсифицирована» следующей, но ни одна не исчезла. Они продолжают работать в своих областях. Это показывает, что фальсифицируемость — не универсальный критерий истинности, а локальный инструмент. Каждая логика опровергается следующей, но ни одна не исчезает, все они продолжают существовать как равноправные инструменты в своих локальных областях. **Вывод:** если попперовский критерий не способен даже различить «научные» и «ненаучные» логики, если все логики оказываются одновременно «фальсифицированными» и «живыми» — значит, критерий не работает как универсальный инструмент демаркации.

За всеми этими парадоксами стоит глубинная причина, которую Поппер упускает из виду. Наш разум — продукт эволюции, которая не была заинтересована в познании бесконечности, а была заинтересована в выживании. Поппер, сам того не осознавая, требует от нас невозможного: выйти за пределы нашей эволюционно обусловленной природы. Его критерий работает безупречно внутри конечной, локальной реальности — там, где мы можем поставить эксперимент, получить результат и интерпретировать его. Но когда мы сталкиваемся с вопросами о бесконечности, о границах самого бытия, попперовский критерий оказывается бессильным.

Новая роль науки:

Эвентизм не отвергает Поппера, а показывает его место среди других способов узнать правду. Критерий фальсифицируемости — великолепный инструмент для выявления локальных закономерностей внутри нашей физической вселенной. Он помог науке отделить проверяемые гипотезы от спекуляций, но совершенно не работает там, где мы сталкиваемся с вопросами о самом бытии, о бесконечности, о границах познания. Поппер — это локальный гений. Он дал нам метод для исследования физической реальности, однако не дал нам метод для исследования мироздания как такового.

Любопытно, что наука (особенно физика) уже давно оперирует объектами, которые не являются материей в классическом смысле, что подчёркивает Пригожин в работе «Порядок из хаоса» [8]. Пространство не есть материя, однако оно описывается уравнениями гравитации. Время — это не материя, но оно изучается в космологии. Виртуальные частицы физического вакуума не являются материальными объектами в том смысле, в каком материальны атомы, но они производят реальные эффекты и признаются научным сообществом. Математические формулы — нематериальны, хотя без них невозможно построение физических моделей. Никто не считает эти сущности «ненаучными». Их признают реальными, даже если они не имеют массы, координат или определённого времени жизни.

Если наука уже признаёт пространство, время, виртуальные частицы и математику как реальные аспекты бытия, у неё нет онтологических оснований отрицать существование ментальных эвентов — мыслей, ощущений,

воли, сознания. Они не сводятся к материи, но они реальны как акты бытия.

Наука не ищет истину о мироздании в целом, исследуя нашу локальную реальность. Она определяет, какие ментальные эвенты актуализируются как физические в нашей вселенной, а какие остаются только ментальными. Наука помогает нам отличать правду от лжи в области физических эвентов (как ранее упомянутый пример с брошенным камнем и гравитацией), помогает нам отличать одно от другого — и это её сила и её граница.

Эвентизм не противоречит Попперу. Он его дополняет. Эвентизм показывает, что фальсифицируемость — это локальный метод, который имеет свою область применения. Выходя за эту область, мы вступаем в пространство метафизики, где ценность измеряется не способностью быть опровергнутой, а способностью быть полезной, объяснительной и открытой для новых вопросов.

9. Пять принципов мироздания

В Эвентизме предлагается 5 ключевых принципа, которые способны описать его онтологию и эпистемологию в наиболее общем виде с точки зрения восприятия его как совокупности эвентов, вытекающая из логических умозаключений:

1) **Принцип всевозможности** подразумевает, что мироздание бесконечно, а значит в нём есть любой мыслимый и не мыслимый эвент. Это умозаключение логически исходит из предположении о том, что мироздание включает в себя всё сущее. Относительно мыслимости и не мыслимости закономерностей имеется ввиду, что в мироздании есть те эвенты, которые входят в рамки человеческой логики (но например могут не входить в спектр того, что человек не может непосредственно воспринимать или представлять, как 4D-пространство, однако может о нём мыслить), так и те, которые не входят в её рамки ввиду того, что мы привыкли ментально оперировать только теми системами, которые даны нам в повседневной жизни (например, невозможно представить объекты, которые не были бы составлены из элементов предыдущего опыта, как то, что мы наблюдали на Земле или в космосе. Это иллюстрирует границы мыслимого человеческим разумом: люди привыкли оперировать в рамках понятий «время», «пространство», «объект», «сознание» и прочих). Однако невозможность их представления не означает их отсутствия в мироздании. Согласно принципу всевозможности, такие объекты существуют как часть мироздания, но остаются за пределами человеческой способности к воображению точно так же, как четырёхмерные объекты существуют математически, но не могут быть визуализированы трёхмерным разумом. Это различие между онтологическим существованием и эпистемологической доступностью является ключевым для понимания ограничений Эвентизма. Принцип всевозможности означает, что для любой структуры найдётся своё место в мироздании, будь то как физический объект

в иной вселенной, так и ментальный образ в сознании, что следует отличать от панлогизма в его классическом понимании (не всё мыслимое воплощено в конкретном физическом мире). Принцип всевозможности перекликается с идеей Уайтхеда о том, что реальность содержит все возможные формы [12].

2) **Принцип уникальности (локальности)** предполагает, что каждый эвент в мироздании имеет своё уникальное онтологическое положение во всеобщей системе эвентов. Рассмотрим в качестве примера ручку. Даже если взять две ручки, которые совершенно идентичны друг другу во всех отношениях, то мы не сможем всё равно поместить их в одной точке пространства, ведь иначе бы это была одна и та же ручка. Потому для пространственных структур самым элементарным отличительным критерием будет его положение в пространстве относительно своих двойников. Возникает парадокс: такие двойники будут идентичными во всех смыслах, что могло бы нарушить закон уникальности с классической точки зрения понимания того, что значит быть уникальным, но онтологический критерий всё равно сохраняется. Если же брать эвенты, не связанные напрямую с пространственным эвентом (например ментальное), то они также являются уникальными — например мысль об одной и той же ручке у разных разумов есть разный ментальный эвент, так как от этого зависит, в системе каких эвентов она находится (двух разных разумов). Этот принцип напоминает нам, что каждая правда имеет свою территорию, свою область применения. Попытка применить одну правду ко всему мирозданию — это попытка выдать локальное за глобальное.

3) **Принцип определённости и неопределённости.** Предполагает, что любая мысленная система (определённость) может быть дополнена бесконечным числом способов (неопределённость). Пример: рассмотрим мысленный образ цветка. Затем можно последовательно добавить то, что он красный. Потом, что он находится в вазе. Потом, что в вазе на столе. Далее — стол находится в кухне. Такую цепочку можно продолжать бесконечно, включая все возможные комбинации характеристик цветка, будь то материальные, пространственные, временные или иные.

4) **Принцип многогранности мироздания.** Предполагает считать, что если мироздание является бесконечной совокупностью концептуальных эвентов, то на него можно смотреть с бесконечного числа точек зрения. Каждая точка зрения будет правдивой в том смысле, что будет показывать действительно существующую часть мироздания, но не будет истинной, ведь тогда бы одной точкой зрения пришлось описать всё мироздание целиком во всех его проявлениях.

5) **Принцип бесконечного баланса.** Если на любой эвент можно смотреть с бесчисленного числа точек зрения, то для каждой из них найдётся бесконечная часть мироздания, где эта точка зрения работает, и бесконечная часть, где она не работает. Это логическое завершение: бес-

конечность не означает, что всё работает везде. Это означает, что для всего есть своё место. Принцип бесконечного баланса имеет важное логическое следствие. Если в мироздании есть всё, то в нём есть и участки, где принцип всевозможности работает, и участки, где он не работает. Но тогда возникает новое деление: внутри каждой из этих частей снова будет баланс между теми, где этот принцип соблюдается, и теми, где нет. Этот рекурсивный процесс можно продолжать бесконечно, что не разрушает систему, а подтверждает её: бесконечность устроена так, что любое утверждение имеет свою территорию, где оно истинно, и территорию, где оно ложно. Это не противоречие, а указание на структуру бесконечности.

Объяснением того, как именно в бесконечности возникают упорядоченные и хаотические участки, служит **Теория комбинативности**. Если мироздание — это бесконечное множество эвентов, то их локальные комбинации порождают всё многообразие структур. Хаос и порядок — не противоположности, а разные локальные комбинации одних и тех же эвентов. Пример с обезьяной и пианино: бесконечное число хаотичных нажатий неизбежно порождает локальный порядок (мелодию Моцарта). Точно так же в бесконечном мироздании хаотичные участки и упорядоченные структуры сосуществуют, потому что они разные комбинации одних и тех же эвентов. Как в бесконечном тексте случайных букв рано или поздно встретится «Война и мир» — так и в бесконечной комбинаторике эвентов любая правда находит свою территорию, а любая ложь — свою. Теория комбинативности объясняет принцип уникальности (локальности): каждая правда работает только в той комбинации, где она возникла. За её пределами она может быть ложной или бессмысленной. В качестве наиболее понятного примера работы теории комбинативности в нашей физической локальной вселенной будет выступать возникновение жизни, эволюции и сложных биохимических молекул и структур, которые возникли из хаоса космоса. Механизм комбинативности можно описать так: среди бесконечного числа случайных комбинаций эвентов с вероятностной неизбежностью возникают как упорядоченные структуры, так и хаотические участки. Бесконечность не означает, что всё упорядочено — она означает, что для любого порядка есть своё место, а для любого хаоса — тоже.

10. Эвристическая ценность и практическое применение

Эвристическая ценность Эвентизма заключается в том, что он предлагает переосмыслить исследования сознания и разума как ментальных эвентов в нашей локальной области мироздания. Вместо того чтобы считать ментальное эпифеноменом или «побочным продуктом» материи, Эвентизм предлагает рассматривать его как самостоятельную область локальной реальности — область ментальных эвентов. Наука слишком долго претендовала на звание «единственной истины», избегая ментального,

сводя его к материи и совершенно *непоследовательно* продолжая оперировать нематериальными пространством, временем и математикой. Эвентизм является приглашением к проведению исследований на тему того, какие философские, психологические и феноменологические концепции правдивы относительно нашей локальной вселенной, а какие — ложны (*например основные функциональные единицы психики, как работает подсознание*). Предлагается совершить исследования на тему того, как ментальное в данной вселенной связано с физическим (*например, исследовать, какие ментальные практики (медитация, интроспекция, терапия) актуализируют физические изменения в мозге, а какие остаются чисто ментальными структурами; или же исследовать связь разума с квантовыми эффектами*), какие у них соотношения и взаимоотношения, а также пересмотреть статус особых эвентов, которые упоминались ранее. Предлагается и расширить представления о мультивселенной, пересмотреть её статус научности, попытаться выявить математические, космологические, астрофизические или квантовые закономерности, которые могли бы указывать на связь нашей локальной физической вселенной с другими возможными.

Также Эвентизм предлагает принять этот язык не как научную теорию, а как моральный и экзистенциальный выбор. Он утверждает, что смысл, мораль, красота и любовь — это не эпифеномены материи и не «просто нейроны». Это реальные, непосредственные акты бытия (ментальные эвенты), которые существуют как часть нашей локальной реальности.

Эвентизм предлагает дать направление к новому подходу понимания того, что есть правда, а что есть ложь. Он предлагает начать мыслить по-новому, снять все возможные споры между разными онтологическими и гносеологическими концепциями и более тонко и гибко определить, какие из них работают для нашей локальной вселенной и её областей, а какие остаются только концепциями, которые могут быть правдивыми лишь для других гипотетических миров. Если это направление оказывается полезным — значит, система выполнила свою задачу.

Эвентизм не даёт ответов на все вопросы. Но он даёт язык, позволяющий понять, какие вопросы остаются корректными. И это уже — вклад.

10.1 Критерий локальной истинности

Одно из наиболее частых возражений против эвентизма звучит так: «Если всё есть эвенты и любая идея существует, то как отличить правду от лжи? И что делать, когда две локальные правды несовместимы в одной реальности?» Ответ заключается в различении *онтологического уровня и уровня применимости*. **На онтологическом уровне** любая идея существует как ментальный эвент. Концепция «Бог создал человека» существует так же, как и концепция «человек произошёл от обезьяны». Обе являются частью мироздания. Отрицать их существование

как ментальных структур было бы ошибкой. **На уровне применимости** мы задаём вопрос: актуализируется ли данная ментальная концепция в нашей локальной физической реальности? Наука (палеонтология, генетика, биология) показывает, что концепция «Бог создал человека» в её буквальном прочтении **не соответствует** физическим эвентам нашей вселенной. Она не описывает механизмы, которые мы наблюдаем в ископаемых останках, ДНК и эмбриологии. Следовательно, для системы «физическая реальность нашей локальной вселенной» эта концепция ложна. Однако это не делает её «несуществующей». Она существует как ментальный эвент, как часть культурного и религиозного опыта человечества. Более того, она могла бы быть правдивой для иной физической вселенной с иной онтологией — например, где законы биологии и истории были бы иными. Эвентизм не исключает такой возможности, но и не настаивает на ней.

Таким образом, эвентизм предлагает **двухуровневый критерий**:

1. Онтологический: идея существует как эвент — это факт.

2. Эпистемический: идея соответствует или не соответствует нашей локальной реальности — это вопрос проверки.

Конфликт между религией и наукой — это не конфликт «истин», а конфликт **систем применимости**, что согласуется с критикой универсализма научного метода [4]. Религия работает в системе личного мировоззрения, смыслополагания и этики. Наука работает в системе физической реальности. Ошибка возникает, когда одну систему пытаются наложить на другую: когда религию проверяют физическими методами или когда науке приписывают моральные и смысловые функции. Эвентизм не отменяет этот конфликт, но проясняет его природу, показывая, что каждая из сторон права в своей области и ошибается, когда пытается занять чужую.

11. Заключение: кредо Эвентизма

Эвентизм не является теорией всего, но представляет собой метафизику и метаязыковую модель, предлагающую способ описания любых теорий. Он не отрицает науку, не заменяет религию и не отменяет этику. Он лишь показывает место их правд в бесконечности истины: все они есть локальные системы эвентов, актуальные для определённых частей нашего мира.

Принятие или отвержение предлагаемой системы остаётся за читателем. Автор излагает логическую последовательность рассуждений, не претендуя на абсолютную истину. Философия — это не собрание догм, а пространство для диалога. Эвентизм предлагает себя в качестве такого диалога.

Ключевое кредо Эвентизма: он предлагает перестать спорить о том, какая правда правильнее, и начать исследовать, где какая правда работает. Материализм работает для физической реальности (но не в плане того,

что все философские материалистические идеи оказались правдивыми для нашего локального мира). Идеализм работает для ментальной (такой же нюанс, как и с материализмом). Религии работают для трансцендентного опыта. Поппер работает для локальных закономерностей внутри нашей вселенной. Все они правы — каждая в своей области. Ошибка начинается тогда, когда одну правду пытаются наложить на все области.

Важно подчеркнуть, что Эвентизм не является релятивизмом в привычном смысле этого слова. Релятивизм утверждает: «Всё относительно, нет объективных истин, каждый прав по-своему». Эвентизм говорит иное: все возможные ментальные структуры — любые идеи, концепции, системы ценностей — объективно существуют как эвенты в мироздании. Идея холокоста существует как ментальный эвент, идея гуманизма существует как ментальный эвент. Но факт их существования не означает, что они равны по своей применимости в нашей локальной реальности. Если идея ведёт к разрушению условий существования этой реальности (насилие, отрицание базовых прав, разрушение социальных связей), то она онтологически существует как эвент, но этически и практически неприменима в данном контексте, считаясь аморальной. Выбор деструктивной идеи — это онтологический факт о выборе субъекта, но не этическое оправдание для него. Это не релятивизм, а онтологический плюрализм, показывающий единство всего сущего через монизм эвентов, который признаёт существование всего, но требует выбора локальной правды, работающей в нашей конкретной реальности, и не отрицающий морали как неотъемлемой части мироздания.

Эвентизм также не утверждает, что познание невозможно, как агностицизм или нигилизм. Напротив, Эвентизм утверждает, что познание не только возможно, но и бесконечно продуктивно. Мы способны выделять из мироздания бесчисленное множество локальных правд, каждая из которых является знанием о своей области. Мы можем познать структуру атома, природу сознания, законы логики, механизмы социального взаимодействия — всё это локальные правды, которые мы способны добыть и проверить. Единственное, что нам недоступно — это полное, одновременное знание всей бесконечности. Но недостижимость абсолютной истины не означает беспомощности, ведь мы не можем охватить океан целиком, но это не мешает нам плавать в нём, изучать его течения и строить карты. Агностицизм говорит: «мы ничего не знаем». Эвентизм говорит: «мы знаем бесконечно много, но всегда локально». И это не слабость, а указание на нашу конечную природу, которая вовсе не исключает бесконечного движения познания.

Эвентизм — это локальная правда о том, как устроено познание. **Как проверяется сам Эвентизм?** Его главные тезисы — «всё есть акты бытия» и «мы познаём локальные правды, а не глобальную истину» — подтверждаются всем ходом человеческого опыта. Всё, что когда-либо существовало в нашем опыте, было актом бытия (эвентом).

Все концепции, идеи и системы, которые когда-либо возникали в культуре, продолжают существовать как ментальные эвенты, даже если они были «опровергнуты» или «забыты». Бесконечное разнообразие мнений, философских систем и методов познания — это не недостаток, а эмпирическое указание на то, что мироздание содержит бесконечное множество локальных правд. Эвентизм не проверяется экспериментом в лаборатории — он проверяется тем, что мы наблюдаем повсюду: бытие и многообразие. В области практической морали и политики Эвентизм должен дополняться другими инструментами. Эвентизм — не истина. Он инструмент. И если он помогает перестать спорить и начать понимать, где какая правда работает — он выполнил свою задачу.

Эвентизм нужен не только философам и учёным. В повседневной жизни он предлагает простой, но глубокий принцип: ваше мнение — не единственно верное. Мнение другого человека не ничтожно и не «неправильно» — оно есть как онтологическая данность, как часть мироздания. Эвентизм призывает перестать кричать друг другу с высокой колокольни своей правды и начать искать компромиссы, осознавая, что каждая точка зрения работает в своей локальной реальности. Кроме того, Эвентизм даёт моральное облегчение от редукционистического гнёта материалистической науки: он показывает, что мы не просто «кучки атомов», а сложные системы ментальных эвентов,

что разум, чувства, любовь — это реальные акты бытия, а не «побочные продукты» материи. Это не отрицание науки, а её дополнение — возвращение человеку его внутреннего мира как онтологически значимого.

Автор сознательно не выстраивает обширного библиографического аппарата, поскольку Эвентизм родился не как компиляция существующих философских систем, а как результат многолетних самостоятельных размышлений о природе бытия и познания. Это не означает, что автор отрицает ценность предшествующей философской традиции — напротив, он приглашает читателя и исследователей к сравнению и диалогу. Эвентизм предлагает себя не как завершённую доктрину, а как открытую рамку для обсуждения. Однако автор осознаёт, что отдельные интуиции системы пересекаются с другими философскими концепциями, но не тождественны им. В отличие от этих подходов, Эвентизм вводит единый онтологический язык — эвент — и предлагает не просто «множественность», а критерий локальности для навигации в этой множественности. Автор приглашает к диалогу исследователей, работающих в этих традициях, для уточнения границ и точек пересечения.

Эвентизм — не догма. Это способ видеть не одну правду, а бесконечное поле правд. Каждая — на своём месте. И если это поможет нам перестать враждовать и начать понимать — он уже выполнил свою задачу

Литература:

1. Декарт Р. Размышления о первой философии // Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. 1. — С. 279–315.
2. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Наука, 1964.
3. Лаберж С. Осознанные сновидения. — М.: Издательство «Эксмо», 2003.
4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. — М.: Едиториал УРСС, 2001.
5. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 237–456.
6. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Мысль, 1994. — Т. 3. — С. 89–454.
7. Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М.: Прогресс, 1986.
9. Рассел Б. История западной философии. — М.: АСТ, 2001.
10. Сартр Ж. П. Бытие и ничто. — М.: Республика, 2000.
11. Тулмин С. Человеческое понимание. — М.: Прогресс, 1984.
12. Уайтхед А. Н. Процесс и реальность. — М.: ИФ РАН, 2000.
13. Фейерабенд П. Против метода. — М.: АСТ, 2007.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Ad Marginem, 1997.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 27 (630) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 15.07.2026. Дата выхода в свет: 22.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.